Ғ 96/116

Р 1-82/11645

801-14/1676

УЧАСТІЕ

Н. И. ИЛЬМИНСКАГО

ВЪ ДѢЛѢ

ИНОРОДЧЕСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ

ВЪ

ТУРКЕСТАНСКОМЪ КРАѢ.

П. В. Знаменскаго.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета,
1900.

Печатать дозволяется. Ректоръ академіи, Епископъ **Антоній**.

Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Православный Собесѣдникъ“ за 1900 годъ.

2007057472

Лѣтомъ 1899 года въ Ташкентѣ вышла книга, посвященная памяти К. П. Кауфмана, перваго генералъ-губернатора, устроителя и просвѣтителя Туркестанскаго края, подъ заглавіемъ: „Къ Исторіи народнаго образованія въ Туркестанскомъ краѣ. К. П. фонъ Кауфманъ. Личныя воспоминанія Н. Остроумова (1877—1881 гг.)“.

Авторъ ея Н. П. Остроумовъ питомецъ Казанской академіи, лучшій изъ учениковъ покойнаго Н. И. Ильминскаго, оріенталистъ и знатокъ Туркестанскаго края. Въ 1877—1881 гг. онъ былъ постояннымъ и самымъ довѣреннымъ сотрудникомъ К. П. Кауфмана по части мѣстнаго народнаго образованія и зналъ всѣ подробности его просвѣтительной дѣятельности и его программы народнаго образованія. Вся книга составлена по записямъ, которыя въ свое время авторъ велъ, внося въ нихъ все, что ему казалось замѣчательнымъ въ его сношеніяхъ и бесѣдахъ съ генералъ-губернаторомъ и въ общемъ ходѣ учебнаго дѣла въ краѣ. По прочтеніи воспоминаній г. Остроумова въ умѣ читателя возникаетъ вполнѣ ясный и живой образъ знаменитаго генерала и такая же ясная и живая картина не только внѣшняго, но и внутренняго развитія мѣстнаго народнаго образованія.

Покойный генералъ былъ человѣкъ универсально образованный, съ широкими политическими взглядами, обнимавшими не одну только спеціальную для него военную часть администраціи, но и другія части государственной и общественной жизни вновь покореннаго

и ввѣреннаго ему края. На народное образованіе онъ обращалъ особенное вниманіе во все время своего генералъ-губернаторства. „Только народное образованіе, говорилъ онъ, способно завоевать край духовно: ни оружіе, ни законодательство не могутъ сдѣлать этого, а школа, и только школа, можетъ“ (въ книгѣ автора стр. 54—55). Такого убѣжденія держался онъ и ранѣе, во время своего генералъ-губернаторства въ Вильнѣ послѣ М. Н. Муравьева, гдѣ образовательными средствами онъ боролся противъ полонизаціи и окатоличенія русскаго и литовскаго населенія; его же положилъ въ основу своей дѣятельности и въ Туркестанскомъ краѣ, гдѣ ему приходилось утверждать русское господство среди восточныхъ племенъ въ борьбѣ съ неменѣе сильнымъ и опаснымъ для Россіи вліяніемъ татарства и ислама. Понятно, что на образованіе инородцевъ онъ долженъ былъ обратить наибольшую долю своихъ просвѣтительныхъ заботъ. Отъ болѣе или менѣе удачной постановки этого образованія зависѣла, какъ говоритъ г. Остроумовъ, вся будущность народнаго образованія въ краѣ, въ которомъ главный и постоянный элементъ населенія именно инородческій (стр. 113).

Дѣятельность генералъ-губернатора въ этомъ направленіи по времени какъ разъ совпала съ разработкой у насъ общаго вопроса объ инородческомъ образованіи, возбужденнаго во второй половинѣ 1860-хъ годовъ въ восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи и на югѣ въ Крыму. Главнымъ предметомъ, около котораго вращались всѣ разсужденія, недоумѣнія и споры по этому вопросу, была новая система инородческаго образованія въ русскомъ духѣ, творцомъ которой явился Н. И. Ильминскій, осуществившій ее въ своихъ инородческихъ школахъ въ Казани и Казанской губерніи, сначала въ селеніяхъ однихъ крещеныхъ татаръ, потомъ въ селеніяхъ и другихъ крещеныхъ же инородцевъ, и не въ одной уже только Казанской, но и по другимъ сосѣднимъ губерніямъ.

Съ самаго начала своего возникновенія эти школы получили особенное назначеніе быть оплотомъ противъ сильнаго напора на нашихъ восточныхъ инородцевъ со стороны мусульмано-татарской пропаганды, производившей между ними опасныя массовыя отступленія въ магометанство и, кромѣ того, грозившей въ самомъ непродолжительномъ времени всѣхъ ихъ лишить племенной особности и обратить въ татаръ. Прежняя русская школа, въ которой могли обучаться инородцы, служить такимъ оплотомъ оказывалась неспособной; она была болѣе чуждою для нихъ, чѣмъ татарскія школы муллъ, и по языку, который они изучали съ большимъ трудомъ въ явный ущербъ изученію самыхъ предметовъ школьнаго курса, и по всей своей обстановкѣ. Крайне немногочисленные ученики ея изъ инородцевъ, которыхъ она успѣвала кое-чему обучить и кое-какъ обрусить, только безплодно отрывались ею отъ своего племени, напримѣръ въ сельскіе писаря и под., не оказывая на своихъ единоплеменниковъ никакого культурнаго вліянія, какъ люди для нихъ чужіе и даже крайне иногда непріятные.

Для успѣшнѣйшаго выполненія своей миссіи, новая инородческая школа усвоила себѣ чисто народныя (для каждаго племени) формы обученія и быта, давшія ей въ глазахъ инородцевъ сразу громадное преимущество и передъ старыми русскими, и передъ татарскими мусульманскими школами. Русское образованіе, которое она стала сообщать своимъ питомцамъ, облеклось въ ней въ родную національную форму, чтобы прямѣе, непосредственнѣе и живѣе сообщиться ихъ уму и сердцу, сдѣлаться для нихъ своимъ, роднымъ, и самихъ ихъ сроднить съ общимъ для нихъ съ нами русскимъ отечествомъ. Внѣшній бытъ ея устроивался въ формахъ самыхъ простыхъ и скромныхъ, возможно близкихъ къ формамъ быта самихъ инородцевъ. При выборѣ учителей преимущество положено давать учителямъ изъ единоплеменныхъ съ учениками инородцевъ. Образовательнымъ орудіемъ, языкомъ преподаванія принятъ родной

разговорный языкъ каждаго племени, а русскій языкъ объявленъ языкомъ только учебнымъ, который ученики должны изучать наравнѣ съ другими предметами школьнаго обученія, съ помощію своего же родного языка, и дѣлается языкомъ преподаванія уже по мѣрѣ его усвоенія учащимися. Для облегченія начала къ его изученію и перехода къ чтенію русскихъ книгъ въ школьныхъ учебникахъ и др. книгахъ на инородческихъ языкахъ принята русская транскрипція; кромѣ того, русскій алфавитъ этихъ книгъ долженъ былъ рѣзкой гранью отдѣлять воспитанниковъ новой школы отъ татарско-мусульманской грамоты и культуры, пользующейся священнымъ и общимъ для всѣхъ мусульманъ арабскимъ алфавитомъ.

Главнымъ предметомъ разныхъ недоумѣній относительно этой новой системы инородческаго образованія сдѣлалась именно эта его внѣшняя народная форма, прежде всего бросавшаяся въ глаза ревнителямъ государственнаго языка, не обращавшимъ изъ-за него вниманія на сущность дѣла и практическую важность новыхъ пріемовъ образованія, въ сущности чисто русскаго и глубоко религіознаго. Любопытно, что къ числу такихъ ревнителей примыкало много духовныхъ лицъ, которымъ, кажется, ближе было бы ревновать именно о лучшемъ и легчайшемъ изученіи инородцами закона Божія на родномъ языкѣ и о болѣе сердечномъ воспитаніи ихъ въ вѣрѣ, чѣмъ объ интересахъ государственнаго языка. Въ одномъ письмѣ Н. И. Ильминскаго къ К. П. Побѣдоносцеву (отъ 27 іюня 1891 г. см. въ изданіи этихъ писемъ стр. 398—399) находимъ выразительную съ его стороны реплику противъ опасенія, высказаннаго въ 1891 г. въ училищномъ совѣтѣ при Святѣйшемъ Синодѣ однимъ изъ іерарховъ, будто бы допущеніе инородческихъ языковъ въ школу и церковь создастъ новыя народности во вредъ русскому государству и народу. „Противъ этого опасенія нужно имѣть въ виду слѣдующій фактъ. Издавна началось и доселѣ неудержимо продолжается постепенное поглощеніе всѣхъ при-

волжскихъ инородцевъ, не только язычниковъ, но и крещеныхъ, магометанствомъ и татарствомъ... На нашихъ глазахъ цѣлыми деревнями отпадаютъ въ магометанство черемисы, вотяки и чуваши и дѣлаются татарами, подготовленные къ этому издавна и постепенно... Это неотразимый процессъ, въ родѣ гангрены, который, если не поставить ему преграды, можетъ окончиться въ какія нибудь 50—100 лѣтъ окончательнымъ переходомъ всѣхъ нашихъ инородческихъ племенъ, — чувашъ, черемисъ, вотяковъ, въ татаръ-магометанъ. И будетъ Магометъ всяческая во всѣхъ. Единственное средство противъ такого неминуемаго бѣдствія есть внутреннее, сердечное и убѣжденное усвоеніе инородцами христіанскаго ученія, оживляемое православнымъ богослуженіемъ и молитвою. А для такого живого и глубокаго усвоенія инородцами христіанскаго ученія самымъ вѣрнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ служитъ родной языкъ. Такимъ образомъ ставится дилемма: если изъ опасенія отдѣльныхъ народностей не допускать инородческаго языка въ инородческія школы и церкви въ достаточномъ количествѣ для твердаго и полнаго, убѣжденнаго усвоенія христіанской вѣры,—въ такомъ случаѣ всѣ инородцы сольются въ одно племя по языку и по вѣрѣ, — въ татарское и магометанское. Если же допустить инородческіе языки, въ такомъ случаѣ, если бы даже и поддержались народности, но разныя, мелкія, къ татарству не расположенныя и съ русскимъ народомъ соединенныя единствомъ вѣры. Выбирайте. Но я полагаю, что такія мелкія, разрозненныя народности не могутъ прочно существовать и въ концѣ концовъ они сольются съ русскимъ народомъ самымъ историческимъ ходомъ жизни“.

Первое приложеніе новой системы инородческаго образованія касалось только крещеныхъ инородцевъ, но скоро ея вліяніе простерлось и на нехристіанскія племена, прежде всего на кочевниковъ восточныхъ степей. Въ 1858—1861 годахъ Н. И. Ильминскій служилъ въ Оренбургской пограничной коммиссіи, предсѣдателемъ

которой былъ тогда извѣстный оріенталистъ В. В. Григорьевъ. Оба они сильно заинтересовались положеніемъ степной киргизской народности, тѣснимой, какъ и поволжскія племена, неудержимымъ напоромъ татарско-мусульманской культуры. Явное преобладаніе татаръ надъ киргизами по административнымъ отношеніямъ, созданное еще при императрицѣ Екатеринѣ II, и фанатическая пропаганда татарскихъ муллъ, все болѣе и болѣе завладѣвавшихъ духовною жизнью края, направлялись къ полному отатаренію добродушной, полушаманствующей и неписьменной киргизской народности и вмѣстѣ къ ослабленію въ степяхъ русскаго вліянія. Въ русско-киргизскомъ управленіи татары, въ должностяхъ толмачей, писцовъ и проч., сдѣлались постоянными посредниками между русской администраціей и киргизскимъ народомъ; оффиціальнымъ языкомъ въ степи сдѣлался языкъ татарскій. Въ 1850 г. въ Оренбургѣ была открыта школа для киргизскихъ дѣтей и сразу получила татарскій характеръ съ господствомъ обученія, вмѣсто русскаго языка, языку татарскому. Богатые и должностные киргизы были всѣ отатарены. Обтатареніе проникало и въ массу народа, проникая въ степь разомъ съ двухъ сторонъ, съ русской и средне-азіатской границъ. Усиленіе русскаго вліянія и ослабленіе татарскаго было вообще самой настоятельной потребностью киргизскихъ степей.

В. В. Григорьевъ старался ослабить это опасное вліяніе татарства посредствомъ усиленія народныхъ элементовъ степной жизни, для чего прежде всего старался поднять значеніе національнаго языка киргизовъ, заставляя толмачей писать на немъ оффиціальныя бумаги, и усилить русское направленіе въ оренбургской школѣ. По его иниціативѣ положено было въ главныхъ укрѣпленіяхъ Уральской области открыть еще четыре школы съ русскимъ же направленіемъ и съ обученіемъ русскому и киргизскому, а не татарскому, языкамъ; обученіе мусульманскому вѣроученію дозволялось въ нихъ только частнымъ образомъ, внѣ штата. Онъ же

первый сталъ проводить мысль о приложеніи къ киргизскому языку, какъ неписьменному, русскаго, а не арабско-татарскаго алфавита. Сотрудникъ его Ильминскій отъ души полюбилъ талантливый киргизскій народъ и его выразительный языкъ, изучилъ послѣдній и въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета (1860—1861 г.) издалъ „Матеріалы къ его изученію“ и одну киргизскую повѣсть Иръ-Таргынъ. Для киргизскихъ школъ имѣлъ потомъ важное значеніе его „Самоучитель русской грамоты для киргизъ“ (Казань. 1861). Онъ успѣлъ завязать въ степи нѣкоторыя знакомства и связи съ киргизскими учениками оренбургской школы, изъ которыхъ одинъ, особенно имъ любимый, Алтынсаринъ былъ послѣ виднымъ дѣятелемъ на поприщѣ киргизскаго образованія.

Своей любви къ киргизскому языку и народу Н. И. Ильминскій не измѣнялъ и послѣ, на своей казанской службѣ. Въ концѣ 1860-хъ годовъ въ киргизской степи начаты были важныя преобразованія, направленныя къ усиленію въ ней русскаго вліянія. Въ 1867 году оренбургскій генералъ-губернаторъ представилъ соображенія объ устройствѣ башкирскихъ и киргизскихъ школъ съ русскимъ направленіемъ. Разсмотрѣніе этихъ соображеній поручено было Ильминскому и дало ему поводъ сдѣлать первый опытъ примѣненія своей системы инородческаго образованія къ племенамъ нехристіанскаго вѣроисповѣданія. Эта важная задача была обстоятельно выполнена имъ какъ въ настоящей экспертизѣ генералъ-губернаторскихъ соображеній, такъ и въ нѣсколькихъ другихъ оффиціальныхъ запискахъ, касавшихся того же предмета по разнымъ случаямъ въ началѣ 1870-хъ годовъ. Записки эти изданы въ его книгѣ: „Воспоминанія объ Алтынсаринѣ“ (Казань. 1891) и имѣютъ не маловажное значеніе въ исторіи инородческаго образованія. Въ нихъ обрисовывается особый и цѣльный типъ этого образованія, проектированный для практическаго приложенія къ племенамъ чуждымъ христіанской вѣры.

Авторъ этихъ записокъ рекомендовалъ устраивать по киргизскимъ ауламъ такія же небольшія, скромныя и дешево стоющія школы, какія открывались тогда въ селеніяхъ крещеныхъ инородцевъ Казанскаго края, школы частнаго, а не правительственнаго характера, простого и естественнаго, такъ сказать — семейнаго устройства, которыя наиболѣе симпатичны народу и возбуждаютъ къ себѣ его довѣріе. Преподаваніе въ нихъ должно сообщать свѣдѣнія и идеи русскія и общечеловѣческія, а не магометанскія, возбуждать въ ученикахъ русскія симпатіи и сближать ихъ съ русскимъ народомъ. Языкомъ преподаванія въ нихъ непремѣнно долженъ быть языкъ родной, киргизскій, съ русскимъ алфавитомъ, который болѣе удобенъ для фонетики киргизскаго языка, чѣмъ арабскій, и можетъ, кромѣ того, всего лучше оградить киргизскій языкъ и самихъ питомцевъ школъ отъ татаризаціи. Мусульманскія особенности въ жизни учащихся слѣдуетъ по возможности устранять, предоставляя соблюденіе ихъ на волю самихъ учащихся, равно какъ и изученіе мусульманскаго вѣроученія. „Я долженъ присовокупить, писалъ Ильминскій, что, если киргизскій языкъ сдѣлается также органомъ магометанской вѣры и магометанскаго образованія, то это будетъ весьма неудобно, потому что въ такомъ случаѣ сила народнаго языка обратится къ упроченію магометанскаго направленія въ степи, во всякомъ случаѣ несовмѣстнаго съ русскимъ направленіемъ. Если школы муллъ будутъ продолжаться, то пусть уже онѣ учатъ татарской грамотѣ и мучатъ дѣтей арабской фонетикой,—это будетъ по крайней мѣрѣ не такъ рѣшительно, какъ распространять магометанство на родномъ, столь сильномъ языкѣ. Напротивъ русское образованіе должно распространяться непремѣнно покиргизски, въ началѣ же нужно поддержать народныя киргизскія сказанія и народный натуральный духъ, отъ котораго все-таки удобнѣе перейти къ русскому образованію, чѣмъ отъ магометанства. Если русскія школы будутъ сообщать познанія посредствомъ

роднаго киргизскаго языка, а муллы учить татарской грамотѣ и арабской фонетикѣ, то первыя возьмутъ перевѣсъ по меньшей мѣрѣ легкостью и скоростью обученія". Русскій языкъ Ильминскій ставилъ въ этихъ школахъ, какъ и въ татарскихъ, предметомъ только обязательнаго изученія. „Притомъ я полагаю, писалъ онъ, что главный интересъ обученія инородцевъ состоитъ не въ русскомъ языкѣ, а въ развитіи общечеловѣческихъ понятій, нравственныхъ началъ и убѣжденій и русскихъ симпатій; собственно русскій языкъ, самъ по себѣ, имѣетъ второстепенное, хоть важное же значеніе". Всѣ эти мысли можно было цѣликомъ приложить къ образованію инородцевъ и Туркестанскаго края, тѣмъ болѣе что степныя пространства этого края были заселены главнымъ образомъ тѣми же киргизами, что и степи края оренбургскаго.

Генералъ Кауфманъ былъ хорошо освѣдомленъ съ главными положеніями всей этой системы инородческаго образованія чрезъ министра народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстого, которой былъ всецѣло на сторонѣ Ильминскаго. Образованный генералъ-губернаторъ, горячій ревнитель русскаго дѣла на нашихъ окраинахъ, и самъ доходилъ до нѣкоторыхъ изъ положеній этой системы путемъ собственнаго опыта. Во время своего генералъ-губернаторства въ Вильнѣ онъ распорядился католическіе молитвенники для литовскихъ школъ на литовскомъ языкѣ печатать русскими, а не латино-польскими буквами (Ильминскаго: Изъ переписки о русскомъ алфавитѣ, стр. 26; Казань. 1883 г.). Въ Туркестанскомъ краѣ онъ сразу натолкнулся на опасныя проявленія мусульманской пропаганды и колонизаціи между добродушными кочевниками степныхъ пространствъ края и весьма близко сошелся съ Н. И. Ильминскимъ въ особенной симпатіи къ киргизамъ, въ которыхъ и онъ замѣтилъ болѣе податливости къ русскому вліянію и менѣе фанатической мусульманской порчи, чѣмъ въ населеніи осѣдломъ, — сартовскомъ, а особенно пришломъ татарскомъ. Разсчитывая на эту

податливость и меньшую испорченность степняковъ, онъ и думалъ начать дѣло русскаго образованія инородцевъ главнымъ образомъ именно съ киргизовъ.

Въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за время своего генералъ-губернаторства въ Туркестанскомъ краѣ (составл. Хомутовымъ и издан. въ Спб. въ 1885 г.). К. П. Кауфманъ сильно возставалъ не только противъ татарской колонизаціи, заполонявшей киргизскую степь своей фанатической пропагандой ислама, но и противъ сартовской, хотя и находилъ послѣднюю нѣсколько добродушнѣе. Ближе къ передовымъ линіямъ той и другой колонизаціи онъ видѣлъ въ степи уже вполнѣ организованное мусульманство съ множествомъ мечетей и съ стойкой, фанатической враждой къ христіанству, и всего опаснѣе находилъ то мусульманское вліяніе, которое шло съ русской границы, съ его хитрыми муллами и школами казанско-уфимскаго типа. „Киргизскую школу, опутанную татарскими и сартскими вѣроучителями, я желалъ бы видѣть и, какъ можно, скорѣе школою киргизско-русскою безъ всякой примѣси сартовскаго, а тѣмъ болѣе татарскаго элементовъ. Этотъ послѣдній элементъ я признаю до такой степени вреднымъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ сходится съ киргизскимъ населеніемъ, что предпочиталъ бы лучше, въ видахъ государственной пользы, видѣть на его мѣстѣ самыхъ отъявленныхъ фанатиковъ Бухары, именуемой здѣсь матерью ислама. Въ этомъ смыслѣ я и высказался, предположивъ для края полезною киргизско-русскую степную школу“ (Отчетъ, стр. 146—148. 440—441).

На такой почвѣ просвѣтительныхъ взглядовъ на инородческое образованіе и симпатій къ киргизскому населенію степей и возникли сношенія Н. И. Ильминскаго съ генераломъ Кауфманомъ; одновременно началось и участіе его въ дѣлѣ инородческаго образованія Туркестанской области, о которомъ мы думаемъ представить здѣсь нѣсколько свѣдѣній изъ сохранившихся послѣ него писемъ и другихъ бумагъ [1]).

Знакомство Николая Ивановича съ К. П. Кауфманомъ началось весной 1869 года сначала черезъ посредство А. Л. Куна, проѣзжавшаго тогда черезъ Казань изъ Петербурга на службу въ Ташкентъ. Кунъ былъ ученикомъ В. В. Григорьева по восточному факультету, былъ отъ него много наслышанъ объ Ильминскомъ и почиталъ долгомъ познакомиться съ замѣчательнымъ человѣкомъ. Притомъ же генералъ Кауфманъ, жившій тогда въ Петербургѣ, возложилъ на Куна порученіе пріобрѣсти въ Казани составленный Ильминскимъ Самоучитель русской грамоты для киргизовъ. Въ письмѣ отъ 28 апрѣля, извѣщая Николая Ивановича и объ этомъ порученіи, и о своей остановкѣ въ Казани, Кунъ просилъ его „не отказать ему въ совѣтахъ и указаніяхъ на новомъ пути“. Въ Казани онъ имѣлъ съ Н. И. Ильминскимъ нѣсколько свиданій, во время которыхъ послѣдній познакомилъ его съ своей системой и показалъ ему свою крещено-татарскую школу. Кунъ былъ совершенно увлеченъ и имъ, и его дѣломъ, а Николай Ивановичъ съ своей стороны былъ обрадованъ тѣмъ, что генералъ Кауфманъ, по словамъ Куна, совершенно сходился съ нимъ во взглядахъ и на инородческое образованіе вообще, и вчастности на важность именно скорѣйшаго образованія киргизскаго населенія Туркестанскаго края. Въ просвѣтительныхъ предположеніяхъ генералъ-губернатора онъ принялъ такое же горячее участіе, какъ и въ устройствѣ инородческаго образованія въ Оренбургскомъ краѣ, и пожелалъ войти съ Кауфманомъ въ болѣе близкія сношенія.

---

[1]) Однѣ изъ нихъ находятся въ дѣлахъ управленія учебными заведеніями Туркестанскаго края въ Ташкентѣ и имѣются у насъ въ копіяхъ, другія хранятся въ библіотекѣ Казанской академіи.

Генералъ съ своей стороны тоже изъявилъ желаніе видѣться съ нимъ для личныхъ переговоровъ по занимавшему ихъ обоихъ общему дѣлу, о чемъ и извѣстилъ его черезъ того же Куна. Генералъ-губернаторъ той же весной 1869 года долженъ былъ выѣхать изъ Петербурга въ Ташкентъ и назначилъ мѣстомъ свиданія казанскую пристань на Волгѣ. Въ ожиданіи этого свиданія Николай Ивановичъ составилъ для подачи генералу предварительную записку, въ которой намѣтилъ очень широкій планъ русскаго и вмѣстѣ миссіонерскаго образованія среднеазіатскихъ степей на началахъ его любимаго осторожнаго и постепеннаго веденія этого дѣла, чтобы предотвратить всякія лишнія противъ него волненія въ степяхъ.

„Продолжительный разговоръ мой съ г. Куномъ, писалъ онъ, навелъ меня на нѣкоторыя соображенія, сущность которыхъ я здѣсь излагаю. Кстати замѣчу, что г. Кунъ съ ними вообще согласенъ".

1) „Въ основаніе всего киргизскаго дѣла и въ особенности киргизскаго образованія я полагаю мысль, какъ аксіому (хотя впрочемъ я могъ бы ее разъяснить и доказать обстоятельно), что исходнымъ пунктомъ киргизскаго образованія, направляемаго въ русскихъ интересахъ, должна быть самостоятельность киргизскаго языка. Чистый киргизскій языкъ долженъ быть органомъ обученія, а потомъ даже оффиціальнымъ языкомъ киргизскаго управленія.

„Первое дѣло—освободить киргизскій языкъ отъ татарскаго вліянія и наплыва татаризмовъ. Радикальное къ тому средство—русскій алфавитъ для киргизскаго языка. Ибо пока киргизы будутъ писать арабскими буквами, дотолѣ татарство будетъ безотвязно втягивать въ себя киргизовъ. Арабскій алфавитъ такъ не подходитъ къ киргизской фонетикѣ, такъ скрадываетъ самыя характеристическія черты киргизской этимологіи, что всякому разсудительному киргизу, маломало патріоту, легко внушить отвращеніе отъ арабскаго алфавита. Но эту мысль нельзя вдругъ, съ-разу

осуществить по всей степи, и неудобно ее проводить русскому чиновнику. Ее нужно пропагандировать посредствомъ самихъ же киргизовъ.

„Не могу скрыть, что мнѣ было весьма больно видѣть, что Высочайше утвержденное (1868 года) временное Положеніе объ управленіи киргизовъ, которое все направлено противъ татарства, переведено въ Оренбургѣ на татарскій языкъ, а не на киргизскій. Инструкціи, составленныя въ Оренбургѣ на основаніи этого положенія, переведены на какую-то смѣсь киргизскаго съ татарскимъ. Потомъ я видѣлъ бланки изъ Вѣрнаго для записи рѣшеній біевъ,—написаны по-татарски. Это самое непріятное недоразумѣніе, которое допущено, безъ сомнѣнія, потому только, что русскіе чины не знакомы ни съ языкомъ киргизскимъ, ни вообще съ восточными науками. При такой слѣпотѣ русскихъ чиновъ татарство спокойно проскользнетъ сквозь всѣ параграфы Положенія, работая и преуспѣвая во имя русскаго правительства, а мы этого даже и не замѣтимъ.

„Я зналъ въ Оренбургѣ киргизскаго юношу Ибрагима Алтынсарина, кончившаго курсъ въ киргизской школѣ въ Оренбургѣ. Мы съ нимъ были вмѣстѣ около 2 лѣтъ. Это въ высшей степени даровитый, любознательный, симпатичный, прямодушный человѣкъ, съ здравымъ разсудкомъ, и патріотъ. Потомъ я имѣлъ отъ него нѣсколько писемъ, горячо написанныхъ, но давно уже наша переписка прекратилась. Если Алтынсаринъ сохранилъ хоть нѣкоторую долю прежняго одушевленія, то онъ будетъ весьма пригоденъ для киргизскихъ школъ въ Туркестанской области.

„Для киргизскихъ школъ нѣтъ учебниковъ. Мой самоучитель, который сколько нибудь идетъ сюда, весь разошелся. Нужно или перепечатать его съ нѣкоторыми перемѣнами и дополненіями, или составить новый учебникъ, разумѣется съ переводомъ на чистый киргизскій языкъ. Для составленія и печатанія учебниковъ слѣдуетъ командировать ко мнѣ въ Казань Алтынсарина,

если только онъ не измѣнился въ своемъ вышеизложенномъ характерѣ. Здѣсь я, именемъ прежней нашей весьма горячей дружбы, попытаюсь внушить ему необходимость для киргизовъ русскаго алфавита. Если онъ проникнется этой идеей, то онъ же будетъ и наилучшимъ пропагаторомъ ея между киргизами. Онъ можетъ привести съ собою въ Казань кого либо изъ своихъ учениковъ, такъ какъ онъ былъ, а можетъ быть, и теперь еще состоитъ, учителемъ киргизской школы въ Оренбургскомъ укрѣпленіи на Тургаѣ. Кромѣ первоначальнаго букваря, понадобится еще два-три учебника. Все это можно исполнить года въ два. Этимъ временемъ Алтынсаринъ можетъ и самъ пообразоваться кое въ чемъ. И вотъ его первая служба киргизскому образованію въ Туркестанской области. Въ это время киргизскія школы по новой идеѣ не должны быть еще открыты. Но теперь же необходимо устроить дѣльныя школы для русскихъ, и собственно русскія, въ Вѣрномъ и другихъ мѣстахъ, гдѣ русскихъ жителей довольно много.

„Черезъ два, примѣрно, года Алтынсаринъ отправляется въ степь Туркестанскаго вѣдомства и открываетъ школу гдѣ нибудь среди киргизскаго населенія, наиболѣе захолустнаго, безграмотнаго. Чтобы русское начальство не было компрометировано введеніемъ русскаго алфавита, нужно сдѣлать такъ, что Алтынсаринъ, будтобы, откроетъ школу самопроизвольно, частнымъ образомъ, безъ начальственной иниціативы. Русское начальство будетъ, конечно, слѣдить за ходомъ и развитіемъ ея, но явно вступаться въ нее не должно.— Далѣе, сначала киргизская школа по новой идеѣ должна быть одна,—Алтынсарина; а потомъ его ученики, подъ его вліяніемъ и по его образцу, будутъ открывать постепенно школы въ разныхъ другихъ пунктахъ. Алтынсарина, какъ главнаго двигателя киргизскихъ школъ, должно щедро обезпечить. — Единство школы необходимо для единства направленія.

2) „Туркестанское начальство, какъ я слышалъ, хлопочетъ объ особомъ архіереѣ, котораго каѳедра будетъ въ Вѣрномъ. Много калмыковъ, вкочевавшихъ изъ китайскихъ владѣній въ русскіе предѣлы, около Вѣрнаго и Копала, — крестились. Вотъ уже прямое начало миссіонерскаго дѣла. По моему убѣжденію, вѣдомству вѣрнинскаго епископа слѣдуетъ предоставить и Алтайскую миссію—непремѣнно. На Алтаѣ есть селеніе Черный Ануй, въ которомъ живетъ около 100 семействъ киргизовъ, вышедшихъ изъ степи и принявшихъ крещеніе. У нихъ, говорятъ, есть какія-то сношенія съ своими родственниками въ степи. Это вступленіе киргизовъ въ Алтай и крещеніе ихъ продолжается и доселѣ; черно-ануйскихъ киргизовъ нужно обучать христіанскому закону непремѣнно по-киргизски, по книгамъ, напечатаннымъ русскими буквами. Такимъ образомъ упомянутые крещеные калмыки будутъ однимъ опорнымъ пунктомъ, откуда посредственно можетъ перейти христіанское образованіе къ киргизамъ; а вторымъ пунктомъ будетъ Черный Ануй, отъ котораго киргизско-христіанская грамотность непосредственно можетъ вліять на киргизовъ. Разумѣется, военныя и гражданскія начальства, завѣдывающія этими разными мѣстностями, должны дѣйствовать совершенно единодушно, по одному опредѣленному плану. Для крещеныхъ калмыковъ должно устроить особыя школы, прямо христіанско-образовательныя, съ калмыцкимъ языкомъ, но русскимъ алфавитомъ. При разумномъ и неторопливомъ веденіи этого дѣла положительно можно надѣяться на успѣхъ, не опасаясь никакихъ волненій въ степи.

„Христіанскія инородческія школы должны быть подъ непосредственнымъ руководствомъ вѣрнинскаго епископа. Такимъ образомъ на этомъ важномъ постѣ долженъ быть человѣкъ образованный, мягкаго характера, симпатичный и уже знакомый съ миссіонерскимъ дѣломъ. Такимъ мнѣ представляется архимандритъ Владиміръ, нынѣшній начальникъ Алтайской миссіи [1]).

[1]) Послѣ архіепископъ Казанскій. † 1897 г.

Но повторяю, Алтайская миссія должна остаться въ его же рукахъ".

24 мая состоялось самое свиданіе съ генераломъ Кауфманомъ на казанской пристани на пароходѣ, сопровождавшееся длинной бесѣдой о нуждахъ Туркестанскаго края и о планахъ генералъ-губернатора. Черезъ два дня (отъ 26 мая) Николай Ивановичъ вслѣдъ за генераломъ отправилъ на его имя новую записку, въ которой писалъ:

„Разговоръ, которымъ Вы изволили меня удостоить на пароходѣ 24 мая, отчасти уяснилъ мнѣ, что Вамъ собственно нуженъ человѣкъ, который бы завѣдывалъ учебною частію въ Туркестанской области; а я прежде полагалъ, что Вамъ нужны тѣ начала и идеи, которыя должны лечь въ основаніе учебной системы. Въ этомъ послѣднемъ направленіи и была написана мною записка, которую я имѣлъ честь представить Вамъ.

„Итакъ, послѣ Вашего отъѣзда я не переставалъ соображать и припоминать извѣстныхъ мнѣ людей, чтобы сдѣлать изъ нихъ выборъ. Вдругъ я вспомнилъ одного бывшаго своего ученика по академіи казанской. Это—г. Ястребовъ, Иванъ Степановичъ. Онъ характера прямого, благороднаго и энергическаго; очень даровитый, очень толковый и дѣльный человѣкъ, понятій свѣтлыхъ; въ академіи съ хорошимъ успѣхомъ занимался татарскимъ и арабскимъ языкомъ и получилъ достаточное понятіе о магометанской религіи. По окончаніи курса въ академіи въ 1864 г., онъ, не смотря на сильныя препятствія, выбился изъ духовнаго вѣдомства и поступилъ въ институтъ восточныхъ языковъ при Азіятскомъ Департаментѣ; потомъ былъ прикомандированъ къ Константинопольской миссіи, какъ jeune de langue, и затѣмъ назначенъ секретаремъ при консулѣ въ Скутари въ Албаніи [1]). Въ Турціи безъ сомнѣнія

[1]) Потомъ былъ консуломъ въ Призрѣнѣ въ Сербіи, съ 1886 г. генеральнымъ консуломъ въ Солуни; извѣстенъ своими корреспонденціями и сочиненіями о сербскомъ народѣ. † въ 1894 году.

онъ окончательно освоился съ магометанами и турецкимъ языкомъ.

„Когда наша крещено-татарская школа заводилась, онъ былъ еще въ академіи и весьма много содѣйствовалъ успѣху дѣла своимъ нравственнымъ вліяніемъ. Его открытый, нѣсколько отважный и въ тоже время симпатическій характеръ привязывали къ нему инородцевъ. А въ учебномъ и школьномъ дѣлѣ это, кажется, весьма полезное качество. Онъ со мной былъ весьма друженъ и отъ времени до времени писалъ ко мнѣ. Судя по тому, что онъ, какъ человѣкъ безъ всякой протекціи, едва ли можетъ разсчитывать на особенно блестящую каррьеру по дипломатической части, я надѣюсь, что съ удовольствіемъ согласится поступить къ Вамъ на службу, на условіяхъ, которыя я имѣлъ честь отчасти слышать отъ Васъ. Если теперь онъ не знаетъ еще киргизскаго языка, то для него не составитъ особеннаго труда и не потребуетъ много времени усвоить и киргизскій языкъ, при общемъ хорошемъ образованіи и при знаніи другихъ родственныхъ нарѣчій.

„Главное то, что онъ знакомъ съ тѣми идеями, которыя съ положительнымъ успѣхомъ осуществляются въ Казани въ дѣлѣ образованія татаръ. Кромѣ того, я надѣюсь положительно, что онъ будетъ дѣйствовать всегда въ согласіи съ нами и поддерживать единство направленія той системы, которая теперь пока еще въ Казани только разработывается, но къ которой и киргизская степь и дальнѣйшія мѣстности Вашего вѣдомства могутъ примкнуть, не смотря на свою отдаленность, разумѣется, видоизмѣняясь въ способахъ исполненія сообразно съ мѣстными условіями.—Это обстоятельство я такъ откровенно высказываю безъ всякой утайки, чтобы Ваше Высокопревосходительство, зная уже изъ моихъ записокъ сущность моей инородческо-образовательной системы, прямо могли принять или отвергнуть рекомендуемаго мною человѣка.

„Итакъ, если Вамъ угодно будетъ поручить мнѣ войти въ сношеніе съ г. Ястребовымъ по этому дѣлу,—благоволите увѣдомить меня письмомъ или телеграммой. Я почту за особенное счастіе исполнить Ваше порученіе и по мѣрѣ силъ содѣйствовать въ Вашихъ заботахъ о просвѣщеніи ввѣреннаго Вашему управленію края, столь важнаго для Россіи. Кстати, г. Ястребовъ, въ случаѣ его опредѣленія на Вашу службу, въ проѣздъ черезъ Казань, можетъ ознакомиться съ результатами по инородческому образованію, возникшими со времени его отъѣзда изъ Казани, и получить отъ меня нѣкоторое понятіе о языкѣ и этнографическомъ положеніи киргизовъ, а также свѣдѣніе о тѣхъ киргизскихъ юношахъ, съ которыми я былъ знакомъ въ Оренбургѣ и которые, можетъ быть, пригодились бы для него, какъ исполнители Вашихъ и его видовъ.

„Считаю нужнымъ присовокупить, что Ястребовъ, хоть и духовнаго образованія, но вовсе не фанатикъ и миссіонерство полагаетъ въ просвѣщеніи и развитіи цивилизаціи,—за это я ручаюсь, коротко зная его образъ мыслей“.

Послѣднее замѣчаніе объясняется основнымъ правиломъ политической и образовательной системы генерала Кауфмана, о которомъ въ разговорѣ съ Ильминскимъ у него вѣроятно была особая рѣчь,—это полное устраненіе въ отношеніяхъ къ магометанскимъ народностямъ Туркестанскаго края всего, что могло напоминать пропаганду между ними христіанства. Еще въ 1868 году онъ писалъ военному губернатору Сыръ-Дарьинской области, что „для устройства народнаго образованія въ краѣ онъ полагаетъ принять въ основаніе воспитанія не религіозное различіе, а одни и тѣ же правила, при помощи которыхъ можно какъ православныхъ, такъ и мусульманъ сдѣлать одинаково полезными гражданами Россіи“ (Очеркъ развитія нар. образованія въ Туркест. краѣ, Граменицкаго, стр. 3. Ташкентъ. 1896 г.). Въ книгѣ г. Остроумова приводится выразительный разговоръ генерала съ авторомъ

„на тему о болѣе разумныхъ отношеніяхъ русской власти къ представителямъ мусульманской религіи. Генералъ высказался, что онъ не придаетъ особаго значенія различію вѣроисповѣданій и считаетъ достаточнымъ для полученія рая доброй и честной жизни каждаго человѣка, къ какой бы вѣрѣ онъ ни принадлежалъ, будь то жидъ, сартъ или русскій. Такой взглядъ онъ оправдывалъ своимъ государственнымъ положеніемъ. Мы, говорилъ мнѣ генералъ, должны вводить въ Туркестанскомъ краѣ христіанскую русскую цивилизацію, но не должны стараться предлагать туземному населенію православной вѣры. Въ этомъ случаѣ генералъ-губернаторъ не просто опасался разныхъ нестроеній, неизбѣжныхъ при нашей русской неумѣлости вести миссіонерское дѣло, но и обдумалъ свой взглядъ и возвелъ его въ принципъ, котораго держался во всю свою жизнь“ (стр. 43—44). Православная миссія въ интересахъ сближенія туземцевъ съ русскими казалась ему не только преждевременной, но даже положительно вредной. Всѣ надежды для такого сближенія онъ возлагалъ отчасти на совмѣстное жительство туземцевъ съ русскими, а главнымъ образомъ на русскую школу, которая должна проложить путь и для самой миссіи (стр. 107).

Подобнаго рода почти индифферентныя воззрѣнія на религіозныя отношенія въ краѣ, издревлѣ мусульманскомъ, г. Остроумовъ, при всемъ своемъ уваженіи къ генералу, не безъ основанія относитъ къ числу самыхъ слабыхъ сторонъ его административной системы. Не отрицая того, что въ данное время христіанская миссія среди фанатичныхъ туземцевъ дѣйствительно была еще преждевременна, что для нея не было еще ни подготовки, ни способныхъ людей, онъ тѣмъ не менѣе не соглашается съ принципіальнымъ отрицаніемъ ея въ краѣ. Вопросу о необходимости миссіи въ Средней Азіи онъ посвятилъ даже нѣсколько особыхъ статей въ духовныхъ журналахъ и въ XX выпускѣ казанскаго Миссіонерскаго сборника (1894 г.

Казань), направленныхъ къ разъясненію того, какими опасностями грозитъ Россіи исламъ въ будущемъ и какъ необходимо положить его опасной пропагандѣ предѣлъ не одними только просвѣтительными, но и миссіонерскими мѣрами. По его справедливому мнѣнію, если еще и не время было открывать въ то время миссію, то все-таки слѣдовало заняться по крайней мѣрѣ подготовкой для нея на будущее время, опредѣлить для ея дѣятельности удобные пункты, поискать пригодныхъ для нея людей, опредѣлить способы матеріальной и нравственной поддержки новообращенныхъ и т. д. На результаты одного сожительства туземцевъ съ русскими нашъ авторъ, хорошо знакомый съ нравами русскихъ ташкентцевъ того времени, смотритъ очень недовѣрчиво, находя въ ихъ жизни очень немного тѣхъ добрыхъ дѣлъ, которыя бы побуждали туземцевъ прославлять Отца небеснаго. А русская школа только лишь нарождалась, — туземцы въ нее не шли учиться, а шли въ свои многочисленныя родныя мусульманскія школы. Да еще и то составляетъ сомнительный вопросъ, много ли она могла сдѣлать для обрусенія края съ однимъ только своимъ русскимъ языкомъ. А между тѣмъ, не имѣя со стороны русскихъ никакого противовѣса и пользуясь ихъ вѣротерпимостью или, какъ опредѣлялъ самъ генералъ Кауфманъ, „игнорированіемъ“ ислама, мусульманская пропаганда продолжала дѣйствовать въ киргизскихъ степяхъ совершенно безпрепятственно; а среди осѣдлаго населенія также безпрепятственно, даже въ городахъ, на восточныхъ базарахъ, вели свою проповѣдь фанатичные муллы и ишаны, поддерживая въ народѣ религіозную вражду противъ невѣрныхъ. „Недавняя вспышка мусульманскаго фанатизма въ Ферганской области (Андижанское возстаніе 1892 г.), говоритъ авторъ, съ очевидностью показала намъ, что исламъ серьезная духовная сила, съ которою приходится считаться и которую игнорировать нельзя“ (стр. 44—47), и что всѣ предшествовавшіе годы, въ теченіе которыхъ туземное населеніе,

предоставленное самому себѣ, безъ помѣхи развивалось въ такомъ нежелательномъ для русскаго дѣла направленіи, приходится считать для насъ едвали не безвозвратно потерянными.

Понятно, что при такомъ игнорированіи религіозной жизни туземцевъ приведенныя выше миссіонерскія указанія второй части записки Н. И. Ильминскаго отъ 20 мая оставлены были безъ всякаго вниманія. А между тѣмъ въ той мѣстности Семирѣчья, на которую онъ указывалъ, въ Копалѣ, Сарканѣ, Вѣрномъ и др. мѣстахъ въ концѣ 1860-хъ и началѣ 1870-хъ годовъ развивалось дѣйствительно замѣчательное миссіонерское движеніе, на которое духовной и свѣтской администраціи слѣдовало бы обратить серьезное вниманіе для болѣе правильнаго устройства настоящей миссіи. Въ Вѣрномъ открылось миссіонерское братство, въ Сарканѣ дѣйствовали уже двѣ миссіонерскія школы, мужская и женская, для инородцевъ-эмигрантовъ разныхъ племенъ съ китайской границы. Къ концу 1870-хъ годовъ движеніе это ослабѣло, а сарканскія школы пришли въ самое жалкое состояніе. Г. Остроумовъ посвятилъ этому предмету особую статью въ Православн. Собесѣдникѣ 1879 года (т. I и II) подъ заглавіемъ „Китайскіе эмигранты въ Семирѣченской области и распространеніе среди нихъ христіанства“. Но не дремали съ своей стороны и татары,—проникли сюда съ своей миссіей и они; въ самомъ Сарканѣ, гдѣ было всего 11 татарскихъ дворовъ, съ 1874 г. у нихъ существовала уже мечеть и съ ея минарета громко раздавался крикъ „азана“.

Скоро оказалось, что генералъ Кауфманъ не совсѣмъ согласенъ и съ предложеннымъ ему въ запискѣ Ильминскаго постепеннымъ и медленнымъ веденіемъ инородческаго дѣла въ краѣ. Онъ желалъ немедленной и притомъ вполнѣ и сразу законченной организаціи этого дѣла въ формѣ опредѣленнаго положенія по устройству учебной части въ краѣ, которое можно было бы потомъ представить высшей власти для утвержде-

нія въ законодательномъ порядкѣ. Поэтому и подходящій человѣкъ, котораго онъ просилъ Ильминскаго рекомендовать, нуженъ былъ ему не для постоянной службы по учебному вѣдомству въ краѣ, — таковымъ у него, вѣроятно, былъ уже намѣченъ Кунъ, а только для работы временной, для того, чтобы послѣ всесторонняго изученія условій и потребностей края такой экспертъ могъ составить указанное положеніе. Мысль Кауфмана въ этихъ видахъ остановилась на самомъ Ильминскомъ. Отъ 8 іюня онъ отправилъ разомъ двѣ бумаги, — одну въ Петербургъ къ министру народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ о командировкѣ Ильминскаго въ Туркестанскій край, другую—къ самому Ильминскому съ извѣщеніемъ объ этомъ ходатайствѣ и съ приглашеніемъ взять на себя предлагаемое порученіе.

Получивъ это извѣщеніе, Николай Ивановичъ сильно смутился. Къ такой трудной и отвѣтственной работѣ онъ не чувствовалъ въ себѣ ни смѣлости, ни склонности. Послѣ, въ 1884 году онъ писалъ объ этомъ К. П. Побѣдоносцеву: „Въ 1869 г. покойный К. П. Кауфманъ, наслышавшись обо мнѣ отъ графа Д. А. Толстого, всячески старался вызвать меня на годъ, чтобы я обозрѣлъ всѣ мѣстности его Туркестанскаго генералъ-губернаторства, вникъ бы въ мѣстныя условія и составилъ инструкцію народнаго образованія въ краѣ, которая потомъ, бывъ разсмотрѣна въ мѣстныхъ и петербургскихъ центральныхъ учрежденіяхъ и утвержденная Высочайшею властію, была бы твердой основой и нормой для всѣхъ грядущихъ чиновъ и дѣятелей учебнаго вѣдомства. И что же? Я наотрѣзъ отказался, потому что перепугался, и написалъ покойному К. П. Кауфману слезовое и самоуничиженное письмо на тему: имѣй мя отреченна... Я какимъ-то инстинктивнымъ или непосредственнымъ чутьемъ чую и различаю хорошее, но не умѣю да и не пытаюсь формулировать его въ точныхъ и категорическихъ опредѣленіяхъ, изъ какихъ строятся всѣ положенія инструкціи“ (Письма Н. И. Ильминскаго къ К. П. Побѣдоносцеву, стр. 113—114).

Кромѣ того, 1869 годъ былъ для него временемъ самой горячей работы, когда рѣшался вопросъ о признаніи его системы инородческаго образованія административнымъ порядкомъ и о детальномъ устройствѣ этого образованія въ казанскомъ округѣ, вслѣдствіе чего его присутствіе было необходимо въ самой Казани. Онъ долго медлилъ своимъ отвѣтомъ Кауфману, выжидая, каковъ будетъ отвѣтъ министра, хотя изъ Ташкента сильно его торопили.

Вотъ одно письмо къ нему Куна, состоявшаго тогда при Кауфманѣ чѣмъ-то въ родѣ чиновника особыхъ порученій, посланное отъ 31 августа. „Вотъ уже третье письмо строчу къ Вамъ, а отъ Васъ ни слуху, ни духу. Откликнитесь, пожалуста, гдѣ Вы, за что гнѣваетесь, не хотите черкнуть двухъ словъ человѣку, покланяющемуся Вамъ за киргизскую азбуку. Въ ожиданіи Васъ у насъ во всемъ краѣ пріостановленъ вопросъ о народномъ образованіи. На Васъ, какъ на самомъ компетентномъ судьѣ, зиждется все начало дѣла. Ваше мнѣніе или тожде программа, которую, полагаютъ, Вы выработаете на мѣстѣ, сообразно условіямъ страны, ожидается, какъ манна небесная. Кауфманъ и его правитель канцеляріи весьма часто меня спрашиваютъ, не имѣю ли я какихъ свѣдѣній о томъ, ѣдете ли Вы сюда устроить учебную часть или нѣтъ. Осмотрѣвши край до Ташкента, а со вторника и дальше на югъ Самаркандъ и его районъ, я, соображаясь съ бывшими моими цѣлями, имѣю поползновеніе, когда Вы пріѣдете сюда, просить Васъ принять меня въ число своихъ учениковъ въ предстоящемъ Вамъ трудѣ изученія края. Однимъ словомъ,—я буду просить Васъ, чтобы Вы просили генералъ-губернатора о назначеніи меня къ Вамъ и, потомъ, по соображенію съ Вашими наставленіями, я, можетъ быть, возьмусь идти Вашей дорогой, т. е. проводить ту же идею здѣсь, какъ Вы ведете ее въ Казани. Во имя пользы дѣла прошу Васъ, пріѣзжайте сюда скорѣе, ибо наша общая слабость въ администраціи разрѣшать дѣло всегда Дамо-

кловымъ мечемъ. Мое искреннее желаніе, чтобы дѣло народнаго образованія пошло тутъ такъ, какъ Вы ведете въ Казани. Это желаніе русскаго, и не мое одного, а всѣхъ, кто искренно сочувствуетъ нашему дѣлу въ Азіи. За весьма рѣдкимъ исключеніемъ, къ которому принадлежитъ и Кауфманъ, на задачу нашу въ Азіи смотрятъ чиновничьимъ взглядомъ, чисто въ смыслѣ отписки и разныхъ бумагъ, и вотъ, въ виду этого общаго направленія, во́ время сказанное, сдѣланное Вами слово должно и навѣрное принесетъ великую пользу. Имя Ваше также будетъ священно, какъ и между новокрещеными татарами. Кочевое населеніе края, — Вы вѣрно говорили мнѣ,—ненавидитъ осѣдлыхъ мусульманъ. У меня нѣсколько фактовъ имѣется, явно говорящихъ за ту эксплуатацію народа, которую дѣлаютъ бухарскіе муллы, и я, можетъ быть крайне, думаю, глубоко убѣжденъ, что съ каждымъ днемъ язва глубже и глубже идетъ и чѣмъ дольше откладывать, тѣмъ труднѣе будетъ овладѣть [1]). Нужно замѣтить, что, при воззрѣніяхъ Кауфмана, совершенно согласныхъ съ Вашими, можно здѣсь много хорошаго сдѣлать, если Вы будете въ Ташкентѣ. Итакъ, въ ожиданіи Васъ я ѣду пока въ Самаркандъ заниматься изученіемъ его исторіи и его горныхъ обитателей. Къ Вашему пріѣзду соберу матеріаловъ; пока же у меня хотя есть кое что, но это ничтожно. До Ташкента я осмотрѣлъ развалины древнихъ городовъ по дорогѣ и ея окрестностяхъ верстъ 60 въ сторону. Отчетъ по этимъ поѣздкамъ съ планами отсылается въ Петербургъ къ В. В. Григорьеву.

[1]) Нужно замѣтить, что Кунъ не совсѣмъ достаточно владѣлъ русскою грамотою. Когда онъ сдѣлался потомъ главнымъ инспекторомъ народныхъ школъ, генералъ Кауфманъ иногда откровенно подсмѣивался надъ этимъ недостаткомъ представителя русскаго образованія въ своемъ генералъ-губернаторствѣ. См. напримѣръ такой его отзывъ въ книгѣ г. Остроумова (стр. 17): „Хотя Кунъ русской грамотѣ недостаточно выученъ, но за его хлопотливую дѣятельность я все-таки благодаренъ ему“.

Онъ учитель, онъ же мой судья... Многоуважаемому Василію Тимоѳеевичу [1]) прошу передать мой усердный поклонъ. Напишите пожалуста, когда Вы будете сюда. Думаю изъ Самарканда пріѣхать Васъ видѣть; если получу Ваше письмо заблаговременно, то заготовлю для Васъ свою квартиру... Буде понадобятся Вамъ какія либо справки предварительно изъ Туркестанскаго Управленія или Кауфмана спросить кое о чемъ, чего Вы не пожелаете узнать сами, поручите душевно-преданному Вамъ А. Кунъ“.

Въ половинѣ іюля въ Казани полученъ былъ наконецъ на имя попечителя округа П. Д. Шестакова отвѣтъ изъ министерства народнаго просвѣщенія, въ которомъ было сказано: „Графъ Д. А. Толстой признаетъ возможнымъ командировать въ распоряженіе генералъ-адъютанта фонъ Кауфмана, вмѣсто Ильминскаго, кого либо изъ извѣстныхъ Вамъ въ Казанскомъ учебномъ округѣ лицъ, кто могъ бы исполнить съ успѣхомъ упомянутую выше задачу, такъ какъ присутствіе Ильминскаго въ округѣ оказывается необходимымъ въ виду предстоящаго въ непродолжительномъ времени приведенія въ исполненіе нѣкоторыхъ предположеній министерства народнаго просвѣщенія вообще по дѣлу устройства образованія инородцевъ въ губерніяхъ Казанскаго учебнаго округа“. Вопросъ о поѣздкѣ Ильминскаго въ Туркестанскій край былъ такимъ образомъ рѣшенъ. Попечитель Шестаковъ обратился къ нему съ предписаніемъ указать, по предложенію министерства, способнаго вмѣсто себя человѣка. Отъ 13 августа Николай Ивановичъ отвѣчалъ на это, что такого человѣка онъ не знаетъ ни въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, ни въ духовномъ вѣдомствѣ, что прежде одно время онъ имѣлъ въ виду для Туркестанскаго края Ястребова, но теперь не можетъ рекомендовать и его, по причинѣ крайняго неудобства отры-

[1]) Завѣдовавшій крещено-татарской школой въ Казани.

вать его отъ постояннаго служебнаго мѣста для командировки, какъ теперь обозначилось, только временной. При этомъ онъ не преминулъ объяснить, что самое порученіе Кауфмана онъ находитъ для себя лично и непосильнымъ, и даже не совсѣмъ согласнымъ съ своими постоянными убѣжденіями.

„Считаю не излишнимъ присовокупить, писалъ онъ, что г. туркестанскій генералъ-губернаторъ письмомъ отъ 8 іюня за № 12 удостоилъ меня увѣдомить о своемъ ходатайствѣ о командированіи меня въ управляемый имъ край. Въ этомъ письмѣ Его Высокопревосходительство изволилъ написать весьма лестныя для меня слова: „Я вполнѣ сочувствую и раздѣляю высказанное Вами мнѣніе о тѣхъ началахъ, которыя должны лечь въ основаніе учебной системы въ Туркестанскомъ краѣ“. Дѣло идетъ о мнѣніи, высказанномъ мною въ запискѣ, которую я имѣлъ честь представить г. министру народнаго просвѣщенія объ образованіи киргизовъ и которую Его Сіятельство сообщилъ генералъ-губернатору туркестанскому. Такъ какъ я былъ заблаговременно увѣдомленъ о времени проѣзда г. генералъ-губернатора черезъ Казань, то на случай свиданія съ нимъ я заготовилъ записку, въ которой высказалъ нѣкоторыя практическія соображенія о томъ же предметѣ; эту записку я имѣлъ честь лично представить Его Высокопревосходительству 29 мая. Главная, основная мысль этихъ обѣихъ записокъ одна и таже; скажу откровенно, она списана съ натуры, съ Казанской школы для дѣтей крещеныхъ татаръ.

„Вашему Превосходительству не безъизвѣстно, что дѣло крещено-татарскаго образованія я началъ частнымъ образомъ, съ одного пункта, въ малыхъ размѣрахъ; я старался поставить въ дѣло наличные элементы, именно инородческіе; слѣдилъ по возможности за возникавшимъ и постепенно развивавшимся ходомъ учрежденной мною школы; дѣйствительность шагъ за шагомъ выработывала и раскрывала общія начала крещено-татарскаго образованія. Отсюда возникъ успѣхъ, если не

обширный, зато прочный. И теперь я, болѣе чѣмъ когда-либо прежде, убѣжденъ и крѣпко стою въ той мысли, что новое дѣло, для котораго нѣтъ въ дѣйствительности готовыхъ образцовъ, и нельзя вести иначе, какъ медленнымъ, осмотрительнымъ шагомъ дѣйствительной работы съ начала въ малыхъ размѣрахъ,—и такимъ образомъ путемъ наблюденія и анализа дѣйствительныхъ фактовъ опредѣлится и выработается система дѣла.

„Въ Туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ, въ этомъ обширномъ краѣ, населенномъ частію осѣдлыми магометанами, частію кочевыми племенами, задумываемое школьное образованіе еще болѣе ново и болѣе затруднительно. Оно должно клониться къ измѣненію испоконныхъ понятій, воззрѣній, а быть можетъ даже и бытовыхъ привычекъ, и притомъ такъ, чтобы всѣ эти жители нравственно, въ своихъ идеяхъ и стремленіяхъ, объединялись съ русскимъ народомъ. Извѣстно, съ какимъ упорствомъ простодушныя и своеобразно-натуральныя племена отстаиваютъ свое родное, истари хранимое, какъ привычка или лучше—какъ святыня; и во всякомъ радикальномъ, явно даже къ ихъ пользѣ клоняющемся, мѣропріятіи правительства они склонны подозрѣвать посягательство или козни. Въ образованіи киргизовъ и другихъ инородцевъ Туркестанскаго края нельзя обойтись безъ руководящей русской идеи, безъ направленія къ общимъ интересамъ имперіи, насколько, разумѣется, всероссійскій интересъ совмѣстимъ съ собственнымъ благосостояніемъ мѣстныхъ обитателей. Чтобы ихъ не испугала русская идея, необходимо на дѣлѣ показать, что она къ нимъ вполнѣ примѣнима и не только не разрушаетъ ихъ благосостоянія, но даетъ имъ выгоды образованія и умственно-нравственнаго развитія,—этой прочной основы всякаго благосостоянія. Словомъ, въ Туркестанскомъ краѣ нужно, по моему мнѣнію, начать школьное дѣло и выработывать его систему фактически, какъ въ Казани. Предрѣшить, т. е. теоретически предустановить такое новое и щекот-

ливое дѣло, каково образованіе тамошнихъ инородцевъ, не возможно. Дѣйствительность, благоразумно, шагъ за шагомъ вызываемая, приведетъ общую систему; наоборотъ, самая лучшая, по теоретическимъ разсчетамъ предначертанная система можетъ оказаться недѣйствительною.

„Поэтому, я не стѣсняюсь откровенно сказать, я радъ за себя, что г. министръ народнаго просвѣщенія предстоящими обстоятельствами Казанскаго учебнаго округа былъ приведенъ къ мысли командировать не меня, а другого. Кромѣ того, что, даже по всестороннемъ изученіи Туркестанскаго края и характера его населенія (но еще вопросъ, удастся ли мнѣ это), я не нашелъ бы въ себѣ, по складу моихъ мыслей, довольно энергіи и самонадѣянности для составленія такого рѣшительнаго положенія, которое, по утвержденіи Высочайшею Волею, стало бы неуклоннымъ закономъ для учебнаго дѣла въ обширномъ краѣ, я даже опасаюсь, что годичные мои разъѣзды по всѣмъ мѣстностямъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства и постоянное сближеніе съ туземцами съ вѣчными распросами о ихъ бытѣ и другихъ данныхъ, необходимыхъ для моего проекта, непремѣнно вызвали бы толки со стороны зоркаго и подозрительнаго магометанства; мои русскія стремленія, которыя, по существу дѣла, не могутъ не выразиться въ моемъ проектѣ училищнаго положенія, должны бы, какимъ бы то ни было путемъ, огласиться въ краѣ,—и въ то время, когда будущій руководитель туркестанскихъ школъ принялся бы исполнять мое положеніе, ему непремѣнно пришлось бы встрѣтить глухую, но сильную оппозицію со стороны населенія. Такова судьба почти всѣхъ новыхъ положеній, и я не смѣю обольщать себя надеждою, что для одного меня будетъ исключеніе изъ общаго правила. Если же такое мое опасеніе, которое чуждо, быть можетъ, инымъ людямъ опытнымъ и предпріимчивымъ, сочтутъ преувеличеннымъ, то безъ сомнѣнія всякій согласится, что самое лучшее положеніе можетъ потерять свою годность отъ исполненія или неумѣлаго, или неблаговременнаго.

Вмѣстѣ съ этимъ донесеніемъ Н. И. Ильминскій отъ 16 августа отправилъ письмо и къ генералу Кауфману съ приложеніемъ и своего донесенія попечителю. „Когда я получилъ, писалъ онъ, Ваше почтенное письмо отъ 8 іюня за № 12, первымъ впечатлѣніемъ была искренняя благодарность за Ваше лестное ко мнѣ довѣріе, а потомъ стала одолѣвать боязнь, что не съ моими силами брать на себя такое серьезное и трудное порученіе, какое Вамъ угодно возлагать на меня. Меня еще тревожила та мысль, что при моемъ долгомъ отсутствіи изъ Казани могло остановиться дѣло казанской школы, вступающей въ новый фазисъ. Не зная, что дѣлать, я покорно ждалъ рѣшенія своей участи. Наконецъ въ половинѣ іюля я получилъ отъ г. попечителя П. Д. Шестакова предписаніе съ приложеніемъ предложенія къ нему управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія И. Д. Делянова и копіи съ Вашего письма къ г. министру отъ 8 іюня за № 11“. Затѣмъ, приведя изложенное нами выше рѣшеніе министерства, онъ продолжалъ:

„Итакъ обстоятелства учебнаго округа удержали меня; другого въ виду здѣшняго начальства, кажется, нѣтъ; я тоже никого не знаю, кто бы былъ къ такому дѣлу приготовленъ. Отвѣтъ короткій. Но меня,—скажу по совѣсти,—сильно интересуетъ судьба инородческаго образованія въ краѣ вновь сформированномъ. Я себѣ живо представлялъ Вашу заботу устроить дѣло на прочныхъ основаніяхъ и даже Ваше нетерпѣливое ожиданіе; но съ другой стороны, при практическомъ исполненіи Вашего порученія, путь Вами избранный мнѣ казался скользкимъ и опаснымъ. Сколько положеній, надъ которыми трудились люди завѣдомо даровитые, оказались на дѣлѣ неудобными или вели къ положительнымъ затрудненіямъ отъ того, что была опущена изъ виду какая нибудь малость, или отъ ненадлежащаго исполненія! Утвержденное Верховною Властію

положеніе такой торжественный актъ, что его, въ случаѣ неудачи, ни назадъ взять, ни измѣнить радикально нельзя, а придется идти уже напроломъ. Это еще, быть можетъ, сколько нибудь сносно въ административномъ дѣлѣ, но не въ образованіи, которое все должно основываться на душевномъ расположеніи, на сочувствіи и благодушіи. Кромѣ того, такой уже у меня складъ мыслей, что я люблю идти путемъ опыта, анализа и не вѣрую въ синтетическій методъ, въ теоретическое построеніе даже школьной системы. Отдѣляя отъ дѣла то, что есть личнаго, моего индивидуальнаго, мнѣ кажется, что въ самомъ дѣлѣ есть стороны, которыя могутъ существенно вредить успѣху дѣла или въ исполненіи порученія, или въ послѣдствіяхъ. Послѣ долгихъ размышленій и колебаній я наконецъ рѣшился въ своемъ отвѣтѣ на предложеніе г. попечителя по поводу командировки высказать свой взглядъ, именно съ цѣлію сдѣлать, по моему крайнему разумѣнію, указаніе на тѣ стороны, которыя должны быть устранены въ случаѣ, если кто займется исполненіемъ Вашего порученія по изученію положенія Туркестанскаго края и по составленію для него училищнаго положенія. Конечно, такой взглядъ мой частный, безъ претензіи на абсолютную вѣрность. Дай Богъ, чтобы нашелся человѣкъ съ свѣтлой головой, честными правилами, съ энергіей, съ душой симпатичной, съ любовію къ русскому дѣлу, словомъ — со всѣми качествами для исполненія Вашей великой мысли. Считаю долгомъ представить при семъ копію съ моего донесенія".

Генералъ Кауфманъ былъ сильно раздосадованъ отказомъ, что выразилось въ резолюціяхъ его на нѣкоторыхъ бумагахъ. По поводу письма Ильминскаго въ резолюціи отъ 17 сентября 1869 г. онъ написалъ: „Не получено ли что либо отъ графа Толстого? Профессоръ Ильминскій смотритъ на дѣло нѣсколько преувеличенными глазами; по его мнѣнію выходитъ, что ничего по части народнаго образованія предпринять нельзя". Другой резолюціей 23 сентября онъ распо-

рядился": Просить графа Толстого увѣдомить меня о послѣдствіи моей просьбы; повторить при этомъ мою покорнѣйшую просьбу помочь мнѣ въ дѣлѣ народнаго образованія назначеніемъ лица способнаго дать мнѣ совѣтъ и помочь составленіемъ проекта положенія для дѣйствій общества и администраціи по народному образованію". „Но, къ сожалѣнію, писалъ онъ послѣ въ своемъ отчетѣ (стр. 435), взамѣнъ содѣйствія я получилъ отъ министерства увѣдомленіе, что оно не имѣетъ въ своемъ распоряженіи лица, способнаго выполнить съ успѣхомъ эту работу". Пришлось выполнять трудную задачу однѣми мѣстными силами.

Въ концѣ 1870 года въ Ташкентѣ учреждена была коммиссія для составленія положенія объ учебной части въ Туркестанскомъ краѣ подъ предсѣдательствомъ дѣлопроизводителя особаго отдѣленія генералъ-губернаторской канцеляріи Бродовскаго. Въ основу своихъ работъ она приняла извѣстныя мысли Кауфмана о постановкѣ народнаго образованія въ русскомъ направленіи, помимо вѣроисповѣдныхъ разностей мѣстнаго населенія, и о необходимости путемъ этого образованія вывести кочевое населеніе края изъ-подъ вліянія и духовной опеки населенія мусульманскаго осѣдлаго, — сартовъ и татаръ. Предположено было открыть по разнымъ мѣстамъ въ краѣ рядъ учебныхъ заведеній разнаго рода: а) среднихъ (гимназій) и б) собственно народныхъ съ учительской для нихъ семинаріей. Поступленіе въ гимназіи открывалось одинаково какъ для русскихъ, такъ и для инородцевъ, чтобы тѣ и другіе учились въ нихъ совмѣстно, чему генералъ-губернаторъ придавалъ особенную важность въ видахъ обрусенія инородцевъ. Народныя школы предполагались двоякаго рода: 1) уѣздныя съ четырехлѣтнимъ курсомъ и съ ремесленными классами для уѣздныхъ городовъ и вообще крупныхъ осѣдлыхъ пунктовъ, тоже съ допущеніемъ въ нихъ туземцевъ, и 2) начальныя для степей съ кочующимъ населеніемъ, изолированныя отъ татарскаго и сартскаго вліянія, которыя предполагалось разсѣять

по ауламъ и кишлакамъ между прочимъ въ противодѣйствіе мусульманскимъ школамъ (подробности см. въ Очеркѣ Гриценицкаго). Законъ Божій въ школахъ допускался только православный; обученіе магометанскому вѣроученію для правительственныхъ школъ признано лишнимъ и предоставлено частному попеченію семействъ учащихся.

Старую магометанскую школу генералъ рѣшилъ не трогать, предоставивъ ее себѣ самой, и держаться въ отношеніи къ ней той же системы игнорированія, какая была принята въ отношеніи къ самому магометанству. „Будучи религіозною и конфессіональною, сказано въ его отчетѣ (стр. 437—438), а съ тѣмъ вмѣстѣ и политическою (ибо эти двѣ стороны въ понятіяхъ мусульманина неразрывны), туземная школа не должна разсчитывать на сочувствіе русской власти. Но столь же очевидно съ другой стороны, что прямое упраздненіе ея, если бы на такое насиліе и дано было правительственное уполномочіе, если бы оно даже могло быть исполнено безъ сильнаго потрясенія народнаго довѣрія къ власти, оставило бы по меньшей мѣрѣ крайне непріятный и глубоко не симпатичный къ намъ слѣдъ въ народномъ сознаніи, оно вызвало бы въ отношеніи къ намъ ожесточеніе, тѣмъ болѣе справедливое, что упраздненную туземную школу мы не нашлись бы чѣмъ и замѣнить, такъ какъ русская школа останется надолго, быть можетъ навсегда, не сочувственной здѣшнему населенію". При системѣ игнорированія генералъ разсчитывалъ на упадокъ туземной школы путемъ естественнымъ. Не пользуясь никакимъ покровительствомъ власти, освобожденная отъ всякаго надзора и направленія, лишенная всякихъ средствъ для побужденія родителей къ посыланію въ нее своихъ дѣтей, а также для защиты ея вакуфовъ отъ злоупотребленій и расхищеній, потерявъ наконецъ, при наполненіи мѣстнаго управленія новыми людьми, свое прежнее оффиціальное и политическое значеніе, она естественно должна была очутиться въ положеніи самомъ неблагопріятномъ для

ея развитія и самаго существованія. Самый курсъ ея, особенно ея мусульманское законовѣдѣніе, съ реформами суда и управы въ краѣ и съ ослабленіемъ значенія шаріата, долженъ былъ дѣлаться все менѣе нужнымъ. Отсюда ослабленіе рвенія къ ея поддержкѣ, упадокъ ея внѣшняго благосостоянія, ея зданій, пониженіе уровня преподаванія и проч. А между тѣмъ благоустроенная новая русская школа должна была дѣйствовать на нее своей непобѣдимой конкурренціей. Замѣчательно, что при Кауфманѣ нѣсколько разъ поднимался вопросъ о подчиненіи туземныхъ мусульманскихъ школъ надзору русскаго инспектора народныхъ училищъ. Но генералъ, вѣрный своей системѣ игнорированія, каждый разъ рѣшалъ этотъ вопросъ отрицательно (см. въ книгѣ г. Остроумова стр. 30—32. 100).

Коммиссія о народномъ образованіи закончила свою работу очень скоро, но затѣмъ проектъ ея очень долго разсматривался въ разныхъ учрежденіяхъ, и только съ 1876 года, когда въ Туркестанѣ учреждено было особое управленіе по учебной части съ главнымъ инспекторомъ при генералъ-губернаторѣ, стало приводиться въ дѣйствительное исполненіе. Между бумагами Н. И. Ильминскаго есть одно любопытное письмо къ нему Куна отъ 6 ноября 1870 года, подробно изображающее ходъ образовательнаго дѣла въ Ташкентѣ послѣ отказа Ильминскаго отъ командировки въ Туркестанскій край и обсуждающее работы коммиссіи. Приводимъ его почти цѣликомъ, съ немногими несущественными сокращеніями.

„Четвертое посланіе пишу къ Вамъ, и хоть бы на одно отвѣтъ. Дѣлать нечего,—приходится писать одному. Вѣроятно, Васъ интересуетъ судьба Вашей идеи, за которую болѣе уже 5 лѣтъ Вы работаете въ Казани. Опишу со всѣми подробностями результатъ брошеннаго Вами сѣмени на Туркестанскую почву, но съ условіемъ, что Вы отвѣтите по поводу этого посланія. Начинаю съ начала.

„Послѣ нашего свиданія въ Казани, я все оставался при своемъ рѣшеніи, высказанномъ на Ваше предложеніе, заняться русской транскрипціей. Отказался не потому, что не сочувствовалъ, напротивъ я одинъ изъ горячихъ поборниковъ Вашей проповѣди и слѣпой подражатель избраннаго Вами пути для осуществленія идеи. А. А. Залѣсскій, инспекторъ учебной части въ Оренбургѣ, подтвердитъ Вамъ сдѣланное мной ему предложеніе принять на себя трудъ перевести Ваше дѣло въ Оренбургъ къ киргизамъ. Услуги мои приняты, и хотѣли, чтобы я пошелъ Вашимъ путемъ между киргизами и башкирами. В. В. Григорьевъ поддерживалъ меня въ этомъ миссіонерскомъ увлеченіи. Но судьбѣ не угодно было, чтобы я занялся дѣломъ. Пока шли переговоры съ министерствомъ народнаго просвѣщенія относительно устройства мѣста и содержанія, генералъ Кауфманъ предложилъ мнѣ у себя мѣсто чиновника особыхъ порученій въ 2000 р. содержанія. Перспектива разъѣздовъ, слѣдовательно знакомство съ новымъ краемъ, и большее содержаніе сравнительно съ тѣмъ, что давалъ Залѣсскій, перетянули меня въ Ташкентъ". Затѣмъ послѣдовалъ вызовъ Н. И. Ильминскаго въ Туркестанъ для изученія края и составленія упомянутаго положенія объ учебной части. „Пока путешествовало представленіе въ Питеръ и обратно отъ Васъ, я около трехъ мѣсяцевъ пространствовалъ между киргизами, кочующими по Дарьѣ, осматривая развалины старыхъ городовъ. Результатомъ странствованія было, кромѣ археологическаго описанія видѣннаго, желаніе посвятить себя краю, Вашей пропагандѣ, о чемъ я рѣшился молчать до Вашего пріѣзда, намекнувъ только Вамъ въ послѣднемъ моемъ письмѣ о своихъ видахъ. За недѣлю предъ полученіемъ Вашего отвѣта, вслѣдствіе нѣкоторыхъ бесѣдъ съ Кауфманомъ, имъ было сказано мнѣ: когда пріѣдетъ Н. И. Ильминскій, Вы получите мѣсто завѣдующаго учебною частью въ краѣ для осуществленія идей Николая Ивановича. Казалось, судьба подслушала мое желаніе, и мнѣ было дано слово.

Пока же меня командировали въ Самаркандъ составить описаніе развалинъ города. Въ это время былъ полученъ Вашъ отвѣтъ, крайне огорчившій Кауфмана, испортившій само дѣло въ краѣ и лишившій меня опоры... Генералъ, оставаясь при Вашихъ воззрѣніяхъ на дѣло, поручилъ составить докладъ объ устройствѣ учебной части въ краѣ. Трудъ этотъ выпалъ на долю М. И. Бродовскаго (воспитанника горыгорецкаго института), занимавшаго должность начальника отдѣленія въ канцеляріи. Живя со мной, пока я былъ въ Ташкентѣ, онъ, наслышавшись много отъ меня о Вашей школѣ, ея успѣхѣ, пользѣ ввести это дѣло здѣсь, онъ включилъ въ докладъ почти всѣ мои идеи (которыя въ сущности Ваши и В. В. Григорьева) и предложилъ составить коммиссію для обсужденія этого дѣла, указавъ о назначеніи меня въ эту коммиссію...

„По вызову начальства въ декабрѣ прошлаго года я былъ въ Ташкентѣ. Здѣсь я узналъ слѣдующій составъ коммиссіи: предсѣдатель г. Бродовскій (агрономъ по образованію), члены:—я, Вигилянскій (оріенталистъ, по отзыву В. В. Григорьева, мало знающій,—онъ кончилъ курсъ послѣ меня двумя годами,—самъ сознается, что все забылъ и практически языковъ не знаетъ), офицеръ генеральнаго штаба Костенко, знающій край, какъ туристъ, и не понимающій различія между киргизомъ и сартомъ, и наконецъ послѣдній членъ нѣкто г. Бахметевъ, юноша, присланный отъ коннозаводства и въ краѣ только съ сентября прошлаго года. Итакъ изъ этого состава Вы можете судить, что за жалкая коммиссія, которой поручено рѣшать столь важное для Россіи дѣло, народное образованіе. Не изъ хвастовства или другихъ причинъ, не краснѣя, скажу,—изъ нихъ всѣхъ, если (кто) кое что знаетъ о краѣ и практически персидскій и татарскій (т. е. языки), такъ это я, чѣмъ обязанъ во всемъ В. В. Григорьеву. Многіе изъ нихъ въ первый разъ слышали Ваше имя и о школѣ. Предсѣдатель самъ отличный, великолѣпный, честный человѣкъ, но не оріенталистъ и край знаетъ изъ бумагъ

канцеляріи генералъ-губернатора. Около Рождества мы начали наши занятія въ коммиссіи, а на праздникахъ г. Бродовскій передалъ мнѣ, что, по докладу правителя канцеляріи, онъ, послѣ новаго года, будетъ назначенъ завѣдующимъ учебною частію въ краѣ. Итакъ у меня вырвали дѣло. Посмотрите же теперь, на какихъ началахъ хотятъ ввести его. Я былъ въ трехъ засѣданіяхъ и, уразумѣвъ изъ программы, утвержденной генералъ-губернаторомъ, что дѣло едва ли пойдетъ, подъ предлогомъ дороговизны жизни въ Ташкентѣ, выбылъ изъ коммиссіи въ Самаркандъ и теперь, пройдя памятью прошедшее, очень и очень радъ, что не я у дѣла и что моя рука не нанесетъ удара русскому дѣлу. Уходя изъ Ташкента и живя тамъ, я все стоялъ за предложенную Вами программу постепеннаго, медленнаго, болѣе обдуманнаго, выведеннаго изъ опыта образа дѣйствія; но видно на нашей администраціи (вообще всей Руси) лежитъ проклятіе не слушаться уроковъ, пріобрѣтенныхъ жизнію практическою, и всегда держаться теоріи и пренебрегать разумнымъ словомъ. Въ этомъ дѣлѣ я былъ Вашимъ эхомъ; не послушались,—пусть пеняютъ на себя. Вотъ краткая канва, которую утвердила высшая власть края.

„Въ краѣ устроиваются школы для киргизъ, сартовъ и русскихъ. Для первыхъ вводится русская транскрипція киргизской рѣчи, для вторыхъ русская грамота и ремесла. На этомъ основаніи школы дѣлятся на семинарію (одну въ Ташкентѣ), которая обязана приготовлять учителей для нормальныхъ школъ, имѣющіе (имѣющихъ) быть въ уѣздныхъ городахъ; воспитанники, кончившіе курсъ въ нормальныхъ школахъ, открываютъ въ кишлакахъ и аулахъ элементарныя школы. Въ этихъ послѣднихъ вводится русская транскрипція; преподаваніе состоитъ изъ умѣнья читать и писать. Въ нормальныхъ школахъ, кромѣ читать писать, предполагается учить ариѳметикѣ, географіи, исторіи и русскому языку,—все въ самой короткой рамкѣ. Курсъ въ этой школѣ будетъ состоять изъ

старшаго и меньшого возраста. Въ эту школу будутъ допускаемы всѣ, кто живетъ въ городѣ,—русскіе, сарты и дѣти киргизъ; послѣдніе будутъ пансіонерами школы. Интересно будетъ видѣть на практикѣ, какъ при такомъ смѣшеніи народностей можетъ пойти русская транскрипція. Въ городахъ, гдѣ есть сарты, будутъ открыты для нихъ ремесленныя школы, въ которыхъ обученіе русскаго языка обязательно, а туземнаго не будетъ. По моему это единственная школа, которая привьется. Имѣющая открыться въ Ташкентѣ семинарія будетъ принимать къ себѣ дѣтей всѣхъ національностей. Хороши будутъ піонеры русскаго алфавита между киргизами! Въ положенное трехлѣтіе семинаріи киргизята всѣ обратятся въ сартовъ и фанатиковъ мусульманъ. Въ семинаріи тоже полагаются пансіонеры...

„Чтеніе этой программы вызвало, по прочтеніи Вашей переписки съ Кауфманомъ, въ коммиссіи массу вопросовъ съ моей стороны. Все мое краснорѣчіе было направлено доказать несостоятельность программы и ручательство за успѣхъ, если дѣло поведутъ путемъ, Вами предлагаемымъ. Но мнѣ возразили, что я слишкомъ увлекаюсь типомъ Вашей школы и Вашими идеями. На мои вопросы: какое же изъ киргизскихъ нарѣчій будетъ преподаваться, такъ какъ Большая орда отъ Малой и каракиргизъ говоритъ другимъ нарѣчіемъ, какъ это они хотятъ сохранить чистоту національности киргизенка въ нормальной школѣ и семинаріи, принесетъ ли пользу въ аулѣ обученіе русскаго языка, когда въ глуши не будетъ ни одного человѣка, кромѣ учителя, плохо знающаго живую русскую рѣчь,—они ничего не могли отвѣтить. Да и трудно было имъ отвѣчать, когда никто не знаетъ ни туземныхъ нарѣчій, ни край, и даже самой идеи, къ чему Вы хлопочете за русскую азбуку. Видя, что въ этомъ квартетѣ дѣло не выйдетъ, я, прощаясь, опять повторилъ свое убѣжденіе идти Вашимъ путемъ, открыть небольшую школу хоть въ Перовскомъ или Токмакѣ, а нѣтъ—такъ и въ обоихъ этихъ пунктахъ,—въ Перовскомъ для киргизъ

Оренбургскаго и Сыръ-Дарьинскаго вѣдомства, а во второмъ для каракиргизъ, по обстановкѣ совершенно на такихъ началахъ, какъ Ваша, съ небольшимъ измѣненіемъ; за тѣмъ, найдя достойныхъ лицъ, въ родѣ Алтынсарина, вести это дѣло исподоволь, осторожно, и уроками изъ практической жизни составлять всю систему распространенія транскрипціи, а также и подготовлять руководства и книжки потихоньку. Но увы—голосъ мой остался гласомъ вопіющимъ въ пустынѣ, и я сократился изъ коммиссіи и въ настоящее время очень радъ, что миновала сія чаша меня. Я свободенъ и въ будущемъ году возвращаюсь въ Питеръ служить и ни за какія тысячи при подобныхъ ерундистическихъ воззрѣніяхъ не останусь здѣсь и не возьмусь за это дѣло. Вина не моя; я предлагалъ свои услуги. Не хотѣли пользоваться или лучше меня обманули,—ну, такъ и уйдемъ отсюда.

„Вотъ Вамъ краткій очеркъ тѣхъ послѣдствій, которыя произошли отъ хорошихъ сѣмянъ. По окончаніи работъ думаютъ открыть сперва въ Ташкентѣ семинарію... Для русскаго населенія предполагается устроить прогимназію. По всей вѣроятности у Васъ спросятъ заключенія по работамъ коммиссіи... Если будетъ время, сообщите о тѣхъ реформахъ, которыя ведутся у Васъ по учебной части и о которыхъ Вы писали генералъ-губернатору".

Все письмо, какъ видитъ читатель, отличается раздраженнымъ тономъ, который объясняется тутъ же личными интересами: у корреспондента отнимаютъ его дѣло, которое онъ навѣрняка надѣялся получить въ свои руки. Можно усматривать тутъ же отчасти и причину невѣрнаго еще тогда положенія Куна: умный и образованный генералъ-губернаторъ вѣроятно хорошо видѣлъ разные недочеты въ образованіи Куна и въ степени его соотвѣтствія принятой уже системѣ мѣстнаго образованія. Система эта въ письмѣ Куна передается неопредѣленно и съ немалыми искаженіями. Можно подозрѣвать, что Кунъ едва ли еще ясно понималъ тогда то русское дѣло, о служеніи которому тутъ говорится и которому всецѣло посвятилъ себя генералъ Кауфманъ, а тѣмъ болѣе систему инородческаго образованія Ильминскаго: всѣ фразы и мысли письма относительно этого предмета сводятся больше къ внѣшней процедурѣ распространенія русскаго образованія среди инородцевъ (постепенность, осторожность и проч.), да еще къ русской транскрипціи, которая, какъ видно, всего больше заинтересовала петербургскаго филолога—оріенталиста. Послѣ, при болѣе близкомъ знакомствѣ со взглядами Кауфмана, онъ замѣтно развился и сталъ смотрѣть на дѣло инородческаго образованія яснѣе и шире, какъ это видно наприм. изъ приведенной въ книгѣ г. Остроумова (стр. 125—129) рѣчи его при открытіи учительской семинаріи въ Ташкентѣ. Впрочемъ тогда не было уже и причины его прежняго раздраженія, — мѣсто главнаго инспектора училищъ за нимъ было упрочено, сколько намъ извѣстно, еще въ 1875 г., до оффиціальнаго открытія этой должности, а можетъ быть и ранѣе.

Одинъ изъ пунктовъ Куновской критики на работу коммиссіи оказался потомъ дѣйствительно справедливымъ,—это указаніе на невыгоду обнаруженной коммиссіею и генералъ-губернаторомъ слишкомъ большой рѣшительности и поспѣшности въ организаціи инородческаго образованія, въ рѣшеніи мудренаго и труднаго вопроса о туземныхъ школахъ „Дамокловымъ мечемъ", какъ выражался Кунъ. Русскія школы, проектированныя коммиссіей, открывались довольно успѣшно, особенно съ 1876 года, со времени учрежденія въ краѣ особаго управленія по учебной части,—явились мужская и женская прогимназіи, сдѣлавшіяся потомъ полными гимназіями, разныхъ степеней городскія училища, училища приходскія и пр., успѣшно наполнялись они и учащимися изъ русскихъ дѣтей. Но образованіе инородцевъ, по недостатку предварительной подготовки къ нему туземной почвы, двигалось крайне туго, говоря откровенно, даже вовсе почти не двигалось впередъ. „Что

касается киргизской школы, писалъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ самъ Кауфманъ (стр. 442), предположенной къ созданію внутри ауловъ, то мысль объ ней не нашла того сочувствія, на которое я надѣялся, и степному населенію предоставлено было искать русскаго образованія по прежнему лишь въ начальныхъ училищахъ, устроенныхъ въ степныхъ городахъ и станицахъ". Да и невозможно было надѣяться на осуществленіе подобной мысли мѣрами администраціи, когда среди туземнаго населенія нужно было возбудить еще самый вопросъ о надобности русскаго образованія, когда администрація не пользовалась еще довѣріемъ вновь покореннаго края, когда наконецъ сама туземная религія не дозволяла правовѣрнымъ слишкомъ близко сходиться съ русскими кяфирами и перенимать ихъ науку. Потребность русскаго образованія проявлялась главнымъ образомъ среди туземцевъ, жившихъ въ городахъ и имѣвшихъ болѣе соприкосновенія съ русской жизнью, нуждавшихся въ знаніи русскаго языка для торговли и другихъ практическихъ надобностей. Но число туземныхъ учениковъ было ничтожно и въ городскихъ школахъ. Даже послѣ смерти Кауфмана, когда въ 1880-хъ годахъ явились первыя русско-туземныя школы, для наполненія ихъ приходилось привлекать учениковъ разными искусственными мѣрами и даже нѣкоторымъ давленіемъ сверху; явилась негласная повинность „школъ-пули"—деньги на школу, т. е. на наемъ подставныхъ дѣтей бѣдняковъ взамѣнъ дѣйствительныхъ сыновей вліятельныхъ туземцевъ (см. въ книгѣ г. Остроумова стр. 98—99, 215, и въ его другой книгѣ: Сарты, вып. 1, стр. 184).

Другимъ сильнымъ препятствіемъ къ развитію туземнаго образованія былъ крайній недостатокъ людей для занятія должностей по учебной службѣ. Учительскія мѣста въ первоначальныхъ школахъ были занимаемы кѣмъ попало, большею частію казаками, вовсе неподготовленными къ педагогической дѣятельности, иногда еле грамотными. Въ первомъ годичномъ отчетѣ

туркестанской учительской семинаріи приводится рапортъ одного приходскаго учителя инспектору школъ такого рода: „Вслѣдствіе циркулярнаго предложенія Вашего высокоблагородія отъ такого-то числа за № такимъ-то. Но такъ какъ не только въ выселкѣ NN, но и кругомъ на 20 верстъ нѣтъ церкви. Учитель NN". Въ 1870-хъ годахъ на учебную службу стали вызывать нужныхъ людей изъ имперіи, но и эта мѣра плохо удовлетворяла потребностямъ края. Изъ имперіи наѣхали большею частію разные искатели привиллегированной службы, мало соотвѣтствовавшіе этимъ потребностямъ. Это были то временные гости, спѣшившіе только устроить свою карьеру, получить все, что могла дать имъ привиллегированная служба въ краѣ, и затѣмъ поскорѣе убраться изъ чуждой имъ страны, то люди совсѣмъ неподготовленные къ своеобразнымъ требованіямъ въ этомъ инородческомъ краѣ, который требовалъ отъ нихъ много знанія, такта и особенно любви къ русскому дѣлу, не годные для своихъ постовъ даже по своимъ нравственнымъ качествамъ и только вредившіе русскому имени. Замѣчательно, что даже на высшихъ учебныхъ постахъ долгое время мы видимъ въ краѣ разныхъ нѣмцевъ, чеховъ, молдаванъ или русскихъ космополитовъ, отъ которыхъ конечно трудно было ожидать сколько нибудь плодотворнаго служенія русскому дѣлу. Въ воспоминаніяхъ г. Остроумова приводится напримѣръ заявленіе одного члена попечительскаго совѣта о пріютахъ генерала Мозеля, что пріютскихъ дѣтей незачѣмъ водить въ церковь къ богослуженію, такъ какъ они его вовсе не понимаютъ (стр. 169). Для лучшаго замѣщенія учительскихъ должностей генералъ Кауфманъ еще съ 1874 года сталъ усердно хлопотать объ открытіи ташкентской учительской семинаріи. Послѣ открытія въ 1876 г. особаго управленія учебными заведеніями въ Туркестанскомъ краѣ потребность учительской семинаріи стала сознаваться еще яснѣе и въ 1877 году генералъ-губернаторъ усилилъ свои ходатайства объ открытіи ея, обратившись по

этому поводу къ просвѣщенному вниманію министра народнаго просвѣщенія и содѣйствію военнаго министра графа Милютина. Послѣ этого прошло еще около двухъ лѣтъ въ перепискѣ съ этими министрами и съ министерствомъ финансовъ, но генералъ Кауфманъ не отставалъ отъ своихъ хлопотъ и таки добился своего (въ маѣ 1879 года). 30 августа 1879 г. совершилось самое торжество открытія семинаріи.

Но съ вопросомъ объ открытіи семинаріи неизбѣжно возникалъ другой важный вопросъ о томъ, кого поставить во главѣ этого важнаго заведенія, которое образованіемъ учителей для начальныхъ школъ края должно было, по мысли генерала Кауфмана, давать тонъ, можно сказать, всему народному здѣсь образованію и быть такимъ образомъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ орудій къ разрѣшенію труднаго вопроса объ инородцахъ и къ духовному сліянію новозавоеваннаго края съ имперіей. Въ поискахъ за такимъ кандидатомъ генералу Кауфману всего ближе было обратиться къ Н. И. Ильминскому (бывшему тогда уже директоромъ Казанской учительской семинаріи). Отъ 1 іюля 1875 года Кунъ писалъ Ильминскому: „Простите великодушно, что такъ часто безпокою Васъ. Общность задачи, лежащая на насъ обоихъ,—инородческое образованіе, придаетъ мнѣ смѣлости обращаться къ Вамъ, какъ старѣйшему и болѣе опытному въ этомъ дѣлѣ, съ усердными просьбами помочь и наставить юному дѣятелю на поприщѣ обрусенія мусульманъ. Настоящее письмо мое имѣетъ два нижайшихъ „арза“. Первое: желая идти Вашимъ путемъ, ввести въ Азію русскую азбуку, для начала дѣла формируется здѣсь учительская семинарія въ небольшихъ размѣрахъ. Принципы или точнѣе начала для этого заведенія принимаются тѣже, что и у Васъ, конечно исключая задачи православія. Недостатокъ, задерживающій открытіе дѣла, въ директорѣ. Не сдѣлаете ли Вы намъ милость, рекомендуя кого либо изъ учителей Вашей семинаріи. Кондиціи наши

представляю на отдѣльномъ листѣ“ [1]). Вторая просьба касалась одного чимкентскаго муфтія—Абду Сатара, мусульманина съ русскимъ направленіемъ, желавшаго посвятить свою дѣятельность на распространеніе русской грамоты между своими сородичами; Кунъ просилъ, для дальнѣйшаго педагогическаго образованія его и для сообщенія ему механизма русской транскрипціи, пристроить его къ казанской учительской семинаріи.

Отвѣтъ Н. И. Ильминскаго (отъ 30 іюля и 1 августа) приводимъ въ цѣломъ видѣ: „На письмо Ваше отъ 1 іюля я едва собрался съ духомъ отвѣчать, не смотря на то, что оно заключаетъ въ себѣ для меня величайшій интересъ, а лучше сказать, именно по милости этого интереса-то я и не умудрился отвѣчать Вамъ тотчасъ, какъ Вы желали.

„Прежде всего не могу не выразить моего удовольствія или, лучше, сердечной радости, что Вы сдѣлались инспекторомъ по училищной части въ Туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ. Это извѣстіе я получилъ изъ Оренбурга. Значитъ, теперь учебное и русское дѣло въ новомъ краѣ въ рукахъ вѣрныхъ и усердныхъ. Тѣмъ болѣе я считалъ своей обязанностью пріискать Вамъ хорошихъ и искреннихъ помощниковъ. Какъ учительская семинарія важна для народнаго образованія, такъ важна и личность директора семинаріи. Я старался расположить поэтому изъ числа моихъ сотрудниковъ по семинаріи и по инородческому дѣлу г. Остроумова. Онъ окончилъ курсъ въ Казанской духовной академіи, гдѣ былъ моимъ ученикомъ по языкамъ татарскому и арабскому, знакомъ съ магометанскимъ вѣроученіемъ и Кораномъ. Онъ въ душѣ и по образованію миссіонеръ; но не страшитесь этого

---

[1]) 2000 р. жалованья, казенная квартира, пенсія черезъ 20 лѣтъ, пятилѣтнія прибавки, отпускъ на 4 мѣсяца, при отправленіи на службу двойные прогоны и годовой окладъ невзачетъ.

слова, отзывающагося на первый взглядъ нетерпимостью и другими подобными неблаговидностями. Мой просвѣщенный другъ Остроумовъ понимаетъ миссіонерство самымъ гуманнымъ образомъ, и вполнѣ увѣренъ, что только народное образованіе можетъ положить прочную основу и христіанству. Онъ много обращался съ татарами, поэтому и къ туркестанцамъ приладится. Притомъ онъ патріотъ, и тоже въ смыслѣ гуманномъ. Словомъ—онъ лучшій и по моему едва ли не единственный человѣкъ пригодный на предлагаемое мѣсто. Онъ не прочь, и даже дѣятельность по образованію инородцевъ окрайной мѣстности сильно его интересуетъ. Но такъ какъ онъ человѣкъ семейный, имѣетъ малолѣтнихъ дѣтей, то естественно его озабочиваютъ нѣкоторыя обстоятельства, о которыхъ ниже я скажу въ видѣ вопросовъ.

„Имѣйте въ соображеніи, что г. Остроумовъ состоитъ доцентомъ въ академіи и учителемъ въ нашей семинаріи и получаетъ всего содержанія до 2000 рублей, имѣетъ свой домикъ съ садикомъ, гдѣ хозяйничаетъ и пріятно можетъ отдыхать отъ своихъ трудовъ. Его пенсія имѣетъ и здѣсь быть чрезъ 25 лѣтъ, не много же дольше Вашего. Словомъ, крайности къ переходу нѣтъ и особыхъ выгодъ при переходѣ въ Ташкентъ онъ не пріобрѣтаетъ; хорошо бы, если бы не потерпѣть ущерба. Единственный барышъ ему чисто моральный —удовлетвореніе патріотическаго одушевленія. Въ виду всего этого Вы конечно снисходительно взглянете на слѣдующіе вопросы. 1) Окладъ 2000 рублей есть ли собственно жалованье, или въ соединеніи съ столовыми? Сколько поэтому ему будетъ выдано при переѣздѣ не въ зачетъ — всѣ ли 2000 руб. или менѣе и сколько именно? И какъ велика будетъ пенсія, и какъ велики будутъ пятилѣтнія прибавки? Пятилѣтіе, прошедшее на службѣ въ академіи, съ 1870 года, какъ будетъ зачтено на пенсію?—Узаконенный вычетъ изъ жалованья при перемѣнѣ службы, въ замѣнъ сбора за чины, будетъ ли имѣть мѣсто и въ Ташкентѣ, или быть

можетъ, для Вашего края, въ уваженіе его отдаленности, есть изъятіе изъ этого закона?

„2) Желательно бы видѣть уставъ Ташкентской учительской семинаріи. Сколько и какой составъ учителей? Назначены ли или имѣются уже въ виду таковые? Какія права и обязанности директора? Предоставлено ли ему избирать учителей? Кому и какъ онъ подчиненъ? — Какая задача семинаріи? Какіе будутъ ученики? На какомъ языкѣ преподаваніе? — Какіе и по какимъ предметамъ учители, и если уже назначены, кто же именно?—Штатъ на всѣ части семинаріи?

„3) Желательно и существенно необходимо знать: удобства и неудобства, и средства пути отъ Оренбурга до Ташкента: когда, въ какое время года лучше ѣхать съ малолѣтней семьей? Безопасны ли пути? Можно ли въ случаѣ небезопасности путей имѣть напримѣръ конвой и т. под.? — Удобства, дороговизну и средства жизни въ Ташкентѣ? Когда подростутъ дѣти, какіе виды на способы ихъ образованія, особенно дѣвочекъ? Есть ли уже заведеніе для воспитанія дѣвицъ —въ родѣ женскихъ гимназій?

„4) Сколько отпусковъ, или черезъ сколько лѣтъ позволенъ будетъ четырехмѣсячный отпускъ? Это нужно знать на случай экстренной необходимости, а впрочемъ г. Остроумовъ вовсе неохотникъ до разъѣздовъ и понимаетъ пользы заведенія, которыя онъ долженъ лично и постоянно, безотлучно наблюдать. Вообще желательно знать подробности мѣстно-бытовыя, которыя могутъ имѣть хорошее или дурное вліяніе на жизнь человѣка.

„Муфтія Абдусаттара въ учительскую Казанскую семинарію никоимъ образомъ пристроить невозможно. Наша семинарія исключительно для крещеныхъ, а такъ помѣстить его неудобно, потому что наша семинарія находится въ самомъ центрѣ татарскаго населенія, на берегу озера Кабана. Если принять его сюда, непремѣнно станутъ шляться магометане, съ которыми семинарія сношеній не имѣетъ и не должна имѣть. А его можно поручить наблюденію и руководству г. Остро-

умова, который и квартиру ему вблизи своего дома найти можетъ. Если, по Вашему соображенію, Остроумовъ можетъ поступить безъ ущерба для Васъ и для себя и если можно будетъ ему пріѣхать въ Ташкентъ въ будущемъ лѣтѣ 1876 года, такъ что онъ на эту зиму останется въ Казани, то и ему и Саттару будетъ обоюдно полезно ближе познакомиться, а г. Остроумовъ научился бы языку ташкентскому. Если же придется Остроумову ѣхать въ нынѣшнемъ году (но онъ отнюдь не желаетъ и боится зимней дороги именно ради своей семьи), то уже лучше Абдусаттара-то оставить въ Ташкентѣ въ ожиданіи Остроумова.

„Ожидаемъ Вашего отвѣта съ указаніями по всѣмъ вышепрописаннымъ вопросамъ. 30 іюля 1875 г.

P. S. „1 августа. Если нѣтъ особенной надобности теперь же открыть учительскую семинарію въ Ташкентѣ, или если матеріальное, внѣшнее устройство ея (напримѣръ постройка дома и обмеблированіе) потребуютъ времени, напр. съ годъ, такъ что семинарія будетъ открыта въ началѣ 187°/, учебнаго года, то нельзя ли, въ случаѣ обоюднаго согласія Вашего и г. Остроумова на перемѣщеніе его въ директоры Ташкентской учительской семинаріи, нельзя ли бы его опредѣлить въ нынѣшнемъ году и дать командировку въ Казань до сказаннаго срока; въ это время онъ бы занялся, при содѣйствіи Абдусаттара-то, составленіемъ начальныхъ учебниковъ для туземныхъ школъ на языкѣ, употребляемомъ ташкентцами и другими тамошними жителями. Освобожденный такимъ образомъ отъ своихъ по казанской службѣ обязанностей, онъ бы все свое время посвятилъ приготовленію и напечатанію учебниковъ и самого себя приготовлялъ бы къ новой должности. Онъ бы могъ, кажется, и съѣздить одинъ къ Вамъ для личныхъ предварительныхъ объясненій по дѣламъ семинаріи, и получивши командировку, вернуться въ Казань, взявши съ собой и Абдусаттара, и здѣсь, въ Казани, исполнять вышесказанное дѣло.

„У Васъ издается Ташкентская газета, и по мѣстамъ въ нее вносятся тексты на мѣстныхъ языкахъ. Было бы весьма интересно взглянуть на эту газету. Нельзя ли высылать одинъ экземпляръ мнѣ въ видѣ внѣшняго знака нашихъ душевныхъ взаимныхъ, самыхъ сочувственныхъ отношеній.

„Я слышалъ, что Вы составили и начали уже печатать въ Петербургѣ — учебникъ для школъ на киргизскомъ языкѣ. Какой это учебникъ и по какой системѣ, и какимъ алфавитомъ?“

Нельзя не обратить здѣсь вниманія на ту заботливость, съ какою отнесся Николай Ивановичъ къ нуждамъ Туркестанскаго края и съ какою вмѣстѣ съ тѣмъ старался устроить будущее служеніе тамъ своего лучшаго ученика и сотрудника. Въ Ташкентѣ были очень рады такому кандидату на важный и отвѣтственный постъ директора учительской семинаріи, имѣвшей по мысли Кауфмана сдѣлаться главнымъ исходнымъ пунктомъ русскаго образованія для всего края и особенно для туземцевъ. Отъ 24 августа того же года Кунъ писалъ въ Казань.

„Письма Ваши отъ 30 іюля и 1 августа я получилъ на пути къ Кокану, куда идемъ съ отрядомъ. Движеніе наше вызвано безпорядками въ ханствѣ и вторженіемъ вооруженныхъ коканцевъ въ наши предѣлы. Есть предположеніе о присоединеніи Коканскаго ханства къ нашимъ владѣніямъ. Не нахожу словъ благодарить за доброе участіе, которое Вы принимаете въ нашемъ юномъ учебномъ дѣлѣ въ Туркестанскомъ краѣ. Отъ искренней души привѣтствую, „хотя не знакомаго мнѣ, г. Остроумова, соглашающагося перейти въ Ташкентъ послужить русскому дѣлу. По порученію г. генералъ-губернатора, передаю его искреннюю благодарность за рекомендацію лица, желающаго принять на себя дирекцію семинаріи. Съ своей стороны могу въ настоящее время сообщить, что, кромѣ удовольствія, постараюсь фактически доказать на дѣлѣ полнѣйшую готовность сдѣлать все, что надо будетъ для устрой-

ства г. Остроумова. Ваша рекомендація достаточно гарантируетъ, что у насъ дѣло пойдетъ хорошо при такомъ сотрудникѣ, какимъ является г. Остроумовъ. Дѣйствія нашей учебной части откроются съ января 1876 г., и тогда будетъ приказъ о моемъ назначеніи. При всемъ желаніи отвѣчать на всѣ Ваши вопросы, сейчасъ не могу исполнить. Откладываю эту пріятную обязанность до занятія Кокана. При возвращеніи же послѣ похода въ Россію постараюсь побывать въ Казани, что случится вѣроятно осенью, и тогда лично при свиданіи выясню все, что будетъ не досказано. Г. генералъ-губернаторъ сейчасъ поручилъ мнѣ сообщить его усердную просьбу г. Остроумову повременить до личныхъ объясненій со мною. Онъ выразилъ желаніе непремѣнно видѣть г. Остроумова на службѣ въ Туркестанскомъ краѣ. Относительно напечатанныхъ нами учебниковъ и вообще всего, что будетъ издано въ краѣ на пользу инородческаго образованія, сообщу и вышлю изъ Ташкента.—Чтобы для Васъ не казалось страннымъ присутствіе будущаго главнаго инспектора училищъ въ походѣ, сообщаю,—цѣль моя старая—собираніе восточныхъ рукописей при конфискаціи ханскаго имущества и научныхъ свѣдѣній о краѣ. Будь у меня прямыя занятія въ Ташкентѣ, конечно я не пошолъ бы въ походъ, но учебная часть еще не открыта, семинарія въ зародышѣ и наконецъ генералъ-губернаторъ въ отсутствіи, а безъ него въ Ташкентѣ ничего не дѣлается. Всѣ дѣла отъ него зависятъ".

Переходъ Н. П. Остроумова въ Туркестанскій край совершился однако не вдругъ. Открытіе ташкентской учительской семинаріи, какъ извѣстно, затормозилось на довольно продолжительное время. Войдя по этому вопросу въ сношеніе съ г. Остроумовымъ, Кунъ, съ согласія Кауфмана, предложилъ ему пока мѣсто инспектора ташкентской прогимназіи и между прочимъ высказалъ въ письмѣ своемъ нѣсколько мыслей о препятствіяхъ, какія могутъ встрѣтиться при назначеніи его на эту временную должность со стороны министерства народнаго просвѣщенія. Препятствія эти съ помощью сильнаго генералъ-губернатора онъ надѣялся благополучно преодолѣть; но тѣмъ не менѣе своими рѣчами объ нихъ ввелъ своего корреспондента въ сильное сомнѣніе касательно успѣха затѣяннаго дѣла. Н. П. Остроумовъ написалъ ему письмо, въ которомъ совершенно отказывался отъ перехода въ Ташкентъ и просилъ возвратить уже отправленные туда свои документы. Кунъ былъ сильно озадаченъ этимъ письмомъ и, не докладывая о содержаніи его Кауфману, поспѣшилъ обратиться къ Н. И. Ильминскому съ убѣдительной просьбой уговорить г. Остроумова и уладить дѣло „ко благу святой задачи, лежащей на русскихъ дѣятеляхъ въ средней Азіи". „Какъ истый азіатъ, писалъ онъ, подымаю руки къ Аллаху и къ Вамъ съ крикомъ: помогите, пропадаю! Прошу амана. Н. П. Остроумовъ, самый хорошій человѣкъ, обижаетъ меня, русское дѣло въ средней Азіи. Одно спасеніе наше Вы, патріархъ инородческаго дѣла, дорогой Николай Ивановичъ! Выручайте, а то матъ всему дѣлу".

Вотъ отвѣтное письмо Николая Ивановича отъ 4 января 1876 года, отзывающееся тою же заботливостію его о дорогомъ дѣлѣ, какъ и только что приведенное выше, и еще сильнѣе характеризующее достоинства рекомендованнаго имъ кандидата.

„На Ваше письмо отъ 16 декабря, за разными недосугами, колебаніями и недоумѣніями, по своимъ дѣламъ впрочемъ, насилу-то я собрался отвѣчать теперь. Не причтите это замедленіе равнодушію къ Вашему дѣлу и великодушно извините меня. Всѣ письма Николая Петровича (т. е. Остроумова) я прочиталъ въ связи съ Вашими и лично говорилъ съ нимъ. Но чтобы уяснить его письмо № 2-й, нахожу неизлишнимъ войти въ нѣкоторыя подробности, о которыхъ я едва ли писалъ Вамъ прежде.

„Н. П., по своему положенію и обстановкѣ, при его безпритязательности, совершенно доволенъ Казанью. Достаточное содержаніе (1800 руб.=1200 въ

академіи по должности доцента + 600 въ учительской семинаріи за преподаваемые нѣсколько уроковъ по русской исторіи), свой уютный домикъ, своя семья, общее вполнѣ заслуженное расположеніе всѣхъ сослуживцевъ, предметы имъ преподаваемые, любезные его сердцу,— все это вовсе не располагаетъ его оставить теплое родное гнѣздо и идти въ далекую сторону. Его влекли въ Ташкентъ представленія или интересы моральные, именно патріотическіе. Патріотизмъ Николая Петровича, вслѣдствіе его воспитанія и научныхъ занятій, опредѣлился и направился на то, чтобы по мѣрѣ силъ противодѣйствовать магометанской силѣ, и напротивъ развивать въ инородцахъ русскія симпатіи и стремленія, и если не по формѣ, то по сущности—христіанскія, гуманныя понятія. Но такая задача и въ Казани далеко еще не разрѣшена: Н. П. и здѣсь не только не лишній, но полезный и нужный человѣкъ. Намъ жаль разстаться съ нимъ, и ему жаль оставить здѣшнее дѣло, которому онъ искренно сочувствуетъ. Только въ виду заявленнаго Вами затрудненія найти сотрудниковъ Вамъ въ дѣлѣ народнаго образованія въ Туркестанскомъ краѣ, нѣкоторой, можно сказать, солидарности Средней Азіи съ татарскимъ магометанствомъ, рѣшился Н. П. заявить свое согласіе поступить на службу въ Ташкентъ, будучи притомъ приведенъ въ восторгъ высокимъ вниманіемъ Константина Петровича (Кауфмана) и Вашимъ. Въ видахъ скорѣйшаго приступа къ приготовленію себя къ труднымъ и мудренымъ обязанностямъ директора учительской семинаріи въ такомъ своеобразномъ краѣ, какъ Ташкентъ, онъ соглашался (на первый разъ) временно поступить на должность инспектора прогимназіи, предложенную ему Вами отъ лица г. генералъ-губернатора, хотя эта должность и вообще прогимназія ему не особенно симпатичны, при его вышеизложенномъ спеціальномъ направленіи.—Ваше письмо, затѣмъ, совершенно неожиданно смутило Николая Петровича. Изъ него онъ заключилъ, что 1) Петербургъ совершенно измѣнилъ Вашъ взглядъ на дѣло; что 2) предложеніе учительскаго мѣста въ прогимназіи есть ни болѣе, ни менѣе, какъ деликатный способъ отдѣлаться отъ него вовсе. Словомъ—всему причина недомолвки Вашего письма, принятыя Николаемъ Петровичемъ за тонкіе намеки. Ваше письмо отъ 16 декабря разсѣеваетъ эти недоразумѣнія. Однако по пословицѣ—„нѣтъ худа безъ добра“, изъ того письма-то Вашего выходитъ, что дѣйствительно посторонняя должность, временно занятая въ ожиданіи открытія учительской семинаріи,—будетъ ли инспекторская или учительская, — все равно попрепятствуетъ основательной подготовкѣ къ должности директора учительской семинаріи. Гнаться за двумя зайцами значитъ ни одного не поймать. Изъ-за грошовой экономіи портить дѣло прогимназіи и будущей семинаріи—опять не резонъ. Если высшія правительственныя лица убѣждены въ надобности открытія въ Ташкентѣ учительской семинаріи столько же, какъ Константинъ Петровичъ и Вы, и есть вѣрная надежда на общее сочувствіе и содѣйствіе къ осуществленію этой мѣры къ упроченію образованія туземнаго населенія въ духѣ русскомъ или, правильнѣе, въ русскихъ интересахъ; то было бы гораздо полезнѣе напримѣръ Остроумова теперь же (т. е. съ будущаго лѣта) командировать въ Ташкентъ для исключительно одного дѣла—ближайшаго ознакомленія съ тамошними языками, съ состояніемъ ташкентскихъ медресъ, т. е. степенью ихъ учености, съ направленіемъ тамошнихъ ученыхъ и горожанъ туземныхъ,—для ознакомленія и сближенія съ туземцами, для заблаговременнаго обдуманія, какъ приняться за дѣло. Учительская семинарія въ Ташкентѣ—вещь новая, очень мудреная. Она должна быть въ связи съ народными школами, которыхъ по новому направленію еще, вѣроятно, нѣтъ; все это нужно заблаговременно обдумать. Приходится создать цѣлую систему образовательную. Человѣку съ головой и сердцемъ найдется много работы въ такихъ приготовительныхъ занятіяхъ, такъ что посторонняя должность, раздвоивши вниманіе, только помѣшаетъ. Это мое убѣжденіе, которое и

г. Остроумовъ раздѣляетъ, и въ этомъ смыслѣ онъ находитъ теперь совершенно неудобнымъ поступать въ прогимназію ни учителемъ, ни инспекторомъ, а желалъ бы быть пока прикомандированнымъ, съ содержаніемъ отъ 1500 до 2000 руб. въ годъ, такъ какъ онъ долженъ будетъ оставить Казанскую службу. Если же это окажется неудобнымъ, то теперь не стоитъ его и переводить въ Ташкентъ на какую бы то ни было временную должность. Пусть дѣло объ учрежденіи въ Ташкентѣ учительской семинаріи идетъ своимъ чередомъ; а г. Остроумовъ въ Казани будетъ продолжать свои занятія по магометанству и по учительской семинаріи, которыя ему пригодятся же и въ Ташкентѣ. И когда, чрезъ годъ или два, станете открывать семинарію, быть можетъ, къ тому времени найдете другого, болѣе подходящаго кандидата. А если такого не найдете, то можете тогда пригласить г. Остроумова, котораго усердіе послужить русскому дѣлу въ Туркестанскомъ краѣ, именно по народному образованію туземнаго населенія — не измѣнилось и не охладѣло.

„Закончу мое письмо искреннимъ и убѣдительнымъ совѣтомъ — постарайтесь настоять на томъ, чтобы Вашей учительской семинаріи и народнымъ школамъ положительно и оффиціально (а не на словахъ только) предоставлена была самостоятельность и свобода дѣйствій, подъ контролемъ и управленіемъ главнаго начальника края и главнаго инспектора училищъ въ краѣ.

„Въ наступившемъ 1876 году желаю Вамъ наилучшаго успѣха и добраго здоровья прежде всего. Читалъ разъ я въ газетахъ слухъ, что будто бы Константина Петровича могутъ перевести въ министры военные на мѣсто Милютина. Съ нимъ, пожалуй, и заботы о просвѣщеніи края кончатся, потому что все зависитъ отъ взглядовъ главнаго начальника.—Препровождаю Вамъ письма Н. П. А на это письмо я желалъ бы получить Вашъ отзывъ.

„Если Ваши киргизскіе учебники уже отпечатались, нельзя ли осчастливить меня экземпляромъ“.

При посредствѣ Н. И. Ильминскаго дѣло скоро уладилось. Его рекомендація, данная Остроумову, произвела надлежащее впечатлѣніе и генералъ Кауфманъ согласился послѣдовать его совѣту. Отъ 15 февраля 1876 года Кунъ извѣщалъ его, что генералъ-губернаторъ немедленно сдѣлалъ представленіе въ министерство объ утвержденіи законодательнымъ порядкомъ новой должности въ Туркестанскомъ краѣ собственно для Остроумова, должности инспектора инородческихъ школъ съ содержаніемъ въ 2250 р., кромѣ разъѣздныхъ, имѣющихъ выдаваться особо для каждой командировки, и съ обычными обязанностями инспекторской должности, какъ во всѣхъ попечительскихъ округахъ. Къ сентябрю будущаго года въ Ташкентѣ надѣялись открыть и самую семинарію, послѣ чего г. Остроумовъ долженъ былъ перейти на свою настоящую должность директора семинаріи. Въ томъ же письмѣ Куна находимъ между прочимъ любопытное извѣстіе о мѣрахъ, предпринимавшихся генералъ-губернаторомъ противъ татарской пропаганды въ краѣ: онъ сдѣлалъ будто бы „представленіе графу Толстому о томъ, чтобы, по соглашенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати были предприняты мѣры къ ограниченію казанскихъ изданій Корана, Ефтуэка и т. п. богословскихъ книгъ и распространенія оныхъ въ Среднюю Азію“. Когда дѣла объ открытіи должности инспектора инородческихъ школъ и о семинаріи замедлились, Кунъ въ своихъ письмахъ изъ Петербурга, гдѣ онъ въ это время находился вмѣстѣ съ Кауфманомъ, извѣщалъ о подробностяхъ ихъ теченія. Какъ ни торопился Кауфманъ съ дѣломъ о переводѣ г. Остроумова въ Ташкентъ, утвержденіе послѣдняго въ новой должности послѣдовало только 14 мая 1877 года.

Въ половинѣ мая этого года К. П. Кауфманъ, возвращаясь изъ Петербурга въ Ташкентъ, долженъ былъ опять проѣзжать мимо Казани. Кунъ извѣстилъ объ этомъ Н. И. Ильминскаго и передалъ ему желаніе ге-

нерала видѣться съ нимъ и Остроумовымъ. Свиданіе это описано въ книгѣ г. Остроумова (стр. 8—9) и въ брошурѣ Ильминскаго о примѣненіи русскаго алфавита къ инородческимъ языкамъ (стр. 25—26). Въ іюлѣ того же года Н. П. Остроумовъ былъ уже на пути въ Туркестанъ, а въ 20-хъ числахъ августа началось его благотворное служеніе образованію Туркестанскаго края. Говорить о его заслугахъ на этомъ поприщѣ, конечно, еще рано. Много по этой части можно извлечь изъ самой его книги о генералѣ Кауфманѣ, какъ ни скромно говоритъ онъ въ ней о томъ, что касается его лично, изъ его прекраснаго отчета о начальныхъ училищахъ Сыръ-Дарьинской и Семирѣченской областей за 1878 годъ (Журн. Мин. Нар. Просв. за 1879 г. іюль), изъ отзывовъ объ немъ въ письмахъ къ К. П. Побѣдоносцеву Н. И. Ильминскаго, довѣріе и рекомендаціи котораго онъ заслужилъ и оправдалъ въ полной мѣрѣ. Онъ явился въ краѣ первымъ дѣятелемъ русскаго образованія среди туземцевъ, такъ какъ до него еще ничего не было сдѣлано по этой части, да некому было по этой части и работать. Главный инспекторъ Кунъ, не смотря на свое оріенталистическое образованіе, былъ только чиновникъ и только мѣшалъ его дѣятельности своей постоянной ревнивостью въ отношеніи къ нему изъ-за близости къ генералъ-губернатору и значенія по службѣ, и тѣмъ, что, заставляя его работать за себя, заваливалъ его составленіемъ разныхъ правилъ, инструкцій, смѣтъ, отчетовъ и другихъ подобныхъ бумагъ, отнимавшихъ почти все его время. К. П. Кауфманъ скоро оцѣнилъ дорогого дѣльца и относился къ нему съ бо́льшимъ довѣріемъ, чѣмъ къ главному инспектору. „На Васъ все упованіе мое“, сказалъ ему генералъ-губернаторъ въ публичной рѣчи на одномъ торжественномъ собраніи (см. въ книгѣ г. Остроумова, стр. 166). Въ лицѣ его предъ администраціей края наилучшимъ образомъ была зарекомендована и Казанская академія, которой онъ былъ питомцемъ и первымъ представителемъ въ Средней Азіи. Вслѣдъ за

нимъ на учебную службу въ Туркестанскій край пошли и другіе питомцы той же академіи, его бывшіе ученики, и были здѣсь принимаемы очень охотно.

Мысль о вызовѣ ихъ въ Туркестанскій край подалъ самъ Н. П. Остроумовъ. Не смотря на довѣріе и поддержку со стороны генералъ-губернатора, среди тѣхъ чуждыхъ ему по убѣжденіямъ людей, которые наполняли тогда разныя мѣста учебной службы въ краѣ, онъ не могъ не чувствовать себя одинокимъ; хотѣлось видѣть около себя своихъ людей, да лучше этихъ своихъ людей онъ не могъ нигдѣ и найти для своего дѣла. Отъ 26 сентября 1877 года главный инспекторъ Кунъ писалъ Н. И. Ильминскому:

„Въ полученномъ мною на дняхъ письмѣ изъ Ташкента отъ Н. П. Остроумова онъ между прочимъ говоритъ, что въ Казанской духовной академіи есть одинъ изъ студентовъ III курса, неперешедшій въ IV курсъ практическій, нѣкто Воскресенскій, желающій ѣхать на службу по учебному вѣдомству въ Туркестанскій край, но обязательная служба за образованіе въ академіи мѣшаетъ осуществленію столь благого дѣла, а именно увеличить у насъ число дѣятелей по инородческому образованію. Вслѣдствіе такого положенія, по желанію многоуважаемаго Н. П. Остроумова и своему видѣть въ краѣ на службѣ такого полезнаго дѣятеля, какъ г. Воскресенскій, рекомендуемый мнѣ Николаемъ Петровичемъ, рѣшаюсь безпокоить Васъ усердною просьбою передать г. Воскресенскому,... что я прошу его поспѣшить высылкою мнѣ прошенія съ необходимыми документами. Пользуясь своимъ присутствіемъ въ Питерѣ, я похлопочу, чтобы, если нельзя освободить отъ обязательной службы г. Воскресенскаго, то перевели бы означенное его обязательство на Туркестанъ и разрѣшили ему поступить туда на службу... Н. П. Остроумовъ мнѣ пишетъ, что, кромѣ Воскресенскаго, есть еще и другіе, желающіе ѣхать къ намъ поработать на поприщѣ инородческаго образованія. Усерднѣйше прошу Васъ сдѣлать извѣстнымъ въ той средѣ,

о которой мнѣ пишетъ Николай Петровичъ, что я съ большою охотою приму просьбы лицъ, желающихъ идти за нами“ и проч.

Н. А. Воскресенскій вышелъ изъ академіи въ 1878 г. съ званіемъ дѣйствительнаго студента и былъ опредѣленъ на должность завѣдующаго русскимъ двуклассным училищемъ для русскихъ и туземцевъ въ Перовскѣ. Это былъ первый, послѣ Н. П. Остроумова, Казанскій академистъ въ Туркестанскомъ краѣ; своей кипучей дѣятельностью, доходившей до полнаго самозабвенія, до потери здоровья, онъ быстро поднялъ свое училище до степени лучшаго училища въ краѣ, сдѣлался прекраснымъ помощникомъ своего бывшаго наставника и вполнѣ оправдалъ его рекомендацію. Послѣ него поступилъ на службу въ Туркестанскій край его товарищъ по академическому курсу (1878 г.), кандидатъ академіи М. А. Миропіевъ, и получилъ въ свое завѣдованіе двухклассное Самаркандское училище. Оба они должны были потомъ перейти изъ этихъ училищъ на должности наставниковъ учительской семинаріи, открытіе которой ожидалось не позднѣе осени слѣдующаго года. Такимъ образомъ въ близкомъ времени требовались новые кандидаты для замѣщенія ихъ вакансій въ училищахъ и для другихъ городскихъ училищъ. Кромѣ того, предвидѣлись учительскія вакансіи въ самой семинаріи, на которыя наиболѣе желательными кандидатами, по крайней мѣрѣ для будущаго директора семинаріи и для Ильминскаго, принимавшаго въ устроеніи этой будущей семинаріи живѣйшее участіе, были тоже воспитанники миссіонерскаго противомусульманскаго отдѣленія Казанской академіи.

Николай Ивановичъ, хотя давно уже не преподавалъ въ академіи, хорошо зналъ лучшихъ изъ этихъ воспитанниковъ и давалъ объ нихъ свои рекомендаціи Куну не иначе, какъ послѣ надлежащихъ справокъ объ нихъ у начальства и профессоровъ академіи и личнаго знакомства съ ними. Все дѣло о переходѣ ихъ на службу въ Туркестанскій край велось, какъ онъ разсказываетъ

самъ въ одномъ письмѣ къ К. П. Побѣдоносцеву (Письма, стр. 90—91), чрезъ его посредство. Въ 1878 г. явилось между ними четыре кандидата изъ выпуска этого года, заявившихъ желаніе ѣхать въ Туркестанъ осенью по окончаніи своего курса. „Весной, разсказываетъ Н. И., самъ Кунъ въ моей квартирѣ цѣлый вечеръ бесѣдовалъ съ этими академистами: Миропіевымъ, Софійскимъ, Поздневымъ и еще Агрономовымъ. Послѣдняго впрочемъ не благословили такъ далеко ѣхать его родители. Онъ поступилъ на службу въ Рижскую дух. семинарію. Это свиданіе съ Куномъ устроилось такимъ образомъ: на разсвѣтѣ Троицина дня 4 іюня получаю я телеграмму изъ Нижняго отъ Куна; пишетъ, что вечеромъ этого числа заѣдетъ ко мнѣ съ парохода и желалъ бы лично познакомиться съ воспитанниками академіи, желающими поступить на ташкентскую службу. Я и пригласилъ этихъ студентовъ. Онъ пріѣхалъ еще засвѣтло. Первымъ долгомъ мы съ нимъ поздоровались и онъ благодарилъ меня за Николая Петровича (т. е. Остроумова); потомъ я представилъ ему вышеупомянутыхъ академистовъ, и онъ часовъ до 12 бесѣдовалъ съ ними и очень любезно распрощался“.

Въ концѣ октября Кунъ писалъ Ильминскому, чтобы онъ поторопилъ означенныхъ студентовъ подачей прошеній во избѣжаніе проволочекъ по перепискѣ объ нихъ между разными вѣдомствами. „Весьма желательно, чтобы эти молодые миссіонеры являлись (на мѣсто службы) въ край не позже 1 августа. Обыкновенно принято просить о подобныхъ лицахъ по окончаніи ими курса въ учебныхъ заведеніяхъ. При нашихъ же обстоятельствахъ надо сдѣлать исключеніе, и потому прошу передать этимъ молодымъ людямъ, чтобы они не смущались тѣмъ, что не знаютъ, какимъ званіемъ они окончатъ курсъ въ академіи. Для меня безразлично, получатъ ли они званіе дѣйствительнаго студента, или кандидата, магистра... Мои стремленія, съ открытіемъ въ Ташкентѣ учительской семинаріи, директоромъ коей предназначается Н. П. Остроумовъ, груп-

пировать вокругъ нея людей готовыхъ служить вѣрою, правдою и всею душею инородческому дѣлу въ краѣ. Конечно, въ этомъ дѣлѣ всегда и вездѣ нашъ *патріархъ* Вы, многоуважаемый Николай Ивановичъ. Вашимъ благословеніемъ созидается это дѣло на одной изъ далекихъ окраинъ Россіи".

Студенты, конечно, не согласились на совѣтъ Куна не дожидаться окончанія своего курса. Продолжая переписку объ нихъ, Н. И. Ильминскій старался устроить ихъ на будущей ихъ службѣ, какъ можно, выгоднѣе, хлопоталъ объ обезпеченіи ихъ возвышенными окладами жалованья, о сравненіи по правамъ съ учителями гимназіи и проч., и между прочимъ выразилъ мысль сгруппировать ихъ всѣхъ около ихъ бывшаго наставника Остроумова въ будущей учительской семинаріи. Въ отвѣтномъ письмѣ отъ 30 ноября 1878 г. Кунъ успокоивалъ его относительно всѣхъ его заботъ, кромѣ послѣдняго пункта. „Идеѣ Вашей я сочувствую, писалъ онъ, но въ тоже время осторожность заставляетъ ничего не обѣщать впередъ. Надо близко знать людей, чтобы назначать ихъ въ учительскую семинарію. Я Вашу мысль хорошо понимаю, но опытъ, наблюденія, которыя дѣлались мною до сихъ поръ, заставляютъ быть скептичнымъ. Въ одномъ учебномъ заведеніи можно предоставить свободу дѣйствія директору, въ другомъ надо остерегаться. Н. П. Остроумова я знаю весьма мало (!); все, что я знаю о немъ, это только Ваша рекомендація. Время покажетъ, насколько онъ оправдалъ Васъ и мое довѣріе... Вы сами понимаете мою отвѣтственность предъ министерствомъ за моихъ подчиненныхъ, а еще болѣе за духъ, направленіе ученія. Всѣ рекомендуемыя Вами лица могутъ всегда разсчитывать на одно, что трудъ и усердное отношеніе къ дѣлу никогда не оставлю безъ вниманія и поощренія. Пріѣдутъ они въ край, послужатъ, узнаютъ меня, а я ихъ, и тогда дѣло, можетъ быть, и уладится. Дать указываемое Вами обѣщаніе—это противно уставу семинаріи".

Явно недовольный тонъ этого отрывка, задѣвающій будущаго директора семинаріи, ясно даетъ понять, что въ отношеніяхъ между Н. П. Остроумовымъ и Куномъ къ описываемому времени происходило нѣчто неладное. Дѣло объясняется тѣмъ, что, много времени исправляя должность главнаго инспектора училищъ во время постоянныхъ отлучекъ Куна въ Петербургъ, Остроумовъ своей энергичной и честной дѣятельностью сталъ сильно затмевать своего несовсѣмъ добросовѣстнаго и ревниваго къ своей власти начальника, не стѣснялся задѣвать его креатуръ и уклонялся отъ участія и отвѣтственности въ нѣкоторыхъ не совсѣмъ красивыхъ его распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ. Факты этого рода довольно прозрачно сквозятъ въ самой книгѣ г. Остроумова о Кауфманѣ, какъ ни уклончиво онъ старается ихъ разсказывать (см. напр. стр. 47, 61, 62, 66...). Кунъ очевидно боялся его, боялся, какъ бы семинарія, наполнившись его учениками, не составила опасной противокуновской партіи. Духъ партійности и разнаго рода интриги были характерной чертой тогдашней ташкентской жизни, отразившейся даже въ тогдашней печати, въ разныхъ газетныхъ корреспонденціяхъ.

Н. И. Ильминскій не оставилъ инсинуацій Куна безъ вниманія и въ письмѣ къ нему отъ 18 марта рѣзко подчеркнулъ ихъ и просилъ разъясненія. Кунъ поспѣшилъ замять дѣло,—неудовольствіе Ильминскаго для него было невыгодно; за его имя онъ крѣпко держался предъ министерствомъ, какъ за надежный щитъ въ своей службѣ.

„Выводы Ваши, писалъ онъ изъ Петербурга отъ 25 марта, сдѣланные изъ моего письма по поводу рекомендованныхъ Вами лицъ, совершенно ошибочны,—Вы, кажется, не поняли меня. Я считалъ и считаю постоянно Васъ, многоуважаемый Николай Ивановичъ, руководителемъ, такъ сказать — апостоломъ, патріархомъ нашего общаго русскаго дѣла—образованія инородцевъ. Ваше слово для меня, какъ ученика, всегда

было и будетъ дорогимъ указаніемъ, а потому можете понять, какъ я огорченъ сдѣланнымъ Вами выводомъ, который и въ помыслахъ у меня не былъ. Душевно благодаренъ за то, что Вы „сочли лучше высказать прискорбіе, чѣмъ питать злобу“. По моему убѣжденію, другихъ отношеній между истинно уважающими другъ друга быть не можетъ. Таить недоразумѣнія значитъ портить дѣло. Отвѣчаю съ полною откровенностью и честностью на Ваши выводы. Рекомендуемыми и рекомендованными Вами въ Туркестанскій край дѣятелями я нисколько не былъ „недовольнымъ“ и никого изъ нихъ не считалъ и не считаю „неблагонадежными и недобросовѣстными“. Равнымъ образомъ не имѣлъ и не имѣю никакихъ претензій на Васъ за Н. П. Остроумова. Какъ въ 1878 году въ іюнѣ мѣсяцѣ, такъ и нынѣ повторяю Вамъ мою благодарность за этого дѣятеля... Писавши о Н. П. Остроумовѣ, какъ о будущемъ директорѣ нашей учительской семинаріи въ отвѣтъ на Ваше мнѣніе, высказанное въ Вашемъ письмѣ отъ 13 ноября 1878 г., о томъ, чтобы подъ начальствомъ г. Остроумова сосредоточить его учениковъ, я хотѣлъ полнѣе, доказательнѣе выставить Вамъ мою осторожность и единственную черту моего характера—трусливость и робость въ дѣлахъ, отвѣтственность за которыхъ начальство всегда взваливаетъ на меня, и при этомъ доказать, что я не соглашаюсь съ Вашимъ мнѣніемъ. Смѣю увѣрить Васъ, что, кромѣ этихъ цѣлей, я не думалъ и не хотѣлъ огорчать Васъ и умалить достоинства Н. П. Остроумова. Отдавая полную дань уваженія и глубокую благодарность за Вашъ совѣтъ, какъ составить штатъ преподавателей въ Ташкентской учительской семинаріи, на основаніи своихъ наблюденій и опыта, я рѣшился высказать Вамъ свой взглядъ, который на этотъ разъ оказался, что совершенно противорѣчитъ Вашему. Не отказываюсь,—можетъ быть въ моемъ письмѣ 30 ноября, возражая Вамъ по сему поводу, я, не подумавъ, неосторожно коснулся Н. П. Остроумова. Вѣрьте въ этомъ случаѣ моему слову:

увлекшись мыслію, что солидарность и единодушіе не всегда благотворны, я невольно, безъ всякаго умысла задѣлъ Н. П. Остроумова, къ которому мое расположеніе нисколько не измѣнилось противъ прежняго... Всему причиной излишняя моя болтливость и необдуманность... По отношенію къ Н. П. Остроумову я не имѣю никакого и права на Васъ сѣтовать, такъ какъ въ 1876 г. проѣздомъ черезъ Казань я самъ лично убѣждалъ и тянулъ его на службу къ намъ въ Среднюю Азію. Что я имъ дорожилъ и дорожу, тому могу представить множество доказательствъ. Не знаю, какъ онъ относится ко мнѣ, но я остаюсь неизмѣнно довѣряющимъ ему лицемъ. Не дальше, какъ двѣ недѣли тому назадъ, по моей просьбѣ, въ министерствѣ рѣшено было отдать ему въ приказахъ министерства благодарность за дѣятельность, какъ инспектора народныхъ училищъ, за представленный имъ отчетъ по осмотру училищъ Семирѣченской области; за симъ я уже давно рѣшилъ представить его въ этомъ году къ монаршей милости и, наконецъ, онъ будетъ назначенъ директоромъ семинаріи... Дорожа нашими отношеніями, любя и уважая Васъ душевно, прошу Васъ повѣрить искренности настоящихъ моихъ объясненій и не думать худо объ насъ. Похристосуемся же въ знакъ мира, согласія и дружбы, какъ бы ничего не было между нами. Христосъ воскресе!“

Рекомендованные студенты явились на службу въ 1879 г., когда открылась Ташкентская учительская семинарія. Воскресенскій и Миропіевъ заняли въ ней учительскія мѣста. И. М. Софійскій и П. А. Поздневъ поступили на ихъ мѣста: первый съ женою въ Перовскъ,— самъ сдѣлался завѣдующимъ мужскимъ училищемъ, а жена его женскимъ,— второй въ Самаркандъ. Этими лицами поступленіе на туркестанскую службу студентовъ Казанской академіи и ограничилось. У Н. И. Ильминскаго съ Куномъ была еще рѣчь о вызовѣ въ Ташкентъ священника о. Андрея Свѣтлакова (выпуска 1875 г.), уже служившаго въ нижего-

родской гимназіи законоучителемъ, — ему предназначалось законоучительство въ Ташкентской семинаріи. Но переходъ его изъ Нижняго не состоялся (а въ 1883 г. онъ постриженъ въ монашество съ именемъ Александра, затѣмъ занималъ разныя архіерейскія каѳедры). Замѣщеніе законоучительской вакансіи въ семинаріи, за неимѣніемъ кандидатовъ изъ лицъ священнаго сана, такъ и не состоялось, и преподаваніе закона Божія надолго осталось за лицемъ свѣтскимъ, Н. А. Воскресенскимъ.

Ташкентская семинарія получила организацію и направленіе, вполнѣ согласныя съ требованіями очерченной выше образовательной системы генерала Кауфмана. Въ первомъ актовомъ отчетѣ объ ея состояніи съ 1 августа 1879 г. по 1 августа 1881 г. (напечатанномъ въ Ташкентѣ 1881 года) сказано, что назначеніе ея состоитъ въ приготовленіи преподавателей для народныхъ училищъ края изъ мѣстныхъ жителей и путемъ образованія способствовать сближенію туземнаго населенія съ русскимъ и водворенію въ краѣ русской гражданственности. Въ число учащихся положено принимать какъ русскихъ, такъ и инородцевъ, притомъ послѣднихъ какъ крещеныхъ, такъ и некрещеныхъ. „Наша школа, какъ это было заявлено при самомъ открытіи ея (въ оффиціальной рѣчи главнаго инспектора,—см. въ книгѣ г. Остроумова, стр. 125—129. Сравн. Первый отчетъ о состояніи семинаріи 1879—1881 г., стр. 5), всегда будетъ стоять на почвѣ уваженія религіозныхъ вѣрованій своихъ воспитанниковъ изъ инородцевъ и въ своихъ стѣнахъ никогда не будетъ посягать на прозелитизмъ, дабы не вызвать со стороны мусульманской народной массы крайне нежелательнаго и гибельнаго для дѣла религіознаго фанатизма. Вліяніе нашей школы на религіозныя убѣжденія инородцевъ остается внѣ ея дѣйствій. Поэтому введеніе въ семинарію преподаванія мухаммеданскаго вѣроученія, которое враждебно относится къ христіанству и вообще ко всему немусульманскому, признано по

меньшей мѣрѣ лишнимъ бременемъ для нея. Наставлять воспитанниковъ-инородцевъ въ правилахъ исповѣдуемой ими вѣры предоставляется самимъ родителямъ". Въ правилахъ семинарскаго интерната соблюденіе обычныхъ религіозныхъ обязанностей объявлялось обязательнымъ только для православныхъ воспитанниковъ; что же касается до исполненія своихъ религіозныхъ обрядовъ иновѣрцами, то оно только „не возбранялось". Постоянное общеніе ихъ съ русскими воспитанниками, вся внѣшняя обстановка ихъ жизни въ интернатѣ безъ всякихъ мусульманскихъ особенностей, одинаковая съ русскими пища, униформа въ одеждѣ и проч.—все способствовало къ сближенію ихъ съ русскими, къ изученію русскаго языка, усвоенію русскихъ привычекъ, взглядовъ, интересовъ, къ ослабленію ихъ національной и религіозной исключительности, и всего лучше оправдывало надежды генерала Кауфмана, которыя онъ возлагалъ на совмѣстное обученіе въ школахъ инородческихъ учениковъ съ русскими.

Изъ инородцевъ Туркестанскаго края, на которыхъ должно было простираться просвѣтительное вліяніе семинаріи, особенное вниманіе, по мысли Кауфмана, обращено было на киргизовъ; вслѣдствіе этого въ кругъ ея учебныхъ предметовъ было введено преподаваніе киргизскаго языка, главнымъ образомъ, конечно, для русскихъ воспитанниковъ. „Первоначально, сказано въ отчетѣ, высшимъ правительствомъ предположено было ввести въ курсъ предметовъ семинаріи преподаваніе персидскаго и узбекскаго языковъ. Но Его Высокопревосходительство главный начальникъ края предложилъ педагогическому совѣту оной ввести въ курсъ обученіе не двумъ туземнымъ языкамъ, а одному только киргизскому, при чемъ поставлено задачею, чтобы изученіе киргизскаго языка было не столько теоретическое, сколько практическое. Вслѣдъ за этимъ Его Высокопревосходительство, основываясь на томъ фактѣ, что не успѣвшее еще вполнѣ офана-

тизироваться киргизское племя, по интеллектуальнымъ способностямъ имѣетъ болѣе задатковъ къ сближенію съ русскими и что киргизы отдаютъ своихъ дѣтей въ наши школы довольно охотно, возбудилъ ходатайство предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія объ утвержденіи означеннаго измѣненія. „Признавая необходимымъ, писалъ между прочимъ по этому поводу Его Высокопревосходительство, въ политическихъ интересахъ нашего господства въ Средней Азіи, вызвать кочевое населеніе къ самостоятельной жизни и къ возможному ассимилированію съ Россіей, я считаю безусловно нужнымъ содѣйствовать освобожденію киргизъ отъ мусульманскаго вліянія, къ чему не мало способствовало бы введеніе между ними русской письменности. Этихъ задачъ можно достигнуть только путемъ распространенія между киргизами русскаго народнаго образованія посредствомъ школъ, въ которыхъ обученіе киргизскихъ дѣтей русской грамотѣ должно вестись съ помощію ихъ роднаго языка". Это ходатайство главнаго начальника края 28 января 1881 года получило Высочайшее утвержденіе. Преподаваніе киргизскаго языка, въ виду выполненія указанной семинаріи задачи,—сближенія туземцевъ съ русскимъ государствомъ и русскимъ народомъ,—ведется при посредствѣ русской транскрипціи, въ основаніи которой лежитъ русскій алфавитъ безъ всякихъ измѣненій, дополненій и сокращеній. Киргизы, не имѣющіе своего собственнаго алфавита, до сего времени довольствуются измѣненнымъ арабскимъ или мусульмано-татарскимъ алфавитомъ, который служитъ хорошимъ проводникомъ мусульманской образованности, враждебной европейско-христіанской дивилизаціи. Интересы и выгоды Россіи требуютъ отъ насъ скорѣйшей помощи киргизамъ высвободиться изъ-подъ татарско-мусульманскаго вліянія. Русская же транскрипція, при помощи другихъ благопріятныхъ условій, приведетъ это полное духовныхъ силъ племя къ желанному сближенію съ Россіей".

Изъ другихъ особенностей въ образованіи ташкентской семинаріи, менѣе важныхъ для нашей задачи, можно упомянуть о развитіи въ ней эстетическаго образованія (музыки и пѣнія) и введеніи въ ея курсъ обученія разнымъ ремесламъ, въ которыхъ Туркестанскій край сильно нуждался, и садоводству.

Вопросу о введеніи въ преподаваніе киргизскаго языка русской транскрипціи генералъ-губернаторъ придавалъ особенное политическое значеніе и стремился провести его административнымъ путемъ, при чемъ, во избѣжаніе лишнихъ споровъ между учеными о той или другой системѣ этой транскрипціи, хотѣлъ исходатайствовать даже Высочайшее повелѣніе принять для нея русскую азбуку безъ всякихъ измѣненій и дополненій діакритическими и др. знаками во всѣхъ учебныхъ округахъ, гдѣ есть инородцы. Въ 1876 г. (отъ 1 марта) онъ обратился съ ходатайствомъ объ этомъ предметѣ къ министру народнаго просвѣщенія графу Д. А. Толстому. Съ мнѣніемъ его вполнѣ соглашался попечитель Оренбургскаго округа П. А. Лавровскій. Министерство потребовало еще мнѣній отъ восточнаго факультета Петербургскаго университета и отъ Н. И. Ильминскаго, и возникла любопытная переписка, главныя бумаги которой были изданы Ильминскимъ въ особой брошюрѣ: „Изъ переписки по вопросу о примѣненіи русскаго алфавита къ инородческимъ языкамъ" (Казань. 1883 г.).

Въ Ташкентѣ, кажется, не сомнѣвались, что Ильминскій будетъ вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ генерала Кауфмана. Отъ 20 марта 1876 г. Кунъ писалъ Николаю Ивановичу: „Вотъ вопросъ, въ которомъ требуется Ваша поддержка въ виду несовсѣмъ точнаго пониманія въ Петербургѣ вопроса объ инородческомъ образованіи. Генералъ Кауфманъ поднялъ вопросъ о томъ, чтобы была установлена одна форма транскрипціи для инородческихъ книгъ, и проситъ утвердить таковую Высочайшею властью. П. А. Лавровскій, которому посылалось наше ходатайство, отвѣтилъ вполнѣ сочувственно. Казалось бы можно рѣшить вопросъ въ пользу рус-

ской азбуки, но нашлись люди, которые говорятъ „спросить Казань“: а у Васъ, я знаю, есть дѣятели въ этой сферѣ съ нѣмецкими воззрѣніями антирусскими; нѣтъ сомнѣнія, что по этому вопросу спросятъ Васъ и нѣмцевъ. Для пользы, въ виду нашихъ отношеній, прошу Вашего отвѣта согласнаго письму Лавровскаго, конечно, если оно не противорѣчитъ Вашему убѣжденію. Задача поскорѣе рѣшить вопросъ, надъ которымъ такъ долго и безплодно думается“. Въ другомъ письмѣ отъ 5 мая, извѣщая о проѣздѣ К. П. Кауфмана черезъ Казань изъ Петербурга, онъ просилъ Ильминскаго воспользоваться свиданіемъ съ генераломъ, чтобы лично объясниться по вопросу о транскрипціи.

Изъ означенной брошюры Николая Ивановича видно, что на предложенную Кауфманомъ униформу транскрипціи, по большинству голосовъ, согласился и восточный факультетъ „не съ научной впрочемъ, какъ говорилось въ его представленіи на имя ректора университета, точки зрѣнія, а съ гораздо важнѣйшихъ точекъ, практической и политической“. Но самъ Н. И. Ильминскій не былъ согласенъ съ общимъ почти уже мнѣніемъ ни съ одной изъ указанныхъ точекъ зрѣнія. Въ трехъ обширныхъ запискахъ,—отъ 3 мая 1876 г. на имя попечителя Казанскаго округа, отъ 25 мая—на имя министра, и отъ 16 мая 1878 г.,—онъ обстоятельно разсмотрѣлъ означенный вопросъ и пришелъ къ отрицательному рѣшенію. Не говоря о научныхъ или собственно фонетическихъ доказательствахъ такого рѣшенія, представимъ вкратцѣ его мысли относительно лишь другихъ точекъ зрѣнія.

Алфавитамъ разныхъ народовъ Николай Ивановичъ приписывалъ происхожденіе и значеніе главнымъ образомъ религіозное, какъ памятникамъ и символамъ религіозныхъ отношеній. Народы западные (въ томъ числѣ и западные славяне) приняли отъ римской церкви алфавитъ латинскій, православные—греческій, магометанскіе—арабскій. Такое же значеніе имѣетъ русскій алфавитъ для крещеныхъ татаръ, отдѣляя ихъ рѣзкой

гранью отъ ихъ некрещеныхъ единоплеменниковъ. Въ настоящее время крещеные татары и другіе инородцы охотно принимаютъ русскій алфавитъ, именно благодаря связующему ихъ съ русскими православію, которое они называютъ русской вѣрой. „Если бы какимъ либо чудомъ всѣ подвластныя Россіи племена, исповѣдующія магометанство, вдругъ приняли православную вѣру, то и русскій алфавитъ вошелъ бы къ нимъ безъ всякаго затрудненія. Но пока они остаются въ магометанской вѣрѣ, до тѣхъ поръ русской азбукѣ будетъ крайне трудно бороться съ алфавитомъ арабскимъ. Если, въ виду тѣхъ или другихъ соображеній, необходимо ввести въ языки магометанскихъ племенъ русскую азбуку, то нужно найти какую нибудь опору для нея въ симпатіи магометанъ. За недостаткомъ религіознаго сочувствія можно опереться напримѣръ на идею звукового преимущества“ русскаго алфавита предъ арабскимъ, каковую еще довольно успѣшно можно провести между нѣкоторыми изъ киргизовъ, болѣе равнодушными къ магометанству и любящими свой языкъ, фонетически не поддающійся арабскому алфавиту. (Но для этой цѣли необходимо приспособить русскую азбуку къ киргизской фонетикѣ какъ можно болѣе, для того, чтобы яснѣе показать ея преимущества предъ арабско-татарскимъ алфавитомъ, т. е. допустить въ ней нужныя для того измѣненія и значки.) Подобныя приспособленія всегда допускались и при религіозныхъ заимствованіяхъ алфавита у однихъ народовъ другими. Лучшій примѣръ славянская азбука Кирилла и Меѳодія. Даже такія деспотическія и неуступчивыя религіи, какъ латинство и магометанство, допустили для языковъ своихъ исповѣдниковъ, если не прямыя измѣненія въ своихъ алфавитахъ (латинскомъ и арабскомъ), то по крайней мѣрѣ діакритическіе значки (у чеховъ, поляковъ, татаръ и др.). Переводы разныхъ свящ. книгъ на инородческіе языки у насъ во времена библейскаго общества печатались русскими буквами тоже съ необходимыми приспособленіями русской азбуки къ фонетикѣ этихъ языковъ.

Такъ какъ фонетика эта весьма разнообразна у разныхъ классовъ языковъ (татарскихъ, финскихъ), то и приспособленія эти должны быть различныя, какъ это и соблюдается въ изданіяхъ братства св. Гурія. Поэтому обязательное установленіе не только абсолютной неприкосновенности русской азбуки, но и однообразной системы примѣненія ея ко всѣмъ татарскимъ и финскимъ языкамъ, было бы крайне стѣснительно и неудобно для дѣла инородческаго образованія. Да оно не такъ и необходимо, какъ думаютъ. Все культурное и патріотическое значеніе русскаго алфавита заключается лишь въ общей системѣ и внѣшней формѣ его, столь отличныхъ отъ алфавита арабскаго, а какія нибудь частныя дополненія и измѣненія, въ родѣ діакритическихъ значковъ, не могутъ имѣть вреднаго вліянія. Съ другой стороны единство алфавита, даже самое точное, не приведетъ къ внутреннему единенію инородцевъ съ русскими безъ образованія ихъ въ русскомъ духѣ, и даже пока они не объединятся съ послѣдними въ вѣрѣ православной. Иновѣрные инородцы, имѣющіе свою религіозную письменность, какъ татары-магометане или ламайцы-буряты, и не примутъ русскаго алфавита ни цѣликомъ, ни съ какими угодно приспособленіями и прибавками. Даже среди неписьменныхъ инородцевъ, напримѣръ киргизовъ, введеніе русскаго алфавита должно вести осторожно и постепенно, опираясь на ихъ любовь къ ихъ родному языку. Въ непосредственной связи съ этой мѣрой должно быть обязательное употребленіе народнаго, а не татарскаго языка не только въ киргизскихъ школахъ, но и въ управленіи. Желательно, чтобы переводчиками и толмачами во всемъ киргизскомъ управленіи непремѣнно были природные киргизы или русскіе и въ оффиціальныхъ бумагахъ употреблялся бы обязательно народный киргизскій языкъ. Это могло бы сильно содѣйствовать упроченію киргизскаго языка и русскаго алфавита въ начальныхъ степныхъ школахъ.

Но пока шла эта переписка и препирательства о русскомъ алфавитѣ, практическое осуществленіе мысли Кауфмана о введеніи его въ школы подвигалось очень плохо. Учебныя книжки для инородцевъ съ русской транскрипціей оставались только въ проектѣ, и неоднократныя просьбы Н. И. Ильминскаго Куну познакомить его съ ташкентскими работами по этой части сопровождались со стороны Куна только одними обѣщаніями немедленно прислать ихъ, какъ скоро и проч. Въ отчетѣ о начальныхъ училищахъ Сыръ-Дарьинской и Семирѣченской областей за 1878 г. (Ж. Мин. Нар. Просв. 1879 г. іюль) встрѣчаемъ извѣстіе, что въ Чимкентскомъ двухклассномъ училищѣ при занятіяхъ съ учившимися тамъ инородцами (6 киргизовъ и 3 сарта) преподаватель пользовался русскимъ алфавитомъ безъ измѣненія его очертаній, и съ успѣхомъ. Пользовались имъ также учителя изъ казанскихъ академистовъ. Употреблялся онъ вѣроятно и въ учительской семинаріи. Директоръ семинаріи Н. П. Остроумовъ и преподаватель киргизскаго языка Я. Я. Лютшъ (кандидатъ петербургскаго университета) трудились надъ составленіемъ и печатаніемъ пособія при изученіи киргизскаго языка; напечатали киргизскую христоматію съ русской транскрипціей. Послѣ вышелъ еще киргизскій словарь воспитанника семинаріи Букина, изданный подъ редакціей Н. А. Воскресенскаго. Тѣмъ это дѣло и кончилось. А послѣ смерти Кауфмана взглядъ на инородческое образованіе совершенно измѣнился.

Учительская семинарія при Кауфманѣ и долго послѣ него все-таки стояла очень высоко и, благодаря казанскимъ академистамъ, была главнымъ оплотомъ и главной надеждой всего инородческаго образованія Туркестанскаго края. И генералъ Кауфманъ, и Н. И. Ильминскій возлагали на нихъ въ этомъ дѣлѣ всѣ свои надежды. Первоначально семинарія не имѣла особаго устава; къ ней примѣнено было на 4 года положеніе объ Иркутской учительской семинаріи 1872 г., которая на первыхъ порахъ своего существованія далеко

не удовлетворяла ревнителей инородческаго образованія въ русскомъ духѣ. Въ одномъ письмѣ К. П. Побѣдоносцеву (отъ 28 сентября 1884 г.) Ильминскій писалъ: „Я возлагалъ надежду на Иркутскую учительскую семинарію, что она приготовитъ для школъ инородцевъ образованныхъ учителей, единоплеменныхъ съ ними, которые могутъ заниматься и составленіемъ инородческихъ книгъ.. Но ошибся въ надеждахъ... Я смотрѣлъ, чѣмъ она должна быть, а она усвоила самый несимпатичный типъ учительскихъ семинарій. Жаль, что для завѣдыванія ею назначались люди незнакомые съ инородческимъ и миссіонерскимъ дѣломъ... Скажу при этомъ общее замѣчаніе: по моему мнѣнію студенты восточныхъ языковъ Петербургскаго университета и Лазаревскаго института непригодны для нашихъ азіатскихъ окраинъ, потому что они изучаютъ литературу, исторію и этнографію азіатскихъ народовъ объективно и переносятъ на нихъ свое сочувствіе. Для нихъ мечеть и дацанъ—святилища, муфтій и хамболама—дѣйствительные архіереи, а крещеные инородцы на ихъ взглядъ аномалія. Народное образованіе на окраинахъ русской державы есть своего рода миссіонерство, и воспитанники миссіонерскаго отдѣленія академіи лучше понимаютъ задачи инородческаго образованія, напримѣръ въ Средней Азіи“ (стр. 117). Ту же мысль высказываетъ онъ и въ другомъ письмѣ тому же лицу: „Я долженъ присовокупить, что при выборѣ лицъ для завѣдованія и веденія учебнаго дѣла въ Туркестанскомъ краѣ отнюдь не должно прельщаться студентами факультета восточныхъ языковъ и особенно Лазаревскаго института, не потому, что они плохо знаютъ языки, а потому главное, что они не имѣютъ патріотическо-миссіонерскаго направленія, которое между тѣмъ существенно необходимо въ томъ краѣ и которое можетъ воспитываться въ миссіонерскомъ отдѣленіи Казанской академіи“ (стр. 77).

Своимъ патріотизмомъ и чисто русскимъ направленіемъ казанскіе академисты, по мнѣнію Н. И. Ильминскаго, спасли Ташкентскую семинарію отъ нежелательнаго, но сильно распространеннаго среди нашей интеллигенціи космополитическаго направленія, которое лишаетъ насъ всякаго умѣнья „владѣть культурными орудіями, сливающими народности, какими такъ успѣшно дѣйствуютъ народы западные“. Дѣятелей этихъ было немного,—всего трое, потомъ въ 1883 г. къ нимъ присоединился еще не надолго И. М. Софійскій, теперешній (съ 1897 г.) директоръ семинаріи. Но они занимали въ семинаріи самыя вліятельныя должности,—Н. П. Остроумовъ директорскую, Н. А. Воскресенскій—законоучительскую, М. А. Миропіевъ—должность учителя исторіи и географіи (съ 1890 г. до 1896 г. состоялъ директоромъ семинаріи), И. М. Софійскій преподавалъ мѣстныя нарѣчія и былъ секретаремъ семинаріи; кромѣ того, всѣ они были самыми дѣятельными членами разныхъ коммиссій и комитетовъ по всѣмъ вопросамъ объ учебномъ и воспитательномъ устройствѣ инородческаго образованія въ краѣ вообще и особенно въ своей семинаріи, такъ что поистинѣ возрастили и взлелѣяли свое, столь важное для края, заведеніе. „Патріархъ“ инородческаго дѣла Н. И. Ильминскій былъ съ ними въ постоянныхъ сношеніяхъ, главнымъ образомъ чрезъ Н. П. Остроумова [1]), съ которымъ шла у него дѣятельная переписка, и нерѣдко, можно сказать, восторженно отзывался объ нихъ въ своихъ письмахъ къ высокопоставленнымъ лицамъ, какъ о рѣдкихъ самоотверженныхъ труженикахъ инородческаго образованія, которые, по зову своего учителя Остроумова, „пошли въ Среднюю Азію первоначально на должности учителей начальныхъ училищъ съ ограниченными окладами, имѣя по своимъ ученымъ званіямъ кандидатовъ и магистрантовъ всѣ права на лучшія мѣста“ (см. Письма къ К. П. Побѣдоносцеву, стр. 48, 90).

[1]) Нѣсколько писемъ его къ Н. П. Остроумову см. въ приложеніяхъ.

Вотъ одно письмо его (найденное въ его бумагахъ) отъ 9 августа 1880 г. къ неименованному архіерею въ Москву, вѣроятно преосвященному Амвросію, тогда викарію епископу Дмитровскому, отличающееся особенно симпатичнымъ отношеніемъ къ ташкентскимъ труженикамъ.

„Владыко святый! Предъ Вами Николай Андреевичъ Воскресенскій [1]), воспитанникъ Казанской дух. академіи, потомъ завѣдовавшій городскимъ училищемъ въ Перовскѣ, а теперь преподаватель закона Божія православнаго въ Ташкентской учительской семинаріи, сперва ученикъ, а теперь сотрудникъ Н. П. Остроумова. Вы его благословите, а въ его лицѣ и всѣхъ казанцевъ, усердно трудящихся въ Средней Азіи. Ихъ тамъ пятеро [2]) мужчинъ, да три жены. Такъ какъ Ташкентская учительская семинарія имѣетъ цѣлію соединить русскихъ съ туземцами, тѣхъ и другихъ просвѣтить по возможности христіанствомъ или по крайности приблизить къ духу его, то эта семинарія и ея казанскіе труженики, которые именно такъ понимаютъ ея задачу, нуждаются въ полномъ и душевномъ сочувствіи со стороны русскихъ и особенно сердца Россіи — Москвы. Пожертвованіе Москвою богослужебныхъ книгъ и принадлежностей для служенія въ семинарской залѣ напримѣръ всенощной или часовъ (каковы Евангеліе въ приличномъ окладѣ, крестъ, необходимѣйшее священническое облаченіе) было бы навсегда видимымъ и памятнымъ знакомъ участія Москвы. — Еще просьба. Наши казанцы своими религіозно-миссіонерскими и патріотическими стремленіями и даже своей казанской особностью среди ташкентскаго сброда подчасъ не мало теряютъ и хандрятъ. Словомъ участія и христіанскаго наставленія Вы, въ лицѣ Николая Андреевича-то,

[1]) Въ этомъ году онъ бралъ отпускъ въ Россію, былъ въ Казани и въ Москвѣ.

[2]) Остроумовъ, Воскресенскій, Миропіевъ, Софійскій и Поздневъ; первый и два послѣднихъ были съ женами.

внушите имъ, т. е. нашимъ казанцамъ, въ Средней Азіи подвизающимся, вѣру въ ихъ святое дѣло. Николай Андреевичъ человѣкъ душевнѣйшій, живой, патріотичный, и вмѣстѣ къ киргизскому и всякому туземному юношеству симпатичный и о просвѣщеніи онаго презаботливый, не щадя ни денегъ, ни времени, ни покоя своего. Я старался намѣтить стороны, къ которымъ Вы, по моему мнѣнію, приложили бы цѣлебность своего слова, а Ваша любовь и сила неоскудѣвающая не нуждается въ возбужденіи просьбами и мольбами. Благословите и насъ недостойныхъ. Пятый часъ утра. Отъ ночи утренюющіе. Человѣколюбче, просвѣти, молюся, и настави и мене на повелѣнія Твоя и научи мя. Спасе, творити волю Твою. Сижу у окошка лицемъ на востокъ и вижу занимающуюся зарю. Вотъ скоро взойдетъ и дневное свѣтило, которое Отецъ небесный сіяетъ на злыя и благія. Да возсіяетъ и намъ грѣшнымъ свѣтъ Твой присносущный! — Назадъ тому 8 лѣтъ въ эти часы августа я былъ уже въ Москвѣ. Незабвенное время. Говорятъ, воспоминанія о прошломъ характеризуютъ старость: Но развѣ молодости такъ уже несвойственно освѣжаться добрыми воспоминаніями? — Вотъ и солнце взошло. Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ! Яко Ты еси Богъ нашъ, яко у Тебе источникъ живота. Во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ. Пробави милость Твою вѣдущимъ Тя. Аминь“.

Мы нарочно привели здѣсь это сердечное письмо, потому что изъ него всего лучше видно, съ какою любовію „патріархъ“ инородческаго просвѣщенія смотрѣлъ на дѣятельность своихъ духовныхъ чадъ и внуковъ въ странѣ далекой и какія вліянія могли идти изъ Казани въ Ташкентъ при постоянныхъ сношеніяхъ ихъ между собою. Ташкентскіе казанцы съ своей стороны относились къ Николаю Ивановичу съ полнымъ сыновнимъ довѣріемъ и почтеніемъ, отдавали ему отчеты въ своей дѣятельности, какъ своему „попечителю“, разсказывали о своихъ успѣхахъ и горестяхъ, выражали свою вѣрность его просвѣтительнымъ завѣтамъ и проч. Нѣко-

торыя ихъ письма, которыя намъ случалось видѣть, такъ и начинаются: „Возлюбленнѣйшій нашъ отецъ (даже „папаша“) и покровитель“ или „попечитель“.

4 мая 1882 года К. П. Кауфманъ скончался къ сожалѣнію всѣхъ лучшихъ и патріотичнѣйшихъ людей края, находившихъ въ немъ крѣпкую опору среди всѣхъ своекорыстныхъ интригъ „ташкентскаго, по выраженію Ильминскаго, сброда“. Въ прочувствованной рѣчи надъ его гробомъ Н. П. Остроумовъ, отъ лица всего мѣстнаго учебнаго вѣдомства, высказалъ ему глубокую благодарность за всѣ высокія заслуги его учебному дѣлу, выразившіяся въ открытіи, вмѣсто бывшихъ прежде только 14 низшихъ училищъ, 60 такихъ же новыхъ и 5 среднихъ учебныхъ заведеній, нѣсколькихъ пансіоновъ при гимназіяхъ, ученическихъ квартиръ при школахъ и дѣтскихъ пріютовъ и въ постановкѣ этихъ заведеній на чисто русскихъ, патріотическихъ началахъ. „Покойный, говорилъ онъ, оставилъ преемникамъ еще широкое поле дѣятельности по народному образованію въ краѣ; но поле это расчищено, главныя борозды проведены и первые шаги сдѣланы; а это весьма много значитъ въ такомъ серьезномъ, спеціальномъ и трудномъ дѣлѣ“ (см. въ его книгѣ стр. 193 — 195).

Нельзя, къ сожалѣнію, сказать, чтобы его преемники оказались вѣрны данному имъ направленію русскаго образованія въ краѣ. Такой послѣдовательной системы въ административной жизни, чтобы одинъ дѣятель непремѣнно продолжалъ начинанія другого, своего предшественника, и всѣ, одинъ за другимъ, неуклонно шли къ разъ намѣченной цѣли и по разъ принятому пути, въ нашей исторіи, какъ извѣстно, не замѣчается. Скорѣе замѣчается явленіе обратное, — каждый новый дѣятель непремѣнно стремится дѣлать дѣло по своему, по новому, относясь къ своимъ предшественникамъ даже отрицательно. Ближайшіе преемники Кауфмана, генералы Колпаковскій и Абрамовъ, были только исправлявшими должность генералъ-губернатора и ничего не

вводили новаго. Въ книгѣ г. Остроумова находимъ объ нихъ добрые отзывы (стр. 62 примѣч. и 21). При генералъ-губернаторѣ М. Г. Черняевѣ сразу повѣяло въ краѣ новымъ духомъ. Герой Ташкента,—соперникъ умершаго героя Самарканда, Бухары и Коканда, который державъ русское имя въ новозавоеванномъ краѣ честно и грозно, котораго азіаты, преклонявшіеся предъ его величавой личностью, прозвали „Ярымъ-падша“ (полуцарь),—обраковалъ политику своего предшественника и повелъ съ туземцами другую политику ласковыхъ отношеній и уступокъ. Муллы при немъ подняли головы и усилили свое вліяніе. Русскіе патріоты стали опасаться, какъ бы русскій законъ совсѣмъ не былъ замѣненъ для туземцевъ ихъ шаріатомъ. Сарты, народъ смышленый и плутоватый, живо поняли, въ чемъ дѣло, ободрились и устремились извлекать изъ слабости гуманнаго генерала все, что было возможно для ихъ выгодъ. Русскими они видимо стали пренебрегать. Нѣкоторые служаки Кауфманскаго времени стали даже выѣзжать изъ края, а оставшіеся съ грустью вспоминали о покойникѣ. Въ 1898 году, послѣ извѣстнаго Андижанскаго возстанія туземцевъ, даже ташкентскіе татары сознавались, что русское начальство „въ послѣдніе годы плохо держало сартовъ. При генералѣ де Кауфманѣ этого не было: онъ умѣлъ поддерживать порядокъ въ краѣ, а послѣ него сартовъ распустили. Послѣ генерала Кауфмана подобнаго ему не было въ Туркестанѣ“ (въ книгѣ г. Остроумова стр. 213).

Въ учебномъ вѣдомствѣ тоже начались перемѣны. Главный инспекторъ Кунъ въ 1882 году былъ удаленъ изъ края вслѣдствіе сильныхъ жалобъ на него со стороны подчиненныхъ [1]). На мѣсто его пріѣхалъ А. И. Забѣлинъ, по образованію медикъ, человѣкъ уже пожилой, служившій въ нѣсколькихъ должностяхъ въ западномъ краѣ и въ Петербургѣ, по формальной части учеб-

[1]) Онъ служилъ потомъ въ Виленскомъ округѣ помощникомъ попечителя. Въ 1888 г. померъ.

ной администраціи служака довольно опытный, но уже отсталой, а въ вопросахъ по инородческому образованію вовсе не свѣдущій, что впрочемъ нисколько не помѣшало ему приступить къ исправленію своей новой должности, какъ и слѣдовало новому начальнику, съ своими собственными взглядами и съ наклонностію къ реформамъ. Небольшая кучка казанцевъ сразу подверглась его неблаговоленію, отчасти вѣроятно по наговорамъ въ Петербургѣ со стороны Куна, который считалъ ихъ главными виновниками своего паденія, отчасти же вслѣдствіе разныхъ доносовъ на нихъ со стороны Куновской партіи въ Ташкентѣ. Доносы эти имѣли большую силу и въ министерствѣ, и въ св. Синодѣ. Изъ писемъ Н. И. Ильминскаго (не вошедшихъ въ печатное ихъ изданіе) къ К. П. Побѣдоносцеву мы знаемъ, что и Забѣлинъ, и генералъ Черняевъ, при отъѣздѣ въ Ташкентъ, были нарочито предупреждены относительно Остроумова и его семинаріи, а потому отнеслись къ нимъ очень подозрительно и строго.

„Такъ какъ Вы, говорится въ одномъ изъ этихъ писемъ (отъ 10 декабря 1883 г.), предупредили Забѣлина противъ Остроумова, то естественно г. Забѣлинъ не особенно любезнымъ показался на первыхъ порахъ Остроумову; по неволѣ заскучаешь, когда ничего не видя начинаютъ къ тебѣ придираться, выражать недовѣріе, дѣлать внезапные и разновременные набѣги на семинарію. Впрочемъ на мѣстѣ Забѣлина другой болѣе услужливый господинъ сразу бы уволилъ Остроумова по 3 пункту, а г. Забѣлинъ подвергнулъ Остроумова огненному испытанію и постарался узнать истину". Въ письмѣ этомъ разбирается одна записка съ обвиненіями противъ Остроумова, присланная Николаю Ивановичу К. П. Побѣдоносцевымъ на просмотръ: она, по выраженію Ильминскаго, служила „яснымъ доказательствомъ, до какой степени распалены страсти въ Туркестанскомъ краѣ: двѣ партіи такъ враждебно стоятъ одна противъ другой, что изыскиваютъ всякій случай и всякую мелочь, чтобы придраться и сдѣлать изъ мухи

слона". Огненное испытаніе Остроумова съ его семинаріей было пріостановлено со стороны Забѣлина, главнымъ образомъ впрочемъ не потому, чтобы Забѣлинъ „узналъ истину", а вѣроятнѣе потому, что къ испытуемому скоро расположился самъ генералъ Черняевъ, тоже сдѣлавшій однажды внезапное нашествіе на семинарію; онъ нашелъ ее въ образцовомъ порядкѣ и возымѣлъ полное довѣріе къ ея директору.

Въ другомъ письмѣ, подобномъ сейчасъ поцитованному, отъ 29 ноября 1883 года, говорится, что генералъ Черняевъ былъ тоже предупрежденъ въ Петербургѣ относительно Остроумова и потому сначала держался въ отношеніи къ нему очень подозрительно, но „въ концѣ концовъ остался имъ очень доволенъ. А что генералъ возымѣлъ къ нему довѣріе, это доказывается тѣмъ, что возложилъ на него редакцію Туркестанской газеты на сартскомъ нарѣчіи, которую прежде издавалъ какой-то татаринъ [1]). Въ текущемъ 1883 году Остроумовъ началъ издавать ее со второго № и, согласно мысли новаго генералъ-губернатора, старался сдѣлать эту газету не только органомъ распоряженій правительства и мѣстнаго начальства, но и орудіемъ ознакомленія туземцевъ съ научными понятіями и открытіями и важнѣйшими событіями въ Россіи. Такъ, онъ въ этой газетѣ, обращенной имъ изъ двухнедѣльной въ еженедѣльную, писалъ о преосвящ. митрополитѣ Филаретѣ, о Жуковскомъ, Тургеневѣ, особенно о священномъ коронованіи Ихъ Величествъ и московскихъ по сему случаю торжествахъ и проч. и проч., и все это излагается у него тономъ уважительнымъ и симпатичнымъ. Остроумовъ высылаетъ мнѣ эту газету. Онъ писалъ мнѣ, что боялся принять на себя эту обязанность, не надѣясь исполнить ее, какъ слѣдуетъ, но частію настоятельная воля главнаго начальника края, частію надежда, что онъ можетъ повести это дѣло во

[1]) См. объ ней въ книгѣ г. Остроумова: Сарты, вып. I, стр. 164 и далѣе.

всякомъ случаѣ не хуже, а главное—для русскихъ интересовъ сочувственнѣе любого татарина,—склонили его принять на себя редакцію Туркестанской газеты. Слѣдя за нею изъ № въ №, я нахожу, что она и по содержанію своему постепенно дѣлается богаче, и по изложенію на сартовскомъ языкѣ складнѣе. Изъ этого я убѣждаюсь, что Остроумовъ на свою редакторскую обязанность смотритъ серьезно и исполняетъ ее честно и добросовѣстно, конечно потому собственно, что видитъ въ газетѣ, хоть какое нибудь, средство провести въ среду туземнаго населенія русскіе интересы". Къ письму для образчика приложенъ и № самой газеты. Почтенный Николай Петровичъ трудится надъ изданіемъ этой газеты и доселѣ.

Другимъ знакомъ благоволенія генерала Черняева было представленіе г. Остроумова къ наградѣ орденомъ Владиміра 4 степени, въ которой ему уже два раза отказывали прежде. Представленіе генерала (отъ 10 февраля 1883 года) написано было очень энергично: „Познакомившись съ ввѣренною этому директору учительскою семинаріею, писалъ Черняевъ, какъ я лично, такъ и главный инспекторъ училищъ убѣдились, что онъ долженъ считаться не только въ Туркестанскомъ краѣ, но и между многими директорами учебныхъ заведеній Европейской Россіи образцовымъ директоромъ по своей любви къ учебно-воспитательному дѣлу, по своему трудолюбію и по своимъ познаніямъ и способностямъ. Учительскую семинарію г. Остроумовъ поставилъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи превосходно, въ учебномъ вполнѣ удовлетворительно и въ хозяйственномъ отношеніи образцовымъ образомъ. Нужно лично ее видѣть, чтобы убѣдиться, что это не излишняя похвала, а дѣйствительная истина. Г. Остроумовъ имѣетъ за собой очень большія заслуги на пользу образованія ввѣреннаго мнѣ края. Перечислять всѣ его достоинства и заслуги я опасаюсь, чтобы не утомить Ваше Высокопревосходительство", т. е. министра. Далѣе упомянуто и о прежнихъ представленіяхъ.

Семинарія понравилась главному начальнику края; главный инспекторъ школъ тоже ничего не могъ найти въ ней худого; тѣмъ не менѣе судьба ея въ 1883 году висѣла, что называется, на волоскѣ. Сначала, по требованію главнаго инспектора, стали сокращать ея курсъ, который инспекторъ Кунъ стремился въ свое время сравнять съ курсомъ учительскихъ институтовъ. Потомъ думали обратить ее въ реальное училище, въ которомъ чувствовалась въ Ташкентѣ не малая нужда. Затѣмъ это любимое дѣтище Кауфмана, объ которомъ онъ такъ заботился и которое имѣло такое важное значеніе въ его образовательной системѣ, задумали преобразовать въ четырехклассное училище для русскихъ и туземцевъ съ приготовительнымъ классомъ для послѣднихъ. Въ тоже время изъ Петербурга шли тревожныя вѣсти, что тамъ учреждена особая коммиссія по вопросу объ устройствѣ администраціи Туркестанскаго края и что учебную часть предполагается изъять изъ вѣдѣнія генералъ-губернатора и подчинить особому попечителю или главному инспектору, тогда какъ все мѣстное учебное вѣдомство и съ матеріальной и служебной точки зрѣнія только и уповало на своихъ образованныхъ и благожелательныхъ генералъ-губернаторовъ, изъ которыхъ покойный Кауфманъ, какъ замѣтилъ Ильминскій въ одномъ письмѣ къ К. П. Побѣдоносцеву (стр. 62), былъ несравненно выше Куна, а Черняевъ—Забѣлина. „Въ виду поставленной дилеммы, писалъ онъ въ другомъ письмѣ (стр. 76),—оставить ли учебную часть подъ контролемъ генералъ-губернатора, или отдѣлить ее отъ мѣстной власти, подчинивъ непосредственно министерству, во всякомъ случаѣ лицо, стоящее ближайшимъ заправителемъ учебнаго дѣла въ краѣ, должно быть, сколь возможно, компетентно и благонадежно. Но таковымъ г. Забѣлинъ, повидимому, не представляется; такихъ качествъ не имѣетъ и Кунъ, хотя онъ и долго пробылъ въ краѣ и владѣетъ татарскимъ языкомъ". Реформа эта не состоялась и семинарія въ Ташкентѣ уцѣлѣла до сего дне.

Положеніе казанскихъ дѣятелей было такъ тревожно, что нѣкоторые изъ нихъ поспѣшили выѣхать въ Россію. Раньше всѣхъ уѣхалъ Поздневъ на службу по духовно-учебному вѣдомству въ Оренбургъ. За нимъ въ 1884 г. уѣхали супруги Софійскіе; И. М. Софійскій получилъ должность инспектора народныхъ училищъ Уральско-Орскаго района, потомъ служилъ инспекторомъ же въ Вятской губерніи, директоромъ учительской семинаріи въ Иркутскѣ, въ настоящее время состоитъ директоромъ ташкентской семинаріи. Въ октябрѣ 1883 года семинарія лишилась самого Н. П. Остроумова, — по представленію Забѣлина, онъ былъ переведенъ на должность директора классической гимназіи въ Ташкентѣ. Съ большимъ сожалѣніемъ разстался онъ съ заведеніемъ, въ которое вложилъ всю свою душу. По описанію одного изъ ташкентскихъ корреспондентовъ Н. И. Ильминскаго, прощаніе было самое задушевное и трогательное. Бывшій директоръ семинаріи высказывалъ еще надежду со временемъ снова вернуться въ семинарію къ своему любимому дѣлу, но его сослуживцы и ученики чувствовали, что прощаются съ нимъ навсегда. Симпатичнѣйшій и наиболѣе къ нему приверженный, Н. А. Воскресенскій въ своей прощальной рѣчи, среди общихъ рыданій, прочиталъ ему изъ Дѣяній Апостольскихъ слова ап. Павла къ ефесскимъ пресвитерамъ (гл. 20, 18–27). Въ семинаріи остались только двое казанцевъ — Воскресенскій и Миропіевъ. Но и ихъ положеніе было весьма неопредѣленное, особенно перваго. Противъ него было то обстоятельство, что онъ преподавалъ въ семинаріи законъ Божій, такой предметъ, который долженъ былъ бы преподаваться лицомъ духовнаго сана,—въ этомъ смыслѣ не разъ высказывался мѣстный епископъ Александръ. Свѣтскій законоучитель оставался на своемъ мѣстѣ только потому, что такого духовнаго лица въ Ташкентѣ тогда не оказывалось. Послѣ, когда подходящій кандидатъ на его мѣсто явился, онъ уступилъ свою должность и перешелъ на классъ русскаго языка,—временно преподавалъ еще исторію. Въ 1898 г. этотъ добрый дѣятель на ташкентской нивѣ подвергся непоправимому несчастію,—лишился зрѣнія и долженъ былъ оставить свою службу къ общему сожалѣнію и учениковъ и сослуживцевъ.

На мѣсто г. Остроумова въ 1884 г. вызванъ былъ изъ западнаго края директоръ полоцкой учительской семинаріи Ю. Ѳ. Крачковскій, литвинъ, воспитанникъ Петербургской академіи, человѣкъ серьезный и дѣловитый, но чуждый мѣстнымъ интересамъ туркестанскаго образованія. Въ одномъ не изданномъ письмѣ къ К. П. Побѣдоносцеву (отъ 25 апрѣля 1884 г.) Н. И. Ильминскій выразилъ удивленіе, зачѣмъ этотъ полезный для своего западнаго края дѣятель пошелъ на службу въ Среднюю Азію, и притомъ въ такое время, когда на его родинѣ шла жаркая борьба между литовцами и поляками и сталъ ребромъ горячій вопросъ объ алфавитѣ, и какіе могли быть у него интересы въ магометанствѣ. Онъ впрочемъ служилъ въ Ташкентѣ недолго: весной 1888 года онъ снова уѣхалъ въ западный край на должность предсѣдателя виленскихъ коммиссій для изданія древнихъ актовъ. На мѣсто его въ семинарію опредѣленъ М. А. Миропіевъ, служившій доселѣ съ 1886 г., по выходѣ изъ семинаріи, инспекторомъ училищъ Сыръ-Дарьинской области. (Нынѣ съ 1896 г. онъ директоръ Эриванской учительской семинаріи).

Н. П. Остроумова долго не оставляли въ покоѣ и на гимназической службѣ. Отношенія между нимъ и главнымъ инспекторомъ все обострялись и получали личный характеръ. Ему приписывалось въ вину все, что потомъ оказывалось въ семинаріи неудовлетворительнымъ. Дурно отзывались и о казанскихъ учителяхъ, которыхъ будто бы онъ вызвалъ къ себѣ съ той цѣлью, чтобы составить около себя партію. Поднялись доносчики, пытавшіеся очернить его передъ петербургскими властями, обвиняя его чуть не въ нигилизмѣ. Все это до того его разстроивало, что онъ готовъ былъ совсѣмъ бросить свою туркестанскую службу и воротиться въ

Казань, въ академію, въ казанскую учительскую семинарію, и просилъ Н. И. Ильминскаго поддержать его, и болѣе всего поддержать самое дѣло инородческое.

Николай Ивановичъ былъ хорошо освѣдомленъ о всѣхъ подробностяхъ ташкентскихъ исторій и о всѣхъ дѣйствующихъ лицахъ тамошней разладицы. Н. П. Остроумовъ велъ съ нимъ въ это время особенно оживленную переписку; кромѣ того, въ Казань часто пріѣзжали изъ Ташкента разныя лица и учебнаго и другихъ вѣдомствъ, которыя могли поразсказать о ташкентскихъ дрязгахъ еще болѣе, чѣмъ самыя пространныя письма,— всѣ они считали долгомъ посѣтить почтеннаго Николая Ивановича и повѣдать ему свои и чужія горести и затрудненія. Въ одномъ письмѣ къ К. П. Побѣдоносцеву (стр. 387) онъ самъ шутливо замѣтилъ: „за Кабаномъ (озеромъ въ Казани, за которымъ стоитъ учительская семинарія) какъ бы центръ земли: сюда сходятся извѣстія изъ разныхъ губерній,—вездѣ есть добрые знакомые, удостоивающіе меня своимъ благосклоннымъ вниманіемъ и дѣлящіеся со мною своими иногда потребностями". Онъ крѣпко заступился за своего любимаго ученика въ нѣсколькихъ письмахъ къ министру народнаго просвѣщенія И. Д. Делянову и К. П. Побѣдоносцеву, считая это, какъ онъ выразился, долгомъ своей совѣсти и присяги. Въ изданныхъ доселѣ письмахъ къ послѣднему находимъ нѣсколько выразительныхъ мѣстъ, относящихся къ ташкентскимъ событіямъ и лицамъ, хотя нѣкоторыхъ подробностей, неудобныхъ еще въ настоящее время для печати, редакція и не могла помѣстить въ своемъ изданіи.

„Зная Остроумова около 17 лѣтъ, писалъ онъ отъ 11 ноября 1883 г., когда Остроумовъ въ первый разъ выразилъ было рѣшительное намѣреніе уйти изъ Ташкента, я положительно завѣряю, что онъ человѣкъ честный, искренній, дѣятельный и трудолюбивый, чистокровный православно-русскій человѣкъ. Я такъ твердо его знаю и такъ цѣню его достоинства, что его всегда мечталъ и теперь желаю имѣть своимъ преемникомъ въ Казанской учительской семинаріи, какъ онъ былъ моимъ преемникомъ въ миссіонерскомъ отдѣленіи. Въ прошлыхъ годахъ я неразъ высказывалъ такое желаніе бывшему попечителю нашему П. Д. Шестакову, который одобрялъ мой выборъ, лично зная Остроумова. Настоящія обстоятельства, — преобразованіе Ташкентской семинаріи и переводъ Остроумова въ гимназію я понимаю, какъ указаніе Промысла Божія... Если я нравственно обязанъ заботиться объ упроченіи Казанской учительской семинаріи на многіе годы и навсегда, то самый возрастъ мой уже долженъ внушать мысль о пріисканіи замѣстителя. И вотъ совершенно неожиданно Господь указываетъ мнѣ лицо вполнѣ благопотребное и благонадежное—Остроумова... Для Ташкентской гимназіи найдется много хорошихъ директоровъ. Въ случаѣ преобразованія тамошней учительской семинаріи въ 4 или 5—классное русско-инородческое училище, въ главѣ его можетъ быть поставленъ Миропіевъ или Софійскій, питомцы Казанской академіи, бывшіе здѣсь учениками Остроумова, а въ Ташкентѣ съ нимъ служившіе, которые слѣдовательно и будутъ продолжать его миссію". Въ постскриптумѣ къ другому письму отъ 29 ноября онъ опять писалъ: „Трудно мнѣ будетъ разстаться съ давнишней мечтой, что меня замѣнитъ въ Казанской учительской семинаріи именно Н. П. Остроумовъ".

Но выполненіе этой мечты было, конечно, не мыслимо при жизни такого авторитетнаго и нужнаго человѣка, какъ Ильминскій, и самъ Н. П. Остроумовъ, благоговѣвшій предъ своимъ бывшимъ профессоромъ, первый же отказался бы отъ такого замѣстительства. Въ слѣдующихъ письмахъ Н. И. Ильминскій старался только очистить его отъ клеветническихъ нареканій и выяснить его заслуги. Онъ указывалъ на литературные труды г. Остроумова, въ которыхъ послѣдній выступалъ въ свѣтъ какъ сильный борецъ противъ магометанства и его пропаганды, особенно противъ сочиненій передовыхъ мусульманъ новаго европейскаго образова-

нія, редактора татарской газеты „Переводчикъ“ Гаспринскаго, мурзы Алима и Девлетъ—Кильдѣева, которые раціоналистически прикрашивали и идеализировали магометанство и производили сильное впечатлѣніе даже на русскую близорукую интеллигенцію извѣстнаго рода, считавшую долгомъ сочувствовать разцвѣту магометанской культуры (стр. 52—53, 62—63); приводилъ отзывы постороннихъ о состояніи учительской семинаріи подъ дирекціей Остроумова (стр. 57—59); разсказывалъ исторію его перевода въ Туркестанскій край и поступленія тудаже на службу казанскихъ студентовъ, выяснялъ ихъ достоинства и ихъ пользу для края (стр. 88—91); пересылалъ своему высокопоставленному корреспонденту разные отчеты, документы и записки, какія самъ получалъ изъ Ташкента, относившіяся къ состоянію Ташкентской семинаріи и служебной дѣятельности Остроумова, и старался выяснить самое происхожденіе возникшихъ противъ послѣдняго сплетней и интригъ (стр. 88—89). Вотъ одинъ отрывокъ такого рода изъ письма отъ 29 февраля 1884 г., касающійся обширной и очень важной записки г. Остроумова о постановкѣ образованія въ краѣ, особенно инородческаго: она подана была ревизовавшему Туркестанскій край сенатору Ѳ. К. Гирсу, по порученію котораго и написана; при письмѣ приложенъ былъ и самый чернякъ этой записки, высланный г. Остроумовымъ для прочтенія Ильминскому.

„Въ ней, говорится въ письмѣ, Остроумовъ сначала доказываетъ необходимость поддержанія средне-учебныхъ заведеній для образованія дѣтей русскихъ и частію туземцевъ. Говоритъ онъ потомъ о тѣхъ преобразованіяхъ, которыя полезно было бы сдѣлать въ Ташкентскихъ гимназіяхъ, напримѣръ объ уменьшеніи платы за ученіе. Есть въ Ташкентѣ частная квартира для учениковъ гимназіи, содержимая нѣкоторыми учителями съ пособіемъ отъ казны въ 1200 р. въ годъ, а между тѣмъ дѣти должны платить довольно дорого. Остроумовъ высказываетъ, что эту квартиру нужно уничтожить, а вмѣсто нея открыть при гимназіи пансіонъ на общемъ основаніи, а для этого нѣкоторыхъ чиновъ лишить даровой казенной квартиры. Подобныя его заявленія и разговоры и раздражаютъ противъ него людей. Есть еще при Ташкентской гимназіи ученическая квартира для русскихъ и инородныхъ воспитанниковъ. Она повидимому назначалась для удобнѣйшаго воспитанія и образованія туземцевъ и сближенія ихъ съ русскими. Но сарты стали бунтоваться, отягощаясь гимназическимъ ученіемъ. Остроумовъ мнѣ прислалъ двѣ оффиціальныя замѣтки по части этого. Можно предположить, что сартскихъ воспитанниковъ деморализуетъ какъ неумѣлое обращеніе съ ними въ ученической квартирѣ, такъ и еще болѣе обученіе ихъ въ гимназіи. По моему понятію, киргизовъ и сартовъ вовсе не слѣдовало бы привлекать и допускать въ гимназію. Въ Оренбургѣ и Троицкѣ киргизы учатся въ классическихъ гимназіяхъ, нѣкоторые оканчиваютъ курсъ и поступаютъ въ университетъ, и здѣсь усвоиваютъ всѣ принадлежности европейской цивилизаціи, не русской, а прямо европейской. Въ нашихъ университетахъ и даже гимназіяхъ вращаются европейскія понятія о національности,—пропитавшись этими понятіями, въ какое отношеніе инородцы должны встать къ русскимъ? По моему понятію, сартовъ, киргизовъ, бурятъ и калмыковъ еще преждевременно ставитъ на путь классическаго образованія; для нихъ гораздо полезнѣе простое, начальное, но здоровое, основательное русское образованіе... Въ своей запискѣ, поданной Гирсу, Остроумовъ настаиваетъ на томъ, чтобы киргизовъ воспитывать и обучать отдѣльно отъ сартовъ [1]):

[1]) По этому поводу записка вдается даже въ полемику противъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ дѣятелей и авторовъ (въ Туркестанской газетѣ), утверждавшихъ, что „если русской цивилизаціи суждено проникнуть къ киргизамъ, то это произойдетъ только чрезъ посредство сартовъ“. Авторъ доказываетъ напротивъ, что усиленіе сартовскаго вліянія на кирги-

сарты имѣютъ прочно сложившійся мусульманскій характеръ, тогда какъ киргизы народъ еще свѣжій, какъ дѣти, любознательный, переимчивый и воспріимчивый; къ нимъ можно еще привить русскія понятія и симпатіи. Для нихъ и будетъ полезно такое учебное заведеніе, какъ учительская семинарія или подобное ей, гдѣ бы основательно преподавался русскій языкъ,... внушался бы здравый взглядъ на вещи, а не многочисленность отрывочныхъ и популярныхъ свѣдѣній обо всемъ, только надмѣвающихъ и развращающихъ молодыя головы. Но впрочемъ, перелистовавъ снова всѣ доставленные мнѣ Остроумовымъ документы, рѣшаюсь цѣликомъ препроводить къ Вамъ для пересмотра въ случаѣ досуга".

Въ письмѣ этомъ онъ рекомендуетъ уже возвратить Остроумова въ семинарію, какъ „единственнаго и незамѣнимаго человѣка", а въ случаѣ дарованія Туркестанскому краю особаго попечителя, сдѣлать его—Остроумова „окружнымъ инспекторомъ съ правомъ постояннаго и почти независимаго завѣдыванія въ краѣ инородческимъ образованіемъ; завѣдуя спеціально однимъ этимъ дѣломъ, онъ могъ бы дать ему вѣрное, твердое, во всемъ краѣ систематичное и послѣдовательное направленіе. Если же это найдено будетъ невозможнымъ или преждевременнымъ,... то его нужно будетъ возвратить на его директорское мѣсто въ Ташкентской учительской семинаріи, если даже она будетъ преобразована въ городское училище, съ удержаніемъ лично за Остроумовымъ прежнихъ его окладовъ; ибо онъ будетъ не смотритель какого-то отдѣльнаго училища, а установитель и насадитель инородческаго образованія въ цѣломъ краѣ. И нужно притомъ, чтобы въ пріемѣ инородцевъ въ училище и воспитательныхъ мѣрахъ онъ имѣлъ главный и рѣшающій голосъ, и чтобы ему пре-

---

зовъ поведетъ напротивъ къ ихъ омусульманенію, офанатизированію и къ сознательному отчужденію отъ Россіи, котораго у сартовъ почти столько же, какъ у татаръ.

доставлено было распредѣленіе и назначеніе окончившихъ курсъ учениковъ, особенно же инородцевъ, по мѣстамъ и родамъ службы.—Остроумовъ, какъ я лично и твердо знаю, есть психологъ и зоркій наблюдатель; у насъ въ семинаріи, бывало, при пріемѣ учениковъ, онъ слѣдилъ не только за отвѣтами и степенью развитія ихъ знаній, но старался вникнуть въ характеръ и образъ мыслей молодого человѣка;... а въ Ташкентской семинаріи, гдѣ онъ жилъ вмѣстѣ съ воспитанниками, постоянно занимался съ ними, очевидно онъ зналъ каждаго въ подробности и точности—понятія, направленія и характеръ. И что же? Забѣлинъ воспитанниковъ перваго выпуска семинаріи, въ воспитаніи которыхъ Остроумовъ полагалъ всю свою душу, не допускалъ до учительскихъ мѣстъ, а выписывалъ на эти вакансіи кого-то изъ западнаго края".

Не можемъ не упомянуть при этомъ, что вызовы подобнаго рода въ это время готовились принять даже очень большіе и по меньшей мѣрѣ излишніе размѣры. Въ упомянутой выше запискѣ объ устройствѣ образованія въ Туркестанскомъ краѣ, назначенной для сенатора Ѳ. К. Гирса, авторъ ея высказалъ между прочимъ рѣшительное мнѣніе, съ которымъ вполнѣ былъ согласенъ и Н. И. Ильминскій, что для занятія учительскихъ, переводческихъ и другихъ низшихъ должностей по мѣстной администраціи нужно подготовлять въ мѣстныхъ правительственныхъ школахъ своихъ кандидатовъ изъ туземцевъ, а не вызывать ихъ со стороны, и что, напримѣръ, обязательный вызовъ на такія должности студентовъ Лазаревскаго института, безъ различія даже ихъ происхожденія и вѣроисповѣданія, какъ объ этомъ ходатайствовалъ незадолго до этого директоръ института (по мысли, кажется, того же главнаго инспектора Забѣлина), не можетъ обѣщать пользы ни населенію края, ни русскому правительству. Резоны понятны: кромѣ того, что это люди совсѣмъ чужіе для края, совершенное игнорированіе происхожденія и религіозныхъ вѣрованій при выборѣ чиновниковъ для

низшаго управленія въ краѣ никакъ не совпадаетъ съ естественнымъ стремленіемъ правительства къ постепенному сближенію туземцевъ съ русскою народностью, будетъ обидно для пригодныхъ по образованію и достойныхъ такихъ должностей туземцевъ и даже не безопасно въ смыслѣ внутренняго спокойствія новопокоренной магометанской окраины; особенно опасенъ пришлый элементъ кавказско-инородческій,—въ краѣ и безъ того много магометанъ татаръ, вредно вліяющихъ на туземцевъ, какъ на сартовъ, такъ и на киргизовъ. Туркестанская семинарія, по мнѣнію автора, до сихъ поръ шла путемъ вѣрнымъ, съ котораго не слѣдуетъ ее сбивать; въ четырехлѣтній періодъ своего существованія она дала опытъ образованія Туркестанскихъ киргизовъ на чисто-русскихъ началахъ и не можетъ назвать свой опытъ неудавшимся.

Заступничество Н. И. Ильминскаго за своихъ казанцевъ довольно скоро стало понемногу поправлять ихъ репутацію. Первую радостную вѣсть объ этомъ онъ послалъ въ Ташкентъ къ Остроумову еще въ концѣ 1883 года; потомъ въ письмѣ къ нему же отъ 17 марта 1884 года, разсказавъ вкратцѣ всю исторію своихъ за него ходатайствъ. Николай Ивановичъ извѣщалъ уже, что благодѣтель ихъ Константинъ Петровичъ, не смотря на множество обременяющихъ его важныхъ дѣлъ, нашелъ таки время вникнуть и въ ихъ дѣло, безпристрастно взвѣсилъ всѣ представленные на его усмотрѣніе данныя касательно нравственной репутаціи чернимаго передъ начальствомъ ташкентскаго директора и перемѣнилъ свое прежнее неблагопріятное объ немъ мнѣніе, къ чему много поспособствовалъ еще и прекрасный отзывъ объ немъ (Остроумовѣ) ревизовавшаго Туркестанскій край Ѳ. К. Гирса.

Въ письмѣ отъ 16 марта къ самому К. П. Побѣдоносцеву (стр. 87 и далѣе) Николай Ивановичъ писалъ: „Отъ всей глубины сердца приношу Вамъ, гуманнѣйшій Константинъ Петровичъ, самую искреннюю благодарность во 1-хъ за Остроумова, во 2-хъ и за себя.

Въ лицѣ Остроумова рѣшается судьба и его многолюднаго семейства; а ко мнѣ участіе Ваше простирается до самаго нѣжнаго попеченія о моихъ чувствахъ“. Представивъ еще вѣкоторыя данныя относительно Остроумова, онъ извинялся въ своей докучливости, съ какою обращался къ своему высокому корреспонденту. Но „какія же мои средства, писалъ онъ, спасти человѣка честнаго и нравственнаго и его семью, спасти знающаго и ревностнаго дѣятеля? И совѣстно и жаль мнѣ безпокоить Васъ, но не къ кому мнѣ прибѣгнуть за помощью... Сыны вѣка мудрѣйши сыновъ свѣта въ родѣ своемъ суть. Я увѣренъ, что г. Забѣлинъ чуетъ, гдѣ зацѣпка, которая еще держитъ Остроумова. Эта зацѣпка въ Казани, чему доказательствомъ служатъ толстыя письма Остроумова въ Казань къ NN (т. е. Ильминскому) и изъ Казани отъ того же NN къ Остроумову, и письма въ тотъ и другой конецъ заказныя. Г. Забѣлинъ еще въ началѣ или лѣтомъ прошлаго года въ минуту благодушія освѣдомлялся у Остроумова, уступитъ ли ему NN свое мѣсто. Такую злокозненную зацѣпку слѣдуетъ сковырнуть; тогда всѣ эти Остроумовы полетятъ, и все будетъ гладко“.

Н. П. Остроумовъ, можетъ быть благодаря этой самой „зацѣпкѣ“, не полетѣлъ, и благополучно остался въ Ташкентѣ, но остался директоромъ гимназіи. Учительская семинарія лишилась его навсегда. Николай Ивановичъ въ свое время очень этимъ былъ огорченъ и, говоря о ташкентскихъ дѣлахъ съ своими знакомыми, жаловался, что лучшіе люди изъ его сотрудниковъ отрываются отъ инородческаго дѣла на сторону. Относительно Н. П. Остроумова онъ впрочемъ скоро успокоился, убѣдившись въ томъ, что гимназія не поглотила его дѣятельности всецѣло, и что онъ остался попрежнему сильнымъ борцомъ противъ магометанства и радѣтелемъ русскаго образованія инородцевъ, которыхъ довольно было у него и въ самой гимназіи. Въ 1886 г. они видѣлись другъ съ другомъ по случаю поѣздки Н. П. Остроумова въ Россію, въ Казань, въ Москву и Петер-

бургъ. Въ 1888 году г. Забѣлинъ кончилъ свою туркестанскую службу и на мѣсто его главнымъ инспекторомъ назначенъ директоръ симбирской гимназіи Ѳ. М. Керенскій, прежде долгое время служившій въ Казани и хорошо извѣстный казанцамъ.

Перемѣны, послѣдовавшія въ учебномъ вѣдомствѣ края по смерти генерала Кауфмана, не ограничились указанными явленіями среди личнаго состава этого вѣдомства, а простерлись на нѣкоторыя весьма важныя стороны самой системы туземнаго образованія, установленной при покойномъ генералъ-губернаторѣ. Главное вниманіе администраціи при немъ, какъ извѣстно, обращено было на образованіе кочевого населенія края, съ котораго, казалось, легче было начать образовательную миссію Россіи среди туземцевъ и изъ котораго генералъ Кауфманъ мечталъ создать нѣчто въ родѣ новой породы русскихъ людей магометанскаго вѣроисповѣданія, начатокъ обрусенія всего туземнаго населенія. Въ одной статьѣ Туркестанскихъ Вѣдомостей 1879 г. (№ 30.—въ книгѣ г. Остроумова стр. 111. 113—114), прямо говорилось, что „распространенія русскаго образованія русскому правительству естественно желать особенно среди кочевниковъ, отъ которыхъ Россія въ правѣ ожидать болѣе выгодъ, чѣмъ отъ осѣдлаго туземнаго населенія. Кочевники обширнаго Туркестана представляютъ собою въ будущемъ весьма значительный по своей численности элементъ новаго осѣдлаго населенія, жизнь котораго, при участіи русскаго правительства и русской школы, необходимо должна сложиться иначе, сравнительно съ жизнью современныхъ намъ осѣдлыхъ туземцевъ края“. Конечно, это дѣло еще впереди, но, замѣчаетъ авторъ, „заботы русскаго правительства въ отношеніи къ туземному населенію края не должны ограничиваться настоящимъ: это былъ бы слишкомъ узкій взглядъ на дѣло такой огромной важности“. Съ генералъ-губернаторства М. Г. Черняева взяли силу другія соображенія, отклонившія особенное вниманіе администраціи отъ кочевого населенія края къ насе-

ленію осѣдлому. Логика была тутъ самая простая, изходившая изъ той мысли, что въ государственномъ отношеніи, по степени государственнаго развитія, осѣдлое населеніе всегда стоитъ выше кочевниковъ, а потому о привлеченіи къ себѣ его симпатій русская администрація и должна особенно позаботиться. Практическіе разсчеты генерала Кауфмана на большую склонность кочевниковъ къ обрусенію и его практическое же требованіе поскорѣе изолировать ихъ отъ фанатическаго вліянія сартовъ и татаръ чрезъ образованіе въ особыхъ правительственныхъ школахъ оставлены были при этомъ безъ всякаго вниманія.

Понятно, что, при господствѣ этихъ новыхъ взглядовъ на инородческое дѣло въ краѣ, въ организаціи инородческаго образованія должны были произойти значительныя перемѣны. Не распространяясь объ этомъ предметѣ, мы приведемъ относительно этихъ перемѣнъ выдержку изъ „Очерка“ г. Граменицкаго (стр. 9), писавшаго подъ вліяніемъ уже новыхъ порядковъ: упомянувъ о томъ, какъ не удались на практикѣ проектированныя Кауфманской коммиссіей начальныя школы по киргизскимъ ауламъ, онъ продолжаетъ: „съ другой стороны предположенія комиссіи объ обособленіи сартовскихъ и киргизскихъ школъ также не оправдались: какъ въ школахъ дѣти сартовъ и киргизовъ, такъ и на вечернихъ курсахъ для взрослыхъ киргизы и сарты учатся въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ, и различія въ ихъ нравственной и общественной жизни не имѣютъ никакого отношенія къ дѣлу обученія. Предназначеніе комиссіей для сартовъ высшихъ школъ уѣздныхъ и для киргизовъ низшихъ школъ грамотности оказалось ошибочнымъ, такъ какъ опытъ показалъ, что киргизы въ значительно большемъ количествѣ поступаютъ въ учебныя заведенія съ болѣе продолжительнымъ курсомъ и болѣе обширною программой, какъ напримѣръ въ городскія училища, семинарію и гимназію, чѣмъ сарты. Остальныя положенія—относительно національнаго характера воспитанія, вѣротерпимости

въ школахъ, пользы совмѣстнаго обученія дѣтей русскихъ и туземцевъ, необходимости ремесленнаго образованія и привлеченія въ школы дѣвочекъ—остаются въ полной силѣ (т. е. какъ при Кауфманѣ) и въ настоящее время". Послѣ всего нами сказаннаго выше читатель навѣрное замѣчаетъ, что сейчасъ приведенная выдержка, явно наклоненная къ оправданію послѣ-кауфманскаго порядка вещей, совершенно игнорируетъ упомянутые практическіе разсчеты покойнаго генералъ-губернатора и—намѣренно или ненамѣренно, но далеко не точно и не ясно представляетъ самый взглядъ его на сартовъ и киргизовъ, и въ теоріи, и на практикѣ гораздо болѣе мѣткій и справедливый, чѣмъ взгляды позднѣйшихъ ревнителей образованія туземцевъ.

Новое направленіе системы инородческаго образованія въ краѣ должно было всего скорѣе коснуться курса ташкентской семинаріи и вчастности преподаванія въ ней мѣстныхъ языковъ. Генералъ Кауфманъ, какъ мы видѣли, настоялъ на преподаваніи въ семинаріи киргизскаго языка. Кромѣ извѣстнаго уже намъ важнаго значенія этого языка въ принятой тогда системѣ туземнаго образованія, генералъ придавалъ ему еще другое не менѣе важное значеніе: „киргизскій языкъ, писалъ онъ въ своемъ ходатайствѣ о введеніи его въ семинаріи, принадлежа къ тюркскимъ нарѣчіямъ, къ которымъ также принадлежитъ и узбекскій, понятенъ всѣмъ туземцамъ края, говорящимъ поузбекски; на этомъ же послѣднемъ нарѣчіи говорятъ не только всѣ тюркскія племена, но и таджики, принадлежащіе къ персидскому племени",—слѣдовательно киргизскій языкъ представлялся пригоднымъ въ качествѣ образовательнаго орудія не для однихъ киргизовъ, но и другихъ туземцевъ края. Послѣ Кауфмана, когда на первый планъ въ просвѣтительныхъ предпріятіяхъ администраціи, вмѣсто киргизовъ, встали туземцы осѣдлые, слышимъ другія рѣчи. Преемникъ Черняева генералъ Розенбахъ настоялъ на замѣнѣ въ семинаріи преподаванія киргизскаго языка преподаваніемъ языковъ сартскаго и персидскаго: „Безъ знанія сартовскаго и персидскаго языковъ, писалъ онъ въ одномъ отношеніи къ министру народнаго просвѣщенія (отъ 4 февр. 1888 г. за № 185), я не вижу никакого успѣха для русскаго учителя въ туземной школѣ... Въ предѣлахъ Туркестанскаго края главнымъ образомъ находятся въ употребленіи два языка, имѣющихъ литературу: сартовскій (однородный съ киргизскимъ, не имѣющимъ литературы) и персидскій... Киргизы легко понимаютъ сартовскій говоръ, равно какъ знающіе сартовскіе языкъ легко понимаютъ киргизовъ; поэтому преподаваніе киргизскаго языка въ семинаріи совершенно не нужно, преподаваніе же персидскаго совершенно необходимо, потому что, кромѣ таджиковъ, преимущественно населяющихъ Самаркандскую область, на этомъ же языкѣ и на языкѣ узбекскомъ (сходномъ съ сартовскимъ) говоритъ населеніе Закаспійской области, присоединеніе которой къ Туркестанскому краю предвидится въ близкомъ будущемъ".

Преподаваніе сартскаго и персидскаго языковъ, вмѣсто киргизскаго, было введено въ семинаріи съ 1884 года властію генералъ-губернатора, раньше даже утвержденія такой реформы министерствомъ народнаго просвѣщенія, и такимъ образомъ сразу былъ упраздненъ стоявшій при Кауфманѣ ребромъ киргизскій вопросъ. Реформа новыхъ дѣятелей, не остановилась и на этомъ. Такъ какъ будущіе учители туземцевъ изъ воспитанниковъ семинаріи должны были съ этого времени дѣйствовать преимущественно въ средѣ уже осѣдлаго населенія туземцевъ съ болѣе развитой мусульманской культурой, то для сообщенія имъ бо́льшаго авторитета въ глазахъ мусульманъ, по мысли Забѣлина, предположено было ввести въ семинарію изученіе еще третьяго языка, священнаго языка всей мусульманской образованности,—арабскаго. Семинарія, въ которой недавно еще Забѣлинымъ велѣно было сократить всѣ программы преподаванія, которую потомъ думали преобразовать даже въ городское четырехклассное училище, теперь, по мысли того же Забѣлина, вдругъ преобра-

зовывалась во что-то въ родѣ чуть не цѣлаго восточнаго факультета. Но съ этой новой реформой произошла заминка въ самомъ министерствѣ народнаго просвѣщенія. На отношеніе генерала Розенбаха о введеніи въ семинарскій курсъ трехъ означенныхъ языковъ со стороны министра отъ 26 сентября 1885 года послѣдовали разныя возраженія. Генералъ все-таки не отказался отъ своего предпріятія, которое на половину (относительно двухъ туземныхъ языковъ) приведено было уже и въ исполненіе, и отъ 26 октября того же года (за № 2175) вторично ходатайствовалъ о томъ же предметѣ, представляя новые и болѣе подробные мотивы; при этомъ для преподаванія арабскаго языка онъ просилъ назначить преподавателя спеціалиста съ ежегоднымъ окладомъ въ 2500 р., а для практики воспитанниковъ семинаріи въ мѣстныхъ языкахъ, кромѣ преподавателя этихъ языковъ, еще особаго практиканта изъ туземцевъ съ окладомъ въ 600 рублей.

Разсмотрѣніе этого отношенія со вторичнымъ ходатайствомъ генералъ-губернатора министерствомъ было поручено Н. И. Ильминскому, который самъ находился тогда въ Петербургѣ [1]). Онъ принялся за это дѣло очень усердно и горячо и къ началу декабря 1885 года написалъ обширную записку, въ которой откровенно выяснялъ, что „положенныя въ основу ходатайства свѣдѣнія и разсужденія о туземныхъ нарѣчіяхъ и арабскомъ языкѣ столь сбивчивы и неточны, что они не могутъ ручаться за правильную и цѣлесообразную постановку преподаванія названныхъ языковъ въ семинаріи". Изъ его записки можно видѣть и тѣ главныя мысли, которыя были изложены въ отношеніи генерала Розенбаха къ министру.

[1]) Въ нѣкоторыхъ письмахъ изъ Ташкента къ Николаю Ивановичу есть намеки, указывающіе на то, что онъ разсматривалъ и первое ходатайство, но документовъ на это мы не имѣемъ.

Вопреки мнѣнію ташкентскихъ педагоговъ о непригодности киргизскаго языка для будущихъ народныхъ учителей изъ воспитанниковъ учительской семинаріи по его неустойчивости, разнообразію мѣстныхъ говоровъ и малопонятности для туземцевъ не киргизовъ, авторъ записки прежде всего вѣскими доводами знатока постарался доказать замѣчательное единство этого языка, однообразнаго на всемъ пространствѣ киргизскихъ степей, а также гораздо бо́льшую опредѣленность его въ грамматическомъ строѣ и чистоту отъ иноязычныхъ примѣсей, чѣмъ другихъ языковъ—представителей тюркскаго семейства, и въ томъ числѣ сартскаго, значительно утратившаго свою чистоту, рѣзко распадающагося на книжный и разговорный языки и на нѣсколько мѣстныхъ говоровъ, а потому менѣе удобнаго и выгоднаго для изученія въ семинаріи. Легкость, съ какою сарты объясняются со всѣми разноплеменными туземцами, въ запискѣ объясняется не универсальнымъ характеромъ ихъ языка, а особенною ловкостью въ обращеніи съ другими туземцами ихъ самихъ, какъ людей торговыхъ и бывалыхъ. Если уже хлопотать, говоритъ авторъ, о такомъ болѣе или менѣе универсальномъ языкѣ для семинаріи, который бы давалъ, такъ сказать, ключъ, доступъ къ другимъ языкамъ и нарѣчіямъ края, такъ ужъ лучше остановиться на древне-тюркскомъ или джагатайскомъ языкѣ, отъ котораго дѣйствительно удобно можно перейти ко всякому мѣстному его нарѣчію, сартскому, киргизскому, кара-киргизскому и т. д. Говоря объ изученіи мѣстныхъ языковъ, записка не преминула упрекнуть мѣстныхъ педагоговъ и за то, что при самомъ началѣ изученія этихъ языковъ они настаивали на примѣненіи при этомъ не русскаго, а арабскаго алфавита, не подходящаго ни къ киргизскому, ни къ сартскому языкамъ и съ первыхъ же шаговъ подчиняющаго учениковъ игу магометанской культуры. — Преподаваніе въ семинаріи языковъ персидскаго и арабскаго разсчитывалось на то, чтобы доставить будущимъ учителямъ туземныхъ школъ осо-

бенный престижъ учености передъ невѣжественными муллами и лучшее средство къ обаянію на массу народа. Опытный знатокъ мусульманскихъ нравовъ, Николай Ивановичъ выставилъ на видъ всю наивность подобныхъ разсчетовъ и постарался разбить всѣ преувеличенныя представленія авторовъ отношенія какъ о невѣжествѣ муллъ въ арабскомъ языкѣ, такъ и о воображаемой легкости для воспитанниковъ семинаріи достигнуть хоть сколько нибудь близкой къ указанной цѣли степени изученія персидскаго и арабскаго языковъ, особенно послѣдняго, который съ трудомъ могутъ осиливать, и то очень немногіе, студенты университета и академіи, и который уже вовсе не подъ силу какимъ нибудь мало развитымъ и еле грамотнымъ юношамъ, поступающимъ въ учительскую семинарію. Онъ выражалъ даже опасеніе, что эти юноши, погрузившись во всю глубину своей мусульманской спеціальности, по извѣстной нашей неустойчивости въ своемъ русскомъ, пожалуй, еще и сами совсѣмъ омусульманятся.

„Генералъ фонъ Розенбахъ, сказано въ заключеніи, совершенно вѣрно и притомъ въ высшей степени сочувственно характеризуетъ учительскую семинарію въ слѣдующихъ словахъ: „Централизуя все воспитаніе и обученіе главнымъ образомъ около изученія русскаго языка, русской исторіи, русской географіи, учительская семинарія высоко держитъ знамя русской народности. Русскіе учителя изъ учительской семинаріи являются, при посредствѣ школы, самыми лучшими, надежнѣйшими проводниками русскихъ началъ въ краѣ, русскихъ нравовъ, обычаевъ русской жизни. Таковъ мой взглядъ на туркестанскую учительскую семинарію. Я очень дорожу этимъ учебнымъ заведеніемъ и рѣшительно не намѣренъ преобразовать его въ какое нибудь другое учрежденіе“.—И пусть туркестанская семинарія сосредоточитъ все свое вниманіе на разработкѣ этого воспитательнаго матеріала, не развлекаясь посторонними языками и предметами“ [1]).

[1]) По особенному интересу этой записки мы издаемъ ее въ приложеніи по копіи съ чернового ея отпуска.

Записка эта была читана въ особомъ засѣданіи при министерствѣ подъ предсѣдательствомъ И. Д. Делянова и въ присутствіи генералъ-губернатора Розенбаха, находившагося тогда въ Петербургѣ. Результатовъ этого засѣданія мы не знаемъ. Но арабскій языкъ такъ и не былъ введенъ въ курсъ ташкентской семинаріи; въ ней оставлено было только преподаваніе языковъ сартскаго и персидскаго,—замѣна ими языка киргизскаго получила Высочайшее утвержденіе уже 24 марта 1888 года.

Послѣ представленія записки о преподаваніи въ ташкентской семинаріи языковъ съ 1886 года непосредственное участіе Николая Ивановича въ дѣлѣ инородческаго образованія Туркестанскаго края прекращается до самой его кончины. Н. П. Остроумовъ въ директорство надъ учительской семинаріей г. Крачковскаго уже не вступался въ ея дѣла. Потомъ директоромъ ея (съ 1888 года) сдѣлался М. А. Миропіевъ, но онъ былъ менѣе другихъ казанцевъ близокъ къ Николаю Ивановичу и не имѣлъ съ нимъ сношеній. Между тѣмъ въ развитіи инородческаго образованія края совершались за это время весьма важныя событія. Въ концѣ 1884 года при генералъ-губернаторѣ Розенбахѣ въ Ташкентѣ открыта была первая русско-туземная школа, которая явилась начаткомъ открытія съ слѣдующаго 1885 года другихъ школъ этого рода по разнымъ мѣстностямъ Туркестанскаго края, назначавшихся для обученія туземцевъ русскому языку и грамотѣ. Такъ наконецъ стала исполняться мысль покойнаго Кауфмана, который проектировалъ устройство подобныхъ школъ еще въ 1871 году, но такъ и не дождался осуществленія этого проекта. Потомъ, при генералъ-губернаторѣ баронѣ Вревскомъ, въ концѣ 1889 года учреждена была должность инспектора мусульманскихъ народныхъ училищъ края, и эти училища были приняты подъ правительственный контроль, отъ чего въ свое время генералъ Кауфманъ отказывался

довольно упорно, не смотря на всѣ настоянія тогдашняго главнаго инспектора школъ Куна.

И то и другое нововведеніе сопровождались возбужденіемъ весьма важныхъ вопросовъ, первое — вопроса о преподаваніи въ правительственныхъ мусульманскихъ школахъ магометанскаго закона Божія, второе о томъ, надъ чѣмъ собственно долженъ былъ надзирать въ мусульманскихъ школахъ ихъ правительственный инспекторъ и какъ онъ долженъ былъ относится къ ихъ своеобразному и даже враждебному для христіанства образованію. По отношенію къ инородческому образованію собственно въ Туркестанскомъ краѣ Николай Ивановичъ мало высказывался въ отвѣтъ на эти вопросы; въ одномъ его письмѣ къ Н. П. Остроумову еще отъ 1877 года (29 сентября), когда вопросъ о подчиненіи тамошнихъ туземныхъ школъ русскому инспектору только лишь возбуждался, онъ писалъ съ нѣкоторй нерѣшительностію, въ духѣ Кауфманскихъ взглядовъ:

„Относительно того, нужно ли, или не нужно принять надзоръ надъ магометанскими школами на обязанность русскаго инспектора, я право больше склоняюсь, чтобы не принимать, потому что, принявши на свое попеченіе эти школы, надо будетъ заботиться о ихъ процвѣтаніи, и безъ сомнѣнія въ духѣ ихъ религіозныхъ тенденцій и интересовъ, такъ какъ направленіе и существо ихъ исключительно магометанское, религіозное. Мнѣ представляется не возможнымъ достигнуть чрезъ сліяніе магометанскихъ началъ или принциповъ и догматовъ съ европейскими наукой и цивилизаціей не то, чтобы обрусенія, а даже какого либо расположенія къ русскимъ людямъ и къ русскому государству. Черезъ это сліяніе можно даже цивилизацію—то обратить въ орудіе противъ русскаго народа и государства, какъ это и видимъ теперь въ Турціи. Я полагаю, не лучше ли такъ сдѣлать. Пусть медресы останутся сами по себѣ, какъ терпимыя, а русскія школы для туземцевъ пусть идутъ на русскихъ нача-

лахъ, т. е. на гуманномъ образованіи и воспитаніи, и на русской наукѣ, безъ вѣроученія магометанскаго,— магометанскіе воспитанники пусть заимствуются своей религіей въ семьѣ или на сторонѣ; школа русская должна, разумѣется, быть реальной въ томъ смыслѣ, чтобы она сейчасъ же отвѣчала потребностямъ жителей. Жители торгаши, торгуютъ съ русскими,—имъ поэтому нужно знать русскую грамоту и русское счетоводство и форму векселей и т. п. Словомъ, что можетъ очевидно пригодиться туземнымъ дѣльцамъ и сразу быть ими понято, какъ для нихъ пригодное, то и преподавать главнымъ образомъ въ русско-сартскихъ школахъ... Если бы умудриться эти школы поставить интересно для туземцевъ, то онѣ, повидимому, могли бы противостать медресамъ, какъ ихъ отрицаніе. И чѣмъ больше развивался бы въ населеніи вкусъ къ этимъ школамъ, тѣмъ болѣе ограничивался бы кругъ дѣйствія и интересъ медресей“.

Такъ именно и думалъ устраивать русско-туземныя школы генералъ Кауфманъ, предоставляя мусульманскія школы самимъ себѣ и совершенно отстраняя отъ правительственныхъ школъ всякія обязательства преподавать воспитанникамъ магометанское вѣроученіе. Замѣчательно, что на такомъ отношеніи администраціи къ мусульманскимъ школамъ въ краѣ онъ настаивалъ даже вопреки ясному законоположенію 20 ноября 1874 года, которымъ эти школы прямо были подчинены русскому учебному начальству на тѣхъ же началахъ, какъ и училища христіанскія. Съ теченіемъ времени политика его скоро нашла себѣ сильное оправданіе на практикѣ; отъ 8 марта 1884 года само министерство народнаго просвѣщенія, въ виду чрезвычайныхъ затрудненій при исполненіи означеннаго закона, должно было издать секретный циркуляръ о пріостановкѣ его дѣйствія, предложивъ чинамъ учебной инспекціи ограничиваться лишь собираніемъ свѣдѣній о магометанскихъ училищахъ и дѣлать это мягко, безъ проявленія начальственной власти. Чины учебной инспекціи оказались впро-

чемъ недовольны изданіемъ циркуляра, и какъ въ Туркестанскомъ краѣ, такъ и въ Оренбургскомъ округѣ продолжали домогаться подчиненія ихъ вліянію всѣхъ вообще инородческихъ школъ. Въ Туркестанскомъ краѣ послѣ Куна къ этому стремился его преемникъ. Попечитель Оренбургскаго округа тайный сов. Д. С. Михайловъ въ 1884 году вошелъ въ министерство народнаго просвѣщенія даже съ прямымъ ходатайствомъ объ отмѣнѣ циркуляра 1882 года и о возстановленіи прежняго закона. Николай Ивановичъ былъ приглашенъ къ разсмотрѣнію этого ходатайства и въ томъ же году чрезъ попечителя Казанскаго округа П. Н. Масленикова представилъ покойному министру И. Д. Делянову слѣдующее мнѣніе [1]).

„Законъ 20 ноября 1874 года и циркуляръ 8 марта 1882 года представляютъ двѣ діаметрально противоположныя политики. Циркуляръ отвѣчаетъ старинному, традиціонному отношенію русскаго государства къ магометанству и магометанскимъ училищамъ. Русское государство издавна не входило ни въ какія заботы о магометанскихъ училищахъ; достигаются ли какіе либо полезные для магометанской религіи или вообще результаты, хороши ли способы обученія, достаточно ли подготовлены тамъ учителя,—до всего этого Русскому государству не было никакого дѣла. Весь надзоръ со стороны государства сводился къ полицейской инспекціи. Передача закономъ 20 ноября 1874 года магометанскаго обученія школьнаго и частнаго въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія представляетъ одну изъ мѣръ правительства о благоустройствѣ магометанскихъ училищъ и поставляетъ на очередь цѣлый рядъ учебно-педагогическихъ вопросовъ: о лицахъ, которыя имѣютъ право заниматься преподаваніемъ, о программѣ и способахъ преподаванія, объ успѣшности преподаванія, о языкѣ преподаванія въ магометанскихъ училищахъ и проч.

[1]) Приводимъ его по черняку изъ бумагъ Ильминскаго.

„Инспекторъ не полицейскій чиновникъ; являясь въ школу, онъ не можетъ ограничиться удостовѣреніемъ, есть ли у преподавателей паспорты и нѣтъ ли въ училищѣ эпидемической болѣзни, — инспекторъ долженъ войдти въ разсмотрѣніе учебнаго дѣла, дать начальственныя указанія и дружескіе совѣты для большей успѣшности преподаванія. Подъ вліяніемъ правилъ объ образованіи инородцевъ, изданныхъ 26 марта 1870 года, во многихъ городахъ и уѣздахъ учреждено теперь уже на счетъ казны и общественныхъ учрежденій значительное число училищъ для магометанъ;—училища эти состоятъ въ вѣдѣніи учебнаго начальства и подчиняются ему во всѣхъ отношеніяхъ. Внѣ подчиненія остаются собственно частныя магометанскія училища, содержимыя ревнителями магометанской религіи. Куда должны клониться дружественные совѣты инспектора въ этихъ училищахъ? Къ указанію ли учителямъ лучшихъ способовъ преподаванія магометанскаго вѣроученія или къ чему другому? Въ первомъ случаѣ инспекторъ сойдетъ съ строго легальнаго взгляда на магометанство, какъ на религію только терпимую; во второмъ его положеніе будетъ очень щекотливо въ нравственномъ отношеніи.

„Для того, чтобы инспекторъ могъ давать начальственныя указанія, каждое магометанское училище должно имѣть утвержденную программу. Законъ 19 февраля 1868 года опредѣляетъ условія открытія частныхъ училищъ; первое изъ нихъ — утвержденіе программы преподаванія попечителемъ учебнаго округа. Пусть учебное начальство заранѣе приметъ намѣреніе сдѣлать всевозможныя льготы въ отношеніи образовательнаго ценза учителей и программы преподаванія въ частныхъ училищахъ, содержимыхъ магометанами, — оно, не роняя своего достоинства, не можетъ обойти вовсе этихъ вопросовъ. Поэтому отмѣна помянутаго циркуляра 8 марта равносильна предъявленію требованія программъ преподаванія отъ всѣхъ магометанскихъ училищъ. То сопротивленіе, которое встрѣчаютъ теперь

попытки инспекторовъ только заглянуть въ магометанскія училища, сопротивленіе, о которомъ сообщаетъ и тайный совѣтникъ Михайловъ и которое, разумѣется, обусловливается не секретнымъ ограничительнымъ циркуляромъ 8 марта, а магометанскимъ фанатизмомъ, несомнѣнно обѣщаетъ отказъ всѣхъ магометанскихъ училищъ въ двухъ областяхъ, киргизской ордѣ и 11 губерніяхъ отъ подчиненія требованіямъ учебнаго начальства. Дѣйствительно, отмѣна циркуляра дастъ возможность инспекторамъ явиться въ магометанскія училища и сослаться на законъ, изданный 15 лѣтъ тому назадъ. Магометане несомнѣнно захотятъ узнать, почему же учебное начальство находило возможнымъ 15 лѣтъ не примѣнять закона, а теперь вдругъ явилось въ школы; чины министерства внутреннихъ дѣлъ и другія лица, которымъ придется поддерживать инспекторовъ, тоже будутъ весьма затруднены этимъ обстоятельствомъ. Отказъ магометанъ въ подчиненіи учебному надзору и вообще весьма вѣроятенъ, а въ этомъ случаѣ и несомнѣненъ.

„По нашему глубокому убѣжденію, отмѣняя циркуляръ 8 марта, надо быть готовымъ къ одновременному закрытію всѣхъ медресъ и мектебовъ во всемъ огромномъ приволжскомъ и пріуральскомъ краѣ, закрытію неизбѣжному, за отказомъ въ подчиненіи предъявленному закону. Для принятія такого рѣшенія нужно не министерское распоряженіе, а авторитетъ царской власти. Нужно, чтобы отнята была возможность всякихъ толкованій относительно воли Государя Императора. Если будетъ объявленъ именной Высочайшій указъ на имя министра народнаго просвѣщенія о немедленномъ учрежденіи учебнаго надзора во всѣхъ безъ исключенія магометанскихъ училищахъ имперіи, то, разумѣется, надзоръ этотъ будетъ твердо и рѣшительно поддержанъ всѣми русскими, и магометанскія училища безъ всякихъ колебаній и сомнѣній будутъ повсемѣстно закрыты. Безъ подобнаго же рѣшительнаго акта чины учебнаго вѣдомства несомнѣнно потерпятъ пораженіе.

„Циркуляръ 8 марта изданъ былъ, конечно, въ виду нежеланія министра народнаго просвѣщенія прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ. Только высшая законодательная власть можетъ рѣшить, на сколько своевременна подобная мѣра; трудно предвидѣть ея послѣдствія,—весьма возможно, что за нею послѣдуетъ усиленіе магометанскаго фанатизма, которое можетъ вредно отразиться на инородцахъ христіанахъ, слабо окрѣпшихъ еще въ православіи, и несомнѣнно, что это предпріятіе создастъ огромныя затрудненія для учебнаго начальства, для министерства внутреннихъ дѣлъ и можетъ отразиться даже въ международныхъ отношеніяхъ. Въ виду этихъ возможностей представляется болѣе полезнымъ придержаться исконнаго отношенія русскаго государства къ частнымъ магометанскимъ училищамъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока поднимется просвѣщеніе крещеныхъ инородческихъ племенъ на столько, что нельзя будетъ опасаться отпаденія ихъ въ магометанство, и пока магометанскія училища, открытыя на основаніи правилъ 26 марта 1870 года, окажутъ нѣкоторое вліяніе на магометанъ.

„Все дѣло инородческаго образованія въ восточной Россіи отъ перваго его зародыша въ видѣ маленькой школы для крещеныхъ татаръ въ Казани имѣетъ только 25 лѣтъ. Это ничтожное время въ жизни народа для измѣненія его взглядовъ. Магометанскія училища, на основаніи правилъ 26 марта 1870 года открылись, можно сказать, вчера; даже среди инородцевъ изъ христіанъ вовсе нѣтъ стариковъ, которые бы прошли черезъ школу. Магометанская масса вся проникнута магометанскими понятіями и живетъ давнимъ складомъ жизни; этотъ складъ, разумѣется, падетъ, если послѣдуетъ на то Высочайшая воля, но это явленіе болѣзненное. Преуспѣяніе въ образованіи русскаго народа и крещеныхъ инородцевъ, преуспѣяніе несомнѣнное должно рано или поздно вывести татаръ магометанъ добровольно изъ ихъ многовѣковой косности. Мы твердо вѣримъ въ превосходство началъ русской православной

жизни и убѣждены поэтому въ ненужности насильственныхъ мѣръ въ отношеніи магометанъ. Посвятимъ всѣ наши силы и все наше вниманіе русскимъ школамъ и школамъ инородцевъ христіанъ, дадимъ достаточное время этимъ школамъ оказать свое вліяніе на крещеныхъ инородцевъ, и тогда только начнемъ устраивать училища магометанскія; до того же времени эти послѣднія оставимъ въ ихъ нынѣшнемъ положеніи".

Относительно Туркестанскаго края опасенія Н. И. Ильминскаго на счетъ того, что магометане не примутъ русскаго надзора за своими школами, не оправдались. Благодаря прекрасному веденію школьнаго дѣла въ краѣ, новыя русскія и правительственныя туземныя школы сильно поражали своимъ благоустройствомъ сравнительно съ мусульманскими школами всѣхъ туземцевъ, имѣвшихъ случай съ ними познакомиться; между тѣмъ мусульманскія школы, лишенныя всякаго вниманія администраціи, по вѣрному разсчету покойнаго генерала Кауфмана, приходили все въ большій и большій упадокъ, особенно вслѣдствіе явно усиливавшагося разстройства ихъ вакуфовъ, такъ что сами мусульмане стали тяготиться ихъ заброшенностію со стороны русской власти. На этой почвѣ мѣстной учебной администраціи и удалось устроить надъ ними свой надзоръ учрежденіемъ для нихъ должности особаго инспектора. Учрежденіе это прошло тихо и благополучно, но поставленный Н. И. Ильминскимъ вопросъ о томъ, зачѣмъ долженъ надзирать въ этихъ школахъ инспекторскій надзоръ, на сколько онъ долженъ радѣть объ интересахъ магометанскаго образованія, не вредя интересамъ образованія русскаго, и не полезнѣе ли было русской власти въ краѣ поддерживать въ этомъ отношеніи систему генерала Кауфмана, по нашему мнѣнію, остается далеко еще не рѣшеннымъ окончательно.

Другой еще болѣе важный вопросъ въ организаціи мусульманскихъ школъ, вопросъ о преподаваніи въ правительственныхъ школахъ магометанскаго закона Божія, возникъ еще раньше, и преимущественно въ

томъ же Оренбургскомъ округѣ. Извѣстный ученикъ и поклонникъ Николая Ивановича изъ киргизовъ Алтынсаринъ еще въ 1864 году писалъ ему, что, считая религіозное образованіе крайне нужнымъ для киргизскихъ учениковъ своей школы и въ тоже время не желая, чтобы въ это важное дѣло вмѣшивались муллы, „набивающіе человѣческія головы песками" и своимъ преподаваніемъ „ведущіе человѣка къ отступленію отъ всякаго здраваго разсудка", онъ самъ принялъ на себя обязанность муллъ и въ свободное отъ занятій время сталъ самъ преподавать ученикамъ, что̀ зналъ по магометанскому вѣроученію; а въ 1882 году составилъ для киргизовъ даже учебникъ по этому предмету подъ заглавіемъ Шараити-исламъ, очищенный отъ фанатическаго и невѣжественнаго направленія татарскихъ муллъ, который и представлялъ на разсмотрѣніе Николая Ивановича (Воспоминанія объ Алтынсаринѣ Ильминскаго, стр. 215. 221. 249—253). Въ 1872 году преподаваніе мусульманамъ ихъ вѣроученія было разрѣшено министерствомъ народнаго просвѣщенія въ уфимской гимназіи, но съ тѣмъ, чтобы изученіе этого предмета шло по татарскимъ книгамъ, а объясненія на урокахъ давались непремѣнно на русскомъ языкѣ. Ревнители мусульманства, конечно, этимъ не удовольствовались. Въ 1886 году отъ 22 сентября (№ 207) оренбургскій муфтій вошелъ въ министерство съ ходатайствомъ допустить преподаваніе магометанскаго вѣроученія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ гражданскаго вѣдомства, гдѣ есть ученики мусульмане, и притомъ не иначе, какъ на ихъ природномъ (собственно татарскомъ) языкѣ. Почтенный муфтій жаловался, что, при всемъ стремленіи татаръ къ русскому образованію (?), многихъ родителей останавливаетъ отъ отдачи своихъ дѣтей въ казенныя учебныя заведенія то обстоятельство, что ни въ одномъ изъ этихъ заведеній гражданскаго вѣдомства не преподается магометанскаго вѣроученія, такъ что „воспитанники, находясь въ нихъ, не только становятся индифферентными въ дѣлѣ вѣры,

но не рѣдко на всю жизнь остаются лишенными религіознаго воспитанія"; за тѣмъ, распространившись о важности этого воспитанія, онъ не преминулъ указать между прочимъ и „на тѣ поразительные примѣры грубаго атеизма, которые являли собою осужденные государственные преступники еврейскаго закона (т. е. участники катастрофы 1881 г.) въ послѣднія минуты ихъ жизни передъ казнію"; преподаваніе закона магометанскаго на татарскомъ языкѣ мотивировано въ ходатайствѣ тѣмъ, что истины этого закона и молитвы „въ переводѣ на русскій языкъ утрачиваютъ свое существенное значеніе".

Министръ народнаго просвѣщенія И. Д. Деляновъ поручилъ Николаю Ивановичу разсмотрѣть это ходатайство и представить по нему свое заключеніе (отъ 8 октября 1886 года № 14814). Отвѣта Николая Ивановича по этому порученію мы не знаемъ. Но въ бумагахъ его есть одно относящееся къ тому же предмету письмо о киргизскомъ образованіи, писанное къ попечителю Оренбургскаго учебнаго округа И. Я. Ростовцеву отъ 15 іюня 1890 года (за № 506). По полнотѣ и ясности взгляда на киргизское образованіе письмо это, представляющее притомъ же нѣчто въ родѣ завѣщанія покойнаго просвѣтителя инородцевъ, написанное незадолго до его кончины, очень замѣчательно для обрисовки выработаннаго имъ типа инородческаго образованія для инородцевъ нехристіанъ. Приводимъ его здѣсь, какъ лучшее заключеніе для нашего очерка.

„И давно и недолго служилъ я въ Оренбургскомъ киргизскомъ управленіи, но доселѣ киргизы мнѣ памятны и живо интересуютъ меня киргизскія школы. Поэтому Ваше Превосходительство, удостоивъ меня личной бесѣдой о киргизскомъ образованіи, доставили мнѣ тѣмъ самымъ и великую честь и особенное удовольствіе. Послѣ Вашего отъѣзда изъ Казани Ваши соображенія и вопросы продолжали меня занимать, особенно вопросъ о магометанскомъ вѣроученіи.

„Исламъ есть религія исключительная, самонадѣянная, отрицающая всѣ другія религіи и враждебная христіанству; при этомъ русскіе подданные татары гораздо ниже смотрятъ на наше русское православіе, чѣмъ напримѣръ турки и арабы смотрятъ на православныхъ христіанъ своихъ мѣстностей. Такое надменное и фанатичное направленіе магометанства питается и усиливается массой легендъ, въ которыхъ сильными и живыми чертами расписывается несравненно высокое достоинство магометанскаго пророка и его близость къ Богу, чудеса разныхъ святошъ магометанскихъ и разныя апокрифическія прибавки къ библейскимъ исторіямъ, направленныя къ возвеличенію магометанства; къ тому же все это высказывается и передается тономъ сильнымъ и глубокимъ, дѣйствующимъ на сердце слушателя. Мусульманское вѣроученіе, передаваемое такимъ тономъ, съ такимъ содержаніемъ и направленіемъ, неминуемо должно воспитывать фанатизмъ въ киргизахъ, а муллы даже изъ природныхъ киргизъ, но получившіе воспитаніе въ татарскихъ и среднеазіатскихъ медресахъ и сами до мозга костей пропитанные мусульманскимъ духомъ, не могутъ иначе передавать свое вѣроученіе. Значитъ, муллъ и не должно допускать къ преподаванію магометанскаго вѣроученія въ русско-киргизскихъ школахъ; не должно допускать въ эти школы также магометанскихъ учебниковъ легендарнаго содержанія и фанатичнаго направленія.

„Если же долгъ вѣротерпимости требуетъ киргизскимъ воспитанникамъ въ двухклассныхъ и волостныхъ школахъ преподавать ученіе ихъ вѣры, подобно тому, какъ русскимъ ихъ товарищамъ преподается православное вѣроученіе, то, по моему крайнему разумѣнію, это преподаваніе надо возложить на киргизскихъ юношей, получившихъ образованіе въ киргизской учительской школѣ или въ двухклассныхъ училищахъ Тургайской области и состоящихъ учителями въ двухклассныхъ и волостныхъ школахъ. Что же касается до

учебника по магометанскому вѣроученію, то, какъ единственно подходящій, можно рекомендовать учебникъ, составленный бывшимъ инспекторомъ школъ Тургайской области Алтынсаринымъ подъ заглавіемъ Шараити-исламъ и напечатанный въ Казани въ 1884 году.

„Эта книжка въ ⅛ печатнаго листа, въ 76 страницъ довольно разгонистой печати, въ общедоступномъ изложеніи на киргизскомъ языкѣ, заключаетъ въ себѣ: 1) догматы, 2) обряды, 3) ученіе о добродѣтеляхъ и порокахъ и 4) самонужнѣйшія молитвы и стихи Корана, употребляемые при молитвословіяхъ (такъ называемыхъ намазахъ). Словомъ, здѣсь совмѣщенъ весь вѣроучительный обиходъ, необходимый для простого мусульманина или, по нашему говоря, мірянина. Нужно къ этому присовокупить, что все это изложено тономъ разсудительнымъ и спокойнымъ, безъ всякихъ легендарныхъ прикрасъ и увлеченій.

„Въ связи съ мусульманскимъ вѣроученіемъ въ киргизскихъ школахъ должна стоять мусульманская грамота. Желательно поставить мусульманскую грамоту въ параллель съ нашей церковно-славянской, т. е. чтобы она относилась только до текстовъ религіозныхъ. Мусульманская грамота есть собственно арабская, которая и должна принадлежать преимущественно, а въ киргизскомъ населеніи исключительно бы, арабскимъ текстамъ Корана и молитвословій. Въ противуположность этому богослужебному и молитвенному содержанію на арабскомъ языкѣ все, что пишется на киргизскомъ языкѣ, должно бы быть изображаемо особымъ алфавитомъ, такъ сказать гражданскимъ киргизскимъ, составленнымъ изъ русской азбуки съ непремѣннымъ примѣненіемъ къ звукамъ киргизскаго языка (подробнѣе въ брошурѣ „Изъ переписки по вопросу о примѣненіи русскаго алфавита къ инородческимъ языкамъ“. Казань. 1883 г.).

„Во всякомъ случаѣ въ киргизскихъ школахъ преподаются двѣ грамоты, — арабская и русская. Вопросъ въ томъ, которая изъ нихъ должна преподаваться прежде. Я полагаю, что прежде надо преподавать русскую грамоту, потому что русская азбука по своему составу и системѣ гораздо опредѣлительнѣе и проще, чѣмъ арабская; притомъ для русской грамоты существуютъ болѣе удобныя руководства. Въ преподаваніи русской азбуки, когда дается первое понятіе о звукахъ и учащіеся упражняются въ писаніи словъ, непремѣнно нужно подыскивать киргизскіе примѣры, сколь возможно, точнѣе соотвѣтствующіе русскимъ звукамъ. Но если возбужденная киргизская мысль отъ соотвѣтствующихъ примѣровъ перейдетъ къ особымъ киргизскимъ звукамъ, которымъ не удовлетворяетъ русская азбука, то въ предупрежденіе разочарованія слѣдуетъ имѣть наготовѣ русскія буквы, приспособленныя къ особенностямъ киргизской фонетики. Эту видоизмѣненную въ киргизскомъ направленіи русскую азбуку и нужно бы преподавать всего прежде и на ней упражнять киргизскихъ дѣтей въ писаніи родныхъ словъ и выраженій, а потомъ уже переходить къ чисто русской азбукѣ и къ чтенію и письму на русскомъ языкѣ. Такъ бы я полагалъ вести ученіе въ первые два года. Чтобы наполнить это время упражненіями на родномъ киргизскомъ и на русскомъ языкѣ, для этого нужно воспользоваться киргизскою христоматіею Алтынсарина, напечатавъ ее русскими буквами, приспособленными къ киргизскимъ звукамъ. Къ ней можно прибавить еще книжку на киргизскомъ же языкѣ болѣе реальнаго и полезнаго содержанія, или можно бы передѣлать на русско-киргизскій алфавитъ мой Самоучитель русской грамоты для киргизъ.

„Арабская грамота, какъ принадлежность мусульманской вѣры, отлагается до дальнѣйшаго времени. Спрашивается: удобно ли замедлять обученіе киргизскихъ дѣтей мусульманской вѣрѣ, когда русскихъ дѣтей начинаютъ съ ранняго дѣтства воспитывать въ православной вѣрѣ? Мусульманскій шаригатъ въ этомъ случаѣ отличается отъ православнаго ученія тѣмъ, что мусульмане ранѣе нѣкоторой возмужалости, приблизи-

тельно около 15 или 16 лѣтъ, вовсе не обязаны исполнять правила и обряды вѣры, и это имъ не вмѣняется въ грѣхъ. Такое необязательное и невмѣняемое малолѣтство какъ разъ совпадаетъ съ начальными курсами киргизскихъ школъ.

„Послѣ основательнаго знакомства съ русской грамотой изученіе арабскаго алфавита не составитъ трудности; но его нужно изучать именно, какъ арабскій алфавитъ, а не какъ киргизскій или татарскій. Шараити-исламъ Алтынсарина напечатанъ арабскими буквами. Согласно съ вышеизложенными соображеніями его нужно бы передѣлать такъ, чтобы арабскій алфавитъ остался за арабскими текстами, а киргизское объясненіе было напечатано русско-киргизскими буквами. Нынѣ это было бы впрочемъ еще преждевременно и неудобно. За арабскимъ алфавитомъ установилось народное представленіе мусульманской религіозности; книга, излагающая ученіе вѣры, будетъ, по представленію киргизъ, всего приличнѣе написана арабскими, какъ вообще мусульманскими, буквами. Только впослѣдствіи можно будетъ сдѣлать русскую попытку, если удастся ввести въ киргизскія школы русско-киргизскій алфавитъ и прочно усвоить послѣдній киргизскому языку.

„Такъ какъ первые шаги и первыя впечатлѣнія при начальномъ обученіи грамотѣ имѣютъ важное и рѣшительное значеніе, то должно признать справедливымъ и вышеприведенное желаніе обучать прежде русской грамотѣ, потомъ арабской, и предпочтеніе русско-киргизскаго алфавита арабскому-татарскому.

„Если Ваше Превосходительство изволите признать изложенныя соображенія не лишенными основанія, въ такомъ случаѣ можно бы изготовить не большой учебникъ для русско-киргизскаго букваря съ примѣрами и текстами на киргизскомъ языкѣ. При семъ прилагается одинъ экземпляръ брошуры. „Изъ переписки по вопросу о примѣненіи русскаго алфавита къ инородческимъ языкамъ“.

Въ Туркестанскомъ краѣ всѣ эти взгляды Н. И. Ильминскаго, довольно близкія и къ завѣтамъ покойнаго генерала Кауфмана, не имѣли никакого приложенія. Въ видахъ вѣротерпимости и политической осторожности въ отношеніи къ туземцамъ мѣстная администрація поставила себѣ задачей не „игнорировать“ мусульманское образованіе, а принять его напротивъ подъ свой оффиціальный надзоръ и допустить въ русско-туземныхъ школахъ открытое и, можно сказать, штатное преподаваніе мусульманскаго закона Божія. Въ послѣднее время тамъ даже прямо отказываются отъ системы Ильминскаго, какъ не пригодной для края. Въ статьѣ г. Граменицкаго (инспектора народныхъ школъ) „Инородческое образованіе въ Туркестанскомъ краѣ“, помѣщенной въ 2—10 №№ Туркестанскихъ Вѣдомостей 1900 года, читаемъ: „задача обученія русскому языку по этой системѣ отодвигается на второй планъ и изученіе его дѣти инородцевъ начинаютъ лишь съ третьяго года обученія, а въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ занятія ведутся на ихъ родномъ языкѣ... Въ Туркестанскомъ же краѣ, въ которомъ съ самаго начала была положена въ основу управленія система невмѣшательства въ религіозныя вѣрованія туземцевъ и основная задача обученія дѣтей туземцевъ заключается въ усвоеніи ими русскаго языка и грамоты, она совершенно непримѣнима, и веденіе занятій въ первые два года обученія на туземномъ языкѣ явилось бы здѣсь совершенно непроизводительной тратой учебнаго времени“.

Изъ того, что нами изложено выше, читатель безъ всякихъ дальнѣйшихъ разъясненій съ нашей стороны можетъ видѣть, что, кромѣ типа крещенскихъ инородческихъ школъ, который имѣетъ здѣсь въ виду г. Граменицкій, Н. И. Ильминскій успѣлъ создать и другой типъ инородческаго образованія для инородцевъ нехристіанъ, даже съ спеціальнымъ примѣненіемъ его къ инородцамъ Средней Азіи, безъ нарушенія въ немъ требованій вѣротерпимости. Далѣе, смыслъ системы Ильминскаго переданъ у г. Граменицкаго не совсѣмъ точно: со второго или третьяго года въ школахъ Иль-

минскаго положено начинать не „изученіе“ русскаго языка, а употребленіе его, какъ мало-мальски уже знакомаго ученикамъ, въ качествѣ языка „преподаванія“, что̀ составляетъ большую разницу. Что касается до того, будто первоначальное обученіе инородцевъ на ихъ родномъ языкѣ „явилось бы въ краѣ непроизводительной тратой учебнаго времени“, то согласіе или несогласіе съ этимъ мнѣніемъ будетъ зависѣть отъ того, что̀ мы выдвинемъ въ инородческомъ образованіи на первый планъ, самое ли содержаніе русскаго образованія, какое желаемъ имъ сообщить, или же его внѣшнюю форму — русскій языкъ. Ташкентскіе педагоги даютъ предпочтеніе, по видимому, именно этой формальной сторонѣ образованія, придавая ей какое-то преувеличенное значеніе, какъ будто бы русскій языкъ можетъ считаться самымъ главнымъ и непреоборимымъ орудіемъ для выдѣлки изъ инородца настоящаго русскаго человѣка.

Въ приводимой г. Граменицкимъ объяснительной запискѣ къ пособіямъ для русско-туземныхъ школъ края читаемъ такое изъясненіе: „Главнѣйшая задача русско-туземныхъ училищъ заключается въ обученіи дѣтей туземцевъ русскому языку... разговорному и книжному—настолько, чтобы ученики, по выходѣ изъ училища, могли легко понимать разговорную русскую рѣчь и сами объясняться порусски, могли читать и писать порусски, понимать и передавать своими словами содержаніе прочитаннаго на русскомъ языкѣ. Къ этой *основной* задачѣ обученія *присоединяются* (только) и другія: научить устному и письменному счисленію,... ознакомить съ окружающею учащихся природою ихъ родины, развить ихъ умственныя силы и заставить сознательно относиться къ окружающимъ ихъ явленіямъ, дать важнѣйшія правила нравственной жизни и развить въ нихъ чувства добра и правды, ознакомить съ главнѣйшими событіями изъ русской исторіи и съ важнѣйшими свѣдѣніями изъ географіи Россіи, внушить понятія о силѣ и могуществѣ Россійской Имперіи и развить въ нихъ чувства патріотическаго долга и преданности могущественному Русскому государству, принявшему ихъ подъ свою защиту и покровительство“.

Какъ кому, а намъ кажется, что то, что здѣсь *присоединено* къ *основной* задачѣ образованія туркестанскихъ инородческихъ школъ, несравненно важнѣе указанной тутъ же основной ихъ задачи и въ русско-культурномъ, и въ политическомъ отношеніи, въ чемъ убѣжденъ былъ и незабвенный Николай Ивановичъ. Система его направлена именно къ тому, чтобы, не теряя перваго дорогого времени обученія инородческихъ дѣтей на одну внѣшнюю форму этого обученія и не озадачивая ихъ на первыхъ же порахъ труднымъ изученіемъ русскаго языка, прямо вводить ихъ въ кругъ тѣхъ знаній, какія въ Ташкентѣ только „присоединяются“ къ русскому языку, вводить съ помощію ихъ родного, вполнѣ для нихъ понятнаго и симпатичнѣе, глубже на нихъ дѣйствующаго, родного языка; потомъ, по мѣрѣ постепеннаго усвоенія ими русскаго культурнаго направленія, направлять ихъ и къ русскому языку, къ русской рѣчи и къ русской книгѣ. Понятно, какъ нужно послѣ этого смотрѣть на свидѣтельства „опыта“, приводимыя въ статьѣ г. Граменицкаго, что „успѣхи учащихся (конечно въ русскомъ языкѣ) оказываются лучшими у тѣхъ учителей, которые сами хуже знали туземные языки, а потому по необходимости чаще прибѣгали къ разговору и объясненіямъ на русскомъ языкѣ“, и что „новые пріемы обученія, основанные на наглядномъ методѣ преподаванія, при которомъ не только не ведется обученіе на туземномъ языкѣ, но послѣдній напротивъ по возможности устраняется изъ класса русскаго учителя и допускается только въ *случаяхъ необходимости* (понятіе очень неопредѣленное и растяжимое), даютъ несравненно лучшіе результаты: дѣти легче, скорѣе и лучше усвоиваютъ русскую рѣчь, при помощи которой не трудно сообщить имъ и другія знанія“. А до усвоенія этой помощи время для усвоенія этихъ другихъ знаній, значитъ, можно считать болѣе или менѣе потеряннымъ. Въ Казанскомъ и Оренбургскомъ округахъ до появленія системы Ильминскаго было уже нѣсколько опытовъ обученія инородцевъ съ

помощію одного русскаго языка и опыты эти оставили по себѣ въ культурномъ отношеніи далеко неутѣшительную память.

Почтенный педагогъ разсчитываетъ на новые пріемы обученія русскому языку, на такъ называемый натуральный методъ, примѣнительно къ которому составлены его послѣдніе учебники, и въ увлеченіи этой будто бы новой Америкой склоненъ даже принизить труды прежнихъ дѣятелей на поприщѣ просвѣщенія туркестанскихъ инородцевъ. Конечно въ школахъ Туркестанскаго края всегда было довольно плохихъ учителей, а въ школахъ перваго времени даже особенно много; но были и вполнѣ хорошіе учители, получившіе даже высшее образованіе, и лучшіе изъ нихъ были именно изъ воспитавшихся на системѣ Ильминскаго. При этой системѣ они пользовались и пресловутымъ наглядным методомъ, который въ сущности такъ же старъ, какъ старо на свѣтѣ изученіе всякихъ вообще языковъ. Представляемъ выдержку изъ писемъ одного изъ этихъ старыхъ педагоговъ. „Киргизята, разсказываетъ онъ, приходили ко мнѣ въ училище безъ всякаго знанія русскаго языка. Я начиналъ съ ними бесѣду на киргизскомъ языкѣ,—указывая на видимые предметы, называлъ ихъ порусски, заставлялъ повторять, ломалъ именительный падежъ на родительный, глаголъ ставилъ то въ одной, то въ другой формѣ, разучивалъ очертанія буквъ, составлялъ слова, читалъ русскія фразы, ведя объясненія покиргизски, а смотря по успѣхамъ и порусски. Къ концу года ребята начинаютъ понимать русскую рѣчь, читаютъ и пишутъ русскимъ алфавитомъ, изображая имъ и киргизскія слова и фразы“ и проч. Перовское училище было особенно счастливо на подобныхъ педагоговъ. Имъ особенно довольны были генералъ-губернаторы фонъ Кауфманъ и Розенбахъ. Изъ него вышли такіе ученики, какихъ дай Богъ побольше и новымъ педагогамъ,—братья Букины, братья Мунайтбасовы, Али Кутеборовъ (медикъ), братья Касымовы (дѣти Султана Касыма), братья Асановы, Мухамедъ Али Кочербаевъ (въ христіанствѣ Владимиръ Николаевичъ) и множество другихъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ
ИЗЪ
ПИСЕМЪ Н. И. ИЛЬМИНСКАГО
КЪ Н. П. Остроумову.

1.

Дорогой намъ и незабвенный
Николай Петровичъ.

Два Ваши письма, изъ Орска и Иргиза, я читалъ и перечитывалъ съ любопытствомъ, благодушіемъ, полнымъ участіемъ, со слезами и т. д. А черезъ нѣсколько дней по полученіи второго письма Воскресенскій мнѣ показалъ Вашу телеграмму уже изъ Ташкента. Значитъ, Вы благополучно доѣхали, и довольно скоро, до мѣста Вашей новой дѣятельности. Если скудная степь могла возбудить въ Вашей живородящей головѣ множество мыслей и соображеній, то могу себѣ представить, что въ Ташкентѣ цѣлая масса впечатлѣній сразу обрушилась на Васъ, и теперь Вы погружены въ соображенія уже не фантастическія, а дѣловыя, прямо идущія къ цѣли. „Обыде мя бездна“, сказалъ пророкъ Давидъ: и Васъ обыде бездна новыхъ фактовъ и новыхъ мыслей Но, ничего,—шея толста. Вы съумѣете и сможете все это обсудить и распредѣлить и къ своей русской идеѣ приладить. Дай Вамъ Богъ лишь здоровья, а равно Вашей дорогой и доблестной семьѣ: я разумѣю не только Ольгу Дмитріевну, но и семейку. Ваша любовь къ Казанской учительской семинаріи и ко мнѣ поистинѣ трогательна; только я-то плохо заплатилъ Вамъ за все это. Начну съ того, что я лишилъ Ивана Павловича[1]) радости проводить Васъ. Я утромъ-то

[1]) И. П. Сердобольскій, учитель Казанской учительской семинаріи, родственникъ Н. И. Ильминскаго.

подходилъ къ его дверямъ, но онѣ заперты; я легонько постучался и не получивъ отклика, схандрилъ и ушелъ. А онъ черезъ полчаса послѣ моего отъѣзда справлялся обо мнѣ; тоже пришелъ въ отчаяніе; но всетаки поѣхалъ на авось и уже не засталъ Васъ на пристани. Александръ Павловичъ [1]) хотѣлъ было по крайности телеграммой съ Вами проститься и просилъ меня написать ему точно, когда именно Вы выѣзжаете, и я обѣщалъ ему. Онъ заготовилъ уже и телеграмму; а я ему ничего не написалъ. Когда онъ пріѣхалъ, сильно меня бранилъ за это.

Наконецъ я доселѣ не написалъ Вамъ письма, хотя Вы просили убѣдительно. Думать я думалъ писать, и даже разъ присѣлъ и написалъ съ страницу, но вышла такая несвязная іереміада, что я такъ и не кончилъ,—подумалъ, что нагоню на Васъ пущую хандру. Сказать по секрету, я совсѣмъ нынче лѣтомъ исхандрился, а теперь какъ-то такъ сложилось у меня, что я не представляю въ будущемъ, даже въ ближайшемъ будущемъ, никакого плана, а живу изо дня въ день,—прошелъ день и слава Богу. Какая-то напала апатія, но это еще лучшее состояніе, лучше хандры-то. 16 іюля исполнилось 30 лѣтъ моей службы и 5-лѣтіе моего директорства. Вотъ числа 18 іюля я по утру заявилъ попечителю, что я могу-де считать себя выбывшимъ изъ службы, и напала на меня тоска, и я ему наплелъ короба три на тему о своей полной неспособности къ настоящей службѣ, что я семинаріи только торможу, даже тѣхъ людей, которые выносятъ семинарію на своихъ хребтахъ, я своей апатіей торможу и разстраиваю и т. д. На это попечитель мнѣ сказалъ: это—говоритъ—на Васъ что-то нашло, Вы еще (говоритъ) не стары, можете служить и служите. Я не имѣлъ духу ни настоять на своемъ, ни рѣшительно согласиться съ нимъ и такъ ушелъ. Но послѣ, припоминая свой разговоръ съ нимъ, я остановился на той мысли, что онъ ничего не сказалъ о *направленіи* семинаріи, которому я тѣмъ содѣйствовалъ, что Богъ послалъ людей, сочувствующихъ этому направленію, а другой директоръ можетъ-де все это иеревернуть и поставить иначе, или что-де онъ не имѣетъ на мое мѣсто другого подходящаго. Его благосклонность ко мнѣ явилась со стороны совершенно личной, а не относилась къ дѣлу, къ сущности семинаріи.—Можетъ быть, я и ошибаюсь, но мнѣ показалось, что онъ не особенно дорожитъ направленіемъ, какое имѣетъ, или по крайности старается имѣть Казанская учительская семинарія. Это для меня было грустно съ одной стороны, а съ другой—внушило мнѣ мысль, что если я не могу активно дѣйствовать, ну, по крайности буду нуженъ, т. е. не пущу на мѣсто лицо неподходящаго качества. Къ сожалѣнію, мнѣ часто приходитъ на мысль, что я и нулемъ не могу быть заправскимъ, т. е. не могу сохранить сановитости или достоинства. Впрочемъ эту матерію оставимъ.

[1]) А. П. Сердобольскій, братъ Ивана Павловича, тоже учитель семинаріи.

Археологическій съѣздъ начался и окончился своимъ чередомъ. Куна не было. Познакомился я съ В. Дм. Смирновымъ. Онъ очевидно человѣкъ талантливый и юркій. Онъ таки пробрался разъ въ татарскую-то семинарію. Были на съѣздѣ многіе авторитеты: графъ Уваровъ, Бычковъ, Саввантовъ Пав. Иван., славный старецъ и очень живой и веселый, Срезневскій, Бестужевъ-Рюминъ, Иловайскій и многіе другіе. А право, довольно интересно было послушать ихъ рефераты и споры или собесѣдованія. Нашъ П. Д. Шестаковъ [1]) сильно орудовалъ и неопустительно принималъ участіе во всѣхъ засѣданіяхъ и поѣздкахъ. Отъ К. П. Кауфмана была прислана масса разныхъ сообщеній, статей и вещей; изъ Самарканда былъ одинъ старикъ, Петровъ-Борздна, русскій, у котораго большое собраніе разнаго рода рѣдкостей. На съѣздѣ постановлено, чтобы въ Казани было Археологическое Общество, и уже кажется пошло представленіе о томъ къ министру. Вотъ Вамъ наши научныя новости.—Теперь по семинаріи: Александръ Павловичъ значительно укрѣпился въ Руссѣ-то; онъ можетъ дѣлать прогулки пѣшкомъ версты по три. Онъ высчиталъ, сколько саженъ у насъ предъ семинаріей на площадкѣ, по берегу-то Кабана, и урокомъ проходитъ взадъ и впередъ по этой площадкѣ, насчитывая версты. Батюшка благополучно вернулся изъ Астрахани. Машановъ [2]) вернулся съ массой

[1]) Попечитель округа.

[2]) М. А. Машановъ студентъ Казанской академіи 1876 г. Былъ командированъ за границу на востокъ. Потомъ профессоръ академіи.

книгъ дорогихъ. О его приватъ-доцентствѣ не знаю. Воскресенскій [1]), послѣ Вашей телеграммы, подалъ въ службу по Оренбургскому округу. Александръ Григорьевичъ Безсоновъ отпущенъ съ разсрочкой платежа [2]), и собирается ѣхать въ Оренбургъ. Наконецъ я окончательно убѣдился, что онъ до болѣзненности мнительный человѣкъ; я боюсь за него, чтобы онъ не рехнулся. Если его не поймутъ, то онъ можетъ надѣлать множество странностей. Катаринскій [3]), который, по случаю болѣзни своего брата, теперь въ Казани, сказалъ ему, что его уже ждутъ въ Оренбургѣ, и ему назначено 5 уроковъ русскаго языка въ I классѣ и педагогика въ высшихъ классахъ [4]).

11 сент. 1877 г. до обѣда.

Вас. Влад. Катаринскій былъ у меня въ понедѣльникъ и во вторникъ, а въ середу, 14 сентября, выѣхалъ изъ Казани, пристроивъ брата въ клинику. Онъ человѣкъ прекраснѣйшій; съ нимъ такъ пріятно говорить. Но всего пріятнѣе было для меня отъ него услышать, что П. Ал. Лавровскій началъ, повидимому, понимать смакъ въ Кудѣевскомъ [5]). Дай-то Богъ, чтобы онъ наконецъ получилъ подобающую честь и довѣріе, и мѣсто бы директора народныхъ училищъ, гдѣ есть инородцы. Но не пишетъ онъ ко мнѣ ничего, уже разъ я ему соорудилъ съ полдюжину строкъ.—А третьяго дня я получилъ Ваше письмо изъ Ташкента отъ 29 августа. Только что-то оно меня не особенно удовлетворило. Вы начали уже слишкомъ восторженными благодарностями, а кончили не того, не вос-

[1]) Н. А. Воскресенскій студ. Каз. академіи 1878 года, послѣ учитель Ташкентской учит. семинаріи,

[2]) Студентъ 1877 г. Послѣ служилъ въ Оренбургскомъ округѣ. Здѣсь разумѣется освобожденіе его отъ обязательной службы по духовно-учебному вѣдомству.

[3]) В. В. Катаринскій состоитъ инспекторомъ инородческихъ школъ Оренбургскаго округа.

[4]) Т. е. въ татарской учительской школѣ.

[5]) Окончилъ въ 1858 г. курсъ въ Казанск. дух. акад. и служилъ инспекторомъ народныхъ училищъ въ Оренбургскомъ округѣ.

торженно. У Васъ конецъ-то, или лучше серединка, противорѣчитъ началу, которое отъ этого получаетъ оттѣнокъ нѣкоей иронiи. Но я это приписываю тому, что Вы не имѣли времени кончить письмо, да и писано-то оно не въ одинъ присѣстъ, такъ что начальная Ваша.... [1]) и впечатлѣніе испарилось. Я желаю лучше вѣрить, что Ваше новое мѣсто дастъ Вамъ виды дѣйствительно произвести много полезнаго въ краѣ, при томъ расположеніи, съ какимъ Васъ встрѣтилъ К. Петр. Кауфманъ и которое, уповательно, продолжится навсегда. Требуемыя книги не премину выслать. Только Александръ Павловичъ опять началъ недомогать, не знаю нервами, или простудой, въ родѣ ревматизма.—Что же?—и кончить пора. Ольгѣ Дмитріевнѣ мой искреннѣйшій привѣтъ и поклонъ отъ меня и отъ всѣхъ нашихъ семейныхъ и семинарскихъ. У насъ въ семинаріи напринимано учениковъ множество; открылась школа мордовская, и въ семинарію-то поступило мордвовъ немало; теперь недостаетъ только вотяковъ; впрочемъ вотяка, прислуживавшаго въ миссіонерскомъ пріютѣ, мы приняли въ I классъ, но едва-ли изъ него выйдетъ что толковое и серьезное.—Ну, еще прощайте. Еще NB. По словамъ Катаринскаго, Воскресенскій встрѣтилъ сильное затрудненіе въ деньгахъ для уплаты за воспитаніе въ семинаріи и академіи.

Еще прощайте, до свиданія въ письмахъ. Считаю долгомъ Васъ благодарить за Вашу память обо мнѣ [2]).

16 сентября 1877 года.

2.

Достолюбезнѣйшій Николай Петровичъ! Согласно Вашему желанію, я препроводилъ за бандеролью двѣ и потомъ еще одну брошюры относительно начальныхъ сельскихъ и городскихъ училищъ и обязанностей инспекторскихъ; книги сдалъ И. М. Софійскому. Относительно того, нужно-ли, или

[1]) Здѣсь очевидно пропускъ.

[2]) Обычные концы писемъ далѣе опускаемъ. Не печатаются также тѣ мѣста писемъ, которыя носятъ частный, наприм. семейный, характеръ.

ненужно принять надзоръ надъ магометанскими школами на обязанность русскаго инспектора, я право больше склоняюсь, чтобы не принимать. Потому что, принявши на свое попеченіе эти школы, надо будетъ заботиться о ихъ процвѣтаніи, и безъ сомнѣнія въ духѣ ихъ религіозныхъ тенденцій и интересовъ, такъ какъ направленіе ихъ и существо ихъ исключительно магометанское, религіозное. Мнѣ представляется невозможнымъ достигнуть, чрезъ сліяніе магометанскихъ началъ или принциповъ и догматовъ съ европейскими наукой и цивилизаціей, не то чтобы обрусѣнія, а даже какого-либо расположенія къ русскимъ людямъ и къ русскому государству. Черезъ это сліяніе можно даже цивилизацію-то обратить въ орудіе противъ русскаго народа и государства, какъ это видимъ теперь въ Турціи. Я полагаю, не лучше-ли такъ сдѣлать. Пусть медресы останутся сами по себѣ, какъ терпимыя, а русскія школы для туземцевъ пусть идутъ на русскихъ началахъ, т. е. на гуманномъ образованіи и воспитаніи и на русской наукѣ, безъ вѣроученія магометанскаго, магометанскіе воспитанники пусть заимствуются своей религіей въ семьѣ или на сторонѣ; школа русская должна, разумѣется, быть реальной въ томъ смыслѣ, чтобы она сейчасъ же отвѣчала потребностямъ жителей. Жители торгаши, торгуютъ съ русскими,—имъ поэтому нужно знать русскую грамоту и русское счетоводство и форму векселей и т. п. Словомъ, что можетъ очевидно пригодиться туземнымъ дѣльцамъ и сразу быть ими понято, какъ для нихъ пригодное, то и преподавать главнымъ образомъ въ русско-сартскихъ школахъ. Относительно научнаго дѣла вперять въ нихъ науки не отъ міра сего, а отнюдь не реальныя,—послѣднія вооружатъ ихъ средствами къ вящшей самостоятельности противу Россіи и русскихъ.

Если бы умудриться эти школы поставить интересно для туземцевъ, то онѣ, повидимому, могли бы противостать медресамъ, какъ ихъ отрицаніе. И чѣмъ больше развивался бы въ населеніи вкусъ къ этимъ школамъ, тѣмъ болѣе ограничивался бы кругъ дѣйствія и интересъ медресей. Извѣстный французъ Рамбо, присутствовавшій на съѣздѣ археологовъ въ Казани, мнѣ говорилъ, что въ Алжирскихъ школахъ французы обучаются вмѣстѣ съ арабами, чтобы путемъ товарищества завязывать связи дружбы и единенія

между французами и туземцами; эти связи тѣмъ невиннѣе, прочнѣе, что онѣ основываются на высшихъ и гуманнѣйшихъ интересахъ и на свойствахъ народа болѣе внутреннихъ. Но я вижу, что не въ силахъ развить эту тему, самъ не ясно представляя ее; Вы уже ее обдумайте и разработайте, и по крайней мѣрѣ въ миніатюрѣ ее примѣните для опыта.

29 сентября 1877 г.

8.

Драгоцѣннѣйшій другъ Николай Петровичъ! Я получилъ Ваши письма отъ 18 и заказное отъ 25 октября. Вы, конечно, не сомнѣваетесь въ моемъ полнѣйшемъ сочувствіи Вашимъ стремленіямъ и участіи въ Вашихъ горестяхъ. На первое письмо я начиналъ писать раза четыре, и всегда, не подвинувшись дальше exordium'а, оставлялъ безъ конца. Ваши горести-то для меня слишкомъ чувствительны, такъ что не могу сразу обдумать даже отвѣта. Къ Іову пришли друзья его и стояли молча сколько дней, да и наконецъ не съумѣли толкомъ обсудить его положеніе. Я тоже, какъ друзья Іова, готовъ Вамъ противорѣчить,—дѣло мое стало только затѣмъ, что я не имѣю ихней самоувѣренности и не надѣюсь убѣдить Васъ настолько, сколько я убѣжденъ, т. е. почти вполнѣ. Находя главную суть Вашей скорби въ сомнѣніяхъ относительно К. [1]), я увѣренъ, что эти сомнѣнія возникли или по крайности поддерживаются посторонними причинами, наприм. въ родѣ тоски по родинѣ или далекости отъ Вашихъ патріотическихъ идеаловъ того, что Вы нашли въ Ташкентѣ. Если бы тамъ все было по надлежащему, то Васъ бы такъ и не затягивали въ Ташкентъ. Значитъ, понимали, что предстоящая работа по силамъ усерднаго и сильнаго работника, каковымъ и избрали Васъ и неотступно Васъ добивались и добились. Но я считаю нужнымъ предъявить Вамъ факты, у меня имѣющіеся въ рукахъ. Я получилъ два письма отъ Куна и двѣ телеграммы. Въ первомъ

[1]) Подразумѣвается А. Л. Кунъ, главный инспекторъ училищъ Туркестанскаго края.

письмѣ онъ увѣдомляетъ, что Вы ему рекомендуете Воскресенскаго, и онъ велѣлъ мнѣ передать Воскресенскому (и другимъ на всякій случай), чтобы скорѣе послалъ ему прошеніе съ документами. Поэтому мы обмѣнялись телеграммами. Съ Воскресенскаго слѣдовало около 800 рублей за академію и семинарію. Кунъ отхлопоталъ дѣло такъ, что служба переведена на учебное вѣдомство Туркестанскаго края, т. е. не платить, а служить. Положимъ, что это для графа [1]) легко было сдѣлать, но нужно было графа воодушевить, и Кунъ, слѣдовательно, воодушевилъ его, значитъ и самъ воодушевился. Онъ, вѣдь, чай, обѣгалъ и министерства, и по канцеляріямъ синода или оберъ-прокурора.

Вѣдь дѣло Воскресенскаго теперь пролагаетъ дорогу для другихъ академистовъ, которые и будутъ перечисляться съ духовнаго вѣдомства въ Туркестанскій край. Идея-то— *перевести* службу, а не отмѣнить, весьма простая, но не всякому въ голову придетъ: и волки сыты, и овцы якобы цѣлы. Если даже и не Куну она пришла въ голову первому, все-таки онъ не отступилъ предъ сомнительностію ходатайства, да притомъ Воскресенскій въ своей докладной запискѣ (писанной у меня въ комнатѣ) соглашался даже на платежъ, только съ разсрочкой, а Кунъ рѣшился дойти до апогея и дошелъ, и прекрасно сдѣлалъ, потому что дорогу открылъ широкую. Для сравненія упомяну, что напримѣръ Безсонову только отсрочено, а Воскресенскому даже отсрочку платежа Оренбургскій попечитель не принималъ на себя исходатайствовать, а совѣтовалъ ему внести деньги, хотя самъ весьма желалъ принять Воскресенскаго къ себѣ на службу.—О своемъ ходатайствѣ и направленіи дѣла Воскресенскаго Кунъ мнѣ написалъ письмо, но сейчасъ, какъ только св. синодъ разрѣшилъ переводку службы въ Туркестанскій край, Кунъ меня увѣдомилъ телеграммой и просилъ тоже передать другимъ академистамъ. Въ первомъ-то его письмѣ прямо было сказано, что-де онъ всегда радъ принять всякаго, кого рекомендуетъ Н. П. Остроумовъ. Вся эта переписка уполномочиваетъ на слѣдующіе выводы: 1) Кунъ энергиченъ, и если за что возьмется, изъ кожи вылѣзетъ, а своего добьется; 2) Ваши рекомендаціи онъ уважаетъ, и сильно ими воодушевляется; 3) умножать число академистовъ Казанскихъ по Вашему выбору, Вашихъ учениковъ и, слѣдовательно, единомысленныхъ съ Вами,—онъ радъ; 4) обставить Васъ силами—старается. Чего же больше?—Сила рѣшительная выражается обыкновенно рѣзко. Это естественно. Если же рѣзкость иногда является въ направленіи, положимъ, нежелательномъ, то это приписать слѣдуетъ ошибкѣ или недоразумѣнію. Вотъ Ваше дѣло-то и будетъ эту силу направлять въ должную сторону. Вы, какъ имѣющій опредѣленныя и ясныя представленія о цѣляхъ и способахъ инородческаго образованія, о лицахъ, потребныхъ для осуществленія этой цѣли, да по свойству Вашей мысли, быть можетъ, способнѣе ясно представить все нужное для дѣла,—Вы, если заявитѣ Куну, я надѣюсь и убѣжденъ, что онъ Ваше заявленіе поддержитъ и исполнитъ.—Но надо щадить человѣческое самолюбіе.

[1]) Разумѣется графъ Д. А. Толстой, бывшій министръ народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроръ Св. Синода.

Съ другой стороны мнѣ кажется, что Ташкентская разноголосица естественная, хотя весьма жалкая черта нашей безтолковости. Будьте увѣрены, что если бы Вы были на мѣстѣ Куна, стали бы критиковать Васъ; быть можетъ, не такъ рѣзко критиковали бы Васъ, какъ вѣроятно критикуютъ его, потому что Вы сами не рѣзкій человѣкъ. Я отъ нѣкоторыхъ, выѣхавшихъ изъ Ташкента, слышалъ очень рѣзкія нападки на систему управленія и главнаго управленія въ Туркестанскомъ краѣ. А Вы вѣдь знаете, что идеи Константина Петровича весьма здравыя и почтенныя, истинно патріотичныя, но на эту-то патріотичность, якобы одностороннюю, и нападаютъ. На всѣхъ не угодишь. Иные брешутъ, сами не зная что, а просто отъ скуки, или такъ языкъ зудитъ, побрехать охота. Вотъ что я давно думалъ написать Вамъ и теперь только пришло мнѣ воодушевленіе выразить мои мысли, кажется, ясно. Я желалъ бы отъ души, чтобы Вы раздѣлили мой взглядъ на главнаго заправителя учебнаго дѣла въ краѣ. Что касается до моего содѣйствія, то я отъ души радъ по мѣрѣ возможности.

Молодежъ-то, Богъ ее знаетъ, какая. Я мелькомъ слышалъ, будто Миропіевъ относится къ Ташкенту довольно холодно. Если Вы знаете его полезнымъ, то не премините письмами своими его воодушевить и направить. Мнѣ больно

нравится Софійскій,—это, повидимому, какъ есть, вполнѣ преданный и Вамъ и дѣлу, какъ настоящій мюридъ, абрекъ. Но заблаговременно списываться съ имѣемыми у Васъ въ виду полезно въ томъ отношеніи, что Вы будете въ такомъ случаѣ дѣйствовать навѣрняка. Воскресенскій, по всей видимости, ѣдетъ къ Вамъ съ большимъ аппетитомъ: онъ и Васъ-то любитъ до безконечности, да и человѣкъ-то живой, да и дѣла ищетъ.—Относительно Ѳ. Дмитріевича [1]) я было хотѣлъ попытаться ходатайствовать предъ П. А. Лавровскимъ, чтобы его опредѣлилъ директоромъ училищъ Уфимской губерніи, но доселѣ еще не рѣшаюсь. Мнѣ думается, что Лавровскій или охладѣлъ къ Оренбургу, или охладѣлъ къ энергичной дѣятельности,—метла можетъ быть уже пообилась. А къ Вамъ дѣйствительно его бы хорошо. Но имѣйте въ виду, что онъ слишкомъ смиренъ или слишкомъ философъ; Вы не любите выдаваться; а нужно имѣть силу и бойкость, ходкость. Мнѣ представляется: 1) Кунъ уже и самъ у меня говорилъ въ прошломъ году, что онъ не думаетъ навсегда остаться въ Ташкентѣ, но желательно, чтобы онъ побылъ тамъ подольше, до тѣхъ поръ, пока личность Ваша и Вашихъ академическихъ сотрудниковъ пріобрѣтетъ въ краѣ устойчивость, вѣсъ и довѣріе главнаго начальства въ краѣ, чтобы дальше пошло дѣло безъ помѣхи, безъ задоринки, когда само дѣло опредѣлится и выкажется предъ всѣми со стороны исполнимости и полезности; 2) общество Ваше съ Вашими будущими сотрудниками по неволѣ должно будетъ держаться нѣсколько особнякомъ, отдѣльнымъ кружкомъ, не сливаясь съ другими кружками; оно будетъ вращаться около Васъ и примыкать, разумѣется, къ главному инспектору училищъ.—Было бы конечно хорошо, если бы удалось склеить воедино и все вѣдомство учебное, но если это невозможно, быть можетъ, по разности принциповъ?... Даю подобные совѣты, чувствуя, что я бы совсѣмъ антралъ [2]), и что легче давать совѣты, чѣмъ ихъ исполнять, но чувствую, что мои совѣты имѣютъ основаніе. На меня находятъ иногда вспышки, но и скоро потухаютъ, а Вы

[1]) Кудѣевскій. См. выше.
[2]) Татарское слово; значитъ—растерялся.

еще сохранили живость и силу впечатлѣнія, только Вы до крайности скромны, что не хорошо въ смыслѣ крайности.—Опять о содѣйствіи Вамъ,—я буду при всякомъ случаѣ пропагандировать въ академіи стремленіе раздѣлять Ваши труды ради православія и Россіи.

Собираясь все писать и протянувъ время, я вижу, что мое настоящее письмо (полагая ему три недѣли на путешествіе) не поспѣетъ къ Николину дню. Что же мнѣ дѣлать, о окаянный азъ! Поздравляю Васъ со днемъ ангела, а Ольгу Дмитріевну съ именинникомъ. Душевно желаю Вамъ добраго здоровья, бодрости душевной, дѣятельности безпрепятственной и жизни долголѣтней, дондеже низложиши всѣхъ враговъ русскихъ интересовъ подъ нозѣ истины и справедливости.—Алексѣй Осиповичъ Ключаревъ [1]) теперь уже архимандритъ Амвросій, а скоро, быть можетъ, будетъ архіереемъ; но онъ отъ миссіонерскаго дѣла не отстаетъ. Въ академіи умеръ, и довольно скоро, приватъ-доцентъ Резановъ. Дѣдъ [2]) снялся вновь, чтобы послать Вамъ свое изображеніе; я также заказалъ себѣ дюжину оттисковъ, и Вамъ не замедлю препроводить съ слѣдующимъ письмомъ. Наши семинарскіе сотрудники всѣ живы и здоровы. Александръ Павловичъ усиленно работаетъ надъ своей христоматіей—дѣлаетъ прекрасный выборъ статей прозой и стихами и думаетъ приступить къ печатанію приблизительно послѣ Рождества.

20 ноября 1877 г.

4.

Незабвенный Николай Петровичъ. Прилагаемая при семъ копія доставлена отцемъ Кузьмой Прокофьичемъ [3]), а я придумалъ послать ее къ Вамъ. Видно начальникъ Каза-

[1]) Впослѣдствіи Харьковскій Архіепископъ.
[2]) Гордій Семеновичъ Саблуковъ.
[3]) Священникъ с. Елышева, Мамад. уѣзда, изъ татаръ. Упоминаемая здѣсь копія состоитъ изъ письма майора Михайлова въ Елышевское волостное правленіе и изъ справки о татаринѣ рядовомъ Семеновѣ, оказавшемся по метрическимъ книгамъ записаннымъ въ православіи.

линской команды майоръ Михайловъ, какъ истый русскій, возмутился домогательствомъ рядового Семенова выйти въ магометанство и, повидимому, онъ уничтожитъ такую затѣю. Но въ предѣлахъ или лучше—въ войскахъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства много можетъ быть солдатъ изъ крещеныхъ татаръ нашего поволжья и покамья, а равно въ числѣ казаковъ могутъ быть нагайбаки, грамотные и болѣе или менѣе образованные. Будь они крѣпки въ православіи, они могли бы составить нѣкоторую силу полезную, а въ противномъ случаѣ—силу вредную. Было бы полезно поставить въ извѣстность военнаго главнаго начальства, а чрезъ него и начальниковъ отдѣльныхъ частей, и обратить вниманіе на крещеныхъ татаръ и нагайбаковъ въ войскахъ, слѣдить за ихъ религіозностью и другими сторонами и въ случаѣ благонадежности—давать имъ какое-либо движеніе или употреблять ихъ, наприм. толмачами. Имъ легко усвоить мѣстныя татарскія нарѣчія. Нельзя-ли какъ узнать о дальнѣйшей судьбѣ Семенова? Если Вамъ при Вашихъ разъѣздахъ приведется быть въ Казалѣ [1]), то Вы познакомьтесь съ почтеннымъ майоромъ. О. Кузьма доставилъ мнѣ интересныя свѣдѣнія, какъ проходила партія (человѣкъ въ 250) плѣнныхъ турокъ мимо Елышева въ Вятскую губернію, какіе были пущены заблаговременно толки, якобы турки въ три сажени ростомъ, въ плечахъ—3 аршина, между глазами —три вершка. Но когда ихъ увидѣли въ натурѣ въ самомъ мизерномъ видѣ, сначала ошалѣли, а потомъ перешли въ жалостное настроеніе.

Но любопытнѣе другая штука, доставленная мнѣ имъ же (о. Кузьмой). Одинъ татаринъ изъ деревни верстахъ въ 30 отъ Елышева ходилъ по Саврушамъ съ книгами и жезломъ и проповѣдывалъ, а за нимъ народу саврушскихъ крещенъ, словно за медвѣдемъ. Стражникъ у него отобралъ и жезлъ и книги и доставилъ о. Кузьмѣ, а сей—мнѣ. Книги—афтіекъ, сонникъ, нѣкіе рукописные стихи религіознаго содержанія, таблица аяти-курси и еще кое-что. Но палка... Начнемъ снизу. Это желѣзное копье (какъ у странниковъ), затѣмъ на стержнѣ въ продолбленныя квадратныя дырки

[2]) Городъ Казалинскъ на Сыръ-Дарьѣ.

вставлены палочки въ видѣ лѣстницы о 10 ступенькахъ, потомъ дощечка съ $^1/_4$ листа, надъ этой дощечкой какъ бы модель минарета. Матеріалъ и работа—самодѣльные. Это, изволите видѣть, походная мечеть, такъ что, если ее водрузить въ нары или землю и молиться передъ ней, то савабъ [1]) все равно, что за молитву въ мечети.—Я не рѣшаюсь дать этимъ интереснымъ вещамъ огласку, а то, пожалуй, станутъ судить того татарина, да оправдаютъ, да и велятъ возвратить ему эти вещи. И будетъ послѣднее горше перваго.

В. А. Поповъ [2]) съ 1 января 1878 г. сдѣлался инспекторомъ въ уѣздахъ Тетюшскомъ, Свіяжскомъ, Казанскомъ и Царевококшайскомъ. Вотъ онъ и поѣхалъ по заволжью, и въ числѣ своихъ открытій привезъ: а) восхищеніе о дѣятельности Казанскаго (помните забулдыгу-то), б) а Фрола Мальгина [3]) крайне не возлюбилъ за его пререканія съ священникомъ. И теперь В. А. трубитъ на всю Казань, что вотъ-де изъ учительской семинаріи какіе выходятъ неблагонадежные. Это онъ первымъ долгомъ сообщилъ Ил. Ал. Износкову (ну, по службѣ такъ и слѣдуетъ), потомъ Ив. Як. Яковлеву, потомъ нашъ о. Никифоръ [4]) слышалъ это его разглагольствованіе у Вл. Григ. Соколова [5]); конечно В. А. не преминулъ подѣлиться своей интересной находкой со своимъ тестемъ. Еще я слышалъ отъ Ил. Александровича, что В. А. будто бы самъ ему высказывалъ свое убѣжденіе, что инородческій языкъ вовсе не нуженъ въ инородческихъ школахъ.—Вотъ поди и угадай человѣка. Это бы еще ничего, но мнѣ-то немножко странно, что онъ же заходилъ ко мнѣ, когда еще собирался переходить на эту должность, и ради вѣроятно captatio benevolentiae, чтобы я рекомендовалъ его директору Износкову, обѣщался, что будетъ руководиться въ инородческомъ дѣлѣ моими совѣтами. Вотъ тебѣ и совѣ-

[1]) Савабъ—награда.

[2]) Изъ воспитанниковъ Каз. академіи XIII курса. † 1879 г.

[3]) Казанскій и Мальгинъ, бывшіе воспитанники Казанской учительской семинаріи, учившіеся у Н. П. Остроумова.

[4]) Законоучитель семинаріи, потомъ епископъ Архангельскій, Смоленскій, Орловскій—Никаноръ.

[5]) Священникъ г. Казани.

ты! Когда тонутъ, топоръ сулятъ, а какъ вылѣзъ изъ воды, то и топорища жаль. Ну, значитъ, это фатализмъ.

Преосвященный предсѣдатель совѣта братства св. Гурія Іоаннъ переведенъ въ Кіевъ. Лишь получены были письма частныя, но вѣрныя, отъ его петербургскихъ благожелателей, онъ, по окончаніи засѣданія совѣта 31 января, заявилъ, нельзя ли, въ виду его перевода, теперь же постановить о замѣщающемъ его предсѣдателѣ. Но, такъ какъ оффиціальнаго еще не было указа о переводѣ его, то и условились партикулярно, что предсѣдательскую должность будетъ исполнять Гавр. Ив. Горталовъ, и что какъ только получится указъ, то Н. И. Золотницкій, нашъ дѣлопроизводитель, составитъ летучій протоколъ и разошлетъ членамъ совѣта для подписи: такъ уже и сдѣлано. У насъ въ Казани викаріемъ будетъ какой-то Павелъ.—Кружковъ Діомидъ у меня былъ съ своей женой. Женился онъ на крестьянской дѣвушкѣ, своей однодеревенкѣ, и уже нарядилъ ее въ нѣмецкое платье. Самъ сталъ поживѣе.—А знаете ли? Шебаловъ по отчетамъ инспектора прописанъ въ числѣ лучшихъ, а Діомидъ не прописанъ: просто чудеса! [1])

Вотъ я сижу такимъ образомъ и размышляю о суетѣ міра. Благо, остался одинъ, такъ никто не мѣшаетъ. А лучше бы, если бы Вы были: съ Вами лично я понаговорилъ бы гораздо больше, безъ конца.

Отъ Васъ ничего давно нѣтъ. Если бы было что, то мнѣ бы передали, Софійскій бы прибѣжалъ. Видно, Вы за дѣла принялись многочисленныя. Дай Богъ Вамъ здоровья, успѣха и главное душевнаго мира. Какъ Вамъ entente cordiale съ главнымъ инспекторомъ?—Гордій Семеновичъ на дняхъ окончилъ печатаніе Корана, принимается за приложенія.

6 февраля 1878 г.

---

[1]) Діомидъ Кружковъ и Шебаловъ—бывшіе воспитанники учительской семинаріи.

5.

20 февраля утромъ телеграфъ сообщилъ намъ, казанцамъ, даже закабанской семинаріи нашей, извѣстіе о подписаніи мира 19 февраля. Такое замѣчательное совпаденіе! Семинарія возликовала, во-первыхъ огласилась единодушнымъ ура, во-вторыхъ отслужила благодарный молебенъ, въ третьихъ послѣднихъ двухъ уроковъ уже не было. Это случилось на экспромптъ, по собственному семинаріи почину, но вечеромъ уже я прочиталъ циркулярное распоряженіе попечителя, чтобы, по случаю мира, отслужить молебенъ и прекратить ученье на всю масленицу. Значитъ, три дня: понедѣльникъ, вторникъ и среда, празднуются ради мира. Въ городѣ иллюминація и флаги. Намъ что дѣлать?—Освѣтили почти всѣ комнаты нижняго этажа свѣчками (по одной на окно), классы сами по себѣ блистаютъ отъ здоровыхъ лампъ; а чтобы церковь наша не выглядывала снаружи чернымъ пятномъ среди свѣтлыхъ сторонъ, нашъ почтенный староста зажегъ паникадило да всѣ лампадки, а на второй вечеръ—еще на окнахъ въ церкви затеплилъ по десятку свѣчъ восковыхъ: словно пасхальная утреня! При такомъ освѣщеніи совершалась 20 и 21 чиселъ вечерняя наша молитва. Ребята воодушевились и пѣли всѣ необыкновенно дружно и энергично, само собой что стройно. Такъ среди такого ликованія русскаго мнѣ вдругъ пришли на мысль и воображеніе Вы, Николай Петровичъ. И я Вамъ написалъ нѣсколько простыхъ, но право, изъ глубины сердечной, строкъ на книгахъ, вмѣстѣ съ симъ посылаемыхъ. Чувство—чувствомъ, а и польза нѣкая есть. Это переведено съ моего изданія Бабера, которое у Васъ есть, и можетъ поэтому служить пособіемъ къ изученію джагатайскаго текста Бабернамэ. Посылаемый Вамъ экземпляръ мнѣ былъ презентованъ извѣстнымъ ученымъ оріенталистомъ Шефероmъ, а переплетенъ въ семинарской мастерской. Но недавно мнѣ прислалъ уже переводчикъ, Паве-де-Куртель еще другой экземпляръ. Вотъ я отъ избытка Вамъ и посылаю переплетеный, для памяти о семинаріи со стороны ремесла. Но, къ сожалѣнію, Иванъ Павловичъ расклеился. Онъ теперь живетъ на квартирѣ на Малой Проломной, и пришлось ему ходить на ранніе-то уроки послѣ чаю, да и вечеромъ его тянуло взглянуть на

работы въ мастерскихъ: онъ и простудилъ гортань. Докторъ его засадилъ въ квартирѣ безвыходно. Но есть надежда, что до слишкомъ серьезнаго не дойдетъ, чего и дай Господи!

Н. А. Воскресенскій простился со мной въ воскресенье 12 февраля, а 13 утромъ выѣхалъ изъ Казани. Онъ думалъ заѣхать къ роднымъ, потомъ черезъ Симбирскъ въ Самару и т. далѣе. Къ Вамъ онъ преданъ до безконечности и человѣкъ съ душой и горячностію.—Но пока кончу... Гордій Семеновичъ Коранъ напечаталъ, теперь уже приступлено къ приложеніямъ. Вся семинарская братія Вамъ усердно кланяется. Печатаніе сборника А. Павловича подвигается впередъ; теперь уже печатается 12 листъ [1]).

22 февраля 1878 г.

6.

Ваше послѣднее письмо опоздало, а Кунъ былъ у меня раньше того письма цѣлымъ днемъ. Дѣло было такъ. Въ ночи съ Троицына на Духовъ день, часу во 2 Ивановна принесла мнѣ телеграмму отъ Куна изъ Самары. Кунъ писалъ, что онъ вечеромъ (на Троицу-то) выѣзжаетъ на Меркурьевскомъ пароходѣ, и такъ какъ этотъ пароходъ долженъ простоять цѣлую ночь у Казани, то онъ (Кунъ) постарается явиться ко мнѣ, и просилъ меня устроить, если возможно, свиданіе его съ Мироніевымъ и другими студентами Академіи, желающими принять участіе въ инородческомъ дѣлѣ Туркестанскаго края. Въ 7 часовъ утра я поѣхалъ въ Академію, засталъ Мироніева еще въ постелѣ, предъявилъ ему телеграмму и пригласилъ къ себѣ его; а онъ предложилъ, не нужно ли взять съ собой Софійскаго и другихъ. Часовъ въ 7 вечера пришли ко мнѣ четверо: Мироніевъ, Софійскій, еще одинъ (Агрономовъ) изъ Касимова, и еще одинъ (Поздневъ) изъ Астрахани—все Ваши ученики. Мироніевъ запасъ докладную записку Куну. Вотъ мы сидимъ и ждемъ, долго ждемъ. Пошелъ дождь, а во весь день былъ сильный вѣтеръ. Наконецъ часовъ въ 9 ночи подкатилъ въ крытыхъ дрожкахъ Кунъ съ Ив. Як. Яковлевымъ. Я увидѣлъ ихъ изъ окна своего кабинета и выбѣжалъ встрѣчать дорогихъ гостей. Съ Александромъ Людвиговичемъ мы любезно расцѣловались, и онъ тутъ же громогласно благодарилъ меня во 1-хъ за Николая Петровича, а потомъ г. Воскресенскаго. Начались обоюдные комплименты. Я пригласилъ его въ залу, и представилъ ему Мироніева и прочихъ студентовъ, съ которыми онъ обошелся очень ласково. Самъ онъ сѣлъ на кресло самое около стола послѣднее, а студентовъ посадилъ кого на диванъ, кого на кресла—всѣхъ выше себя. Я ихъ и оставилъ пока бесѣдовать однихъ, а самъ пошелъ на молитву. Тутъ я, послѣ молитвы, отрывался то за чаемъ, то за закуской, и не принималъ постояннаго участія въ разговорѣ. Но все время у Куна со студентами шелъ разговоръ довольно живой и любезный. Кунъ частію коснулся и политики. Нужно Вамъ замѣтить, что еще днемъ, въ виду визита Куна, я подобралъ всѣ Ваши письма. Относительно Васъ онъ еще раза два отзывался весьма сочувственно, пожалѣлъ только о Вашей мнительности и что для Васъ, какъ все занимавшагося профессорствомъ, трудно было сразу перейти на административную должность. О какихъ бы то ни было недоразумѣніяхъ ни слова. Онъ сказалъ, что радъ принимать студентовъ Казанской Академіи, и министръ н. просвѣщенія ему будто бы лично сказалъ, что кого бы Н. И. Ильминскій ему ни отрекомендовалъ, онъ, министръ-то, радъ всѣхъ опредѣлить безъ сомнѣнія. Чаю Кунъ попилъ, а вина никакого не пилъ, а только малость закусилъ, такъ что объизъянился совершенно напрасно. Кунъ посидѣлъ у меня часовъ до 12 и уѣхалъ на пароходъ, а за нимъ и сту-

[1]) Книга, о которой упоминается въ этомъ письмѣ, есть французскій переводъ, изданнаго Н. И. Ильминскимъ, тюркскаго текста записокъ султана Бабура, подъ заглавіемъ: „Mémoires de Baber (Zahir-ed-din Mohammed), fondateur de la dinastie mongole dans l'Hindostan. Traduits pours la première fois sur le texte djagatai. Par A. Paret de Courteille, professeur au college de France. Paris, 1871. Tomes. I et II.

На первомъ томѣ этого изданія Николай Ивановичъ своей рукой написалъ: „Дорогому и незабвенному Николаю Петровичу Остроумову, въ знакъ глубокаго и искренняго сочувствія и уваженія, и въ память перваго извѣстія о подписаніи мира въ Санъ-Стефано, 20 февраля 1878 года. Николай Ильминскій. Казанская Учительская Семинарія на Кабанѣ.

денты отправились во-свояси. Тутъ только мнѣ удалось перемолвиться съ Иваномъ Яковлевичемъ,

Да,—Кунъ сказалъ, что торопится въ Петербургъ, чтобы застать военнаго министра, чтобы получить отъ него разрѣшеніе употребить сумму на открытіе учительской семинаріи изъ доходовъ Ферганской области, а эти доходы, по закону, могутъ идти только на нужды и въ предѣлахъ Ферганской же области и т. д.

Такъ черезъ день я получаю Ваше письмо, въ которомъ дѣло идетъ между прочимъ о Коранѣ Гордія Семеновича; но, къ счастію, объ Алкоранѣ не было и рѣчи.

18 Мая долженъ былъ проѣхать мимо Казани въ Вятку министръ нар. просвѣщенія. Всѣ должны были встрѣтить его на пристани утромъ. Попечитель Шестаковъ велѣлъ мнѣ приготовить два мнѣнія: 1) о транскрипціи, старый вопросъ, который графъ Д. А. Толстой предлагалъ на разсмотрѣніе факультета восточныхъ языковъ, и факультетъ большинствомъ далъ отзывъ, что нужно точно держаться русской азбуки безъ измѣненій и дополненій; 2) о муллахъ, что ихъ слѣдуетъ обязать учиться русскому языку. Это было мнѣніе министерства, а какой-то членъ государственнаго совѣта возразилъ, что это-де не согласно съ вѣротерпимостію и гуманностію. Я, по возможности, приготовилъ тотъ и другой. Ну, вотъ 18-то министръ пріѣхалъ на устье; мы всѣ въ мундирахъ явились. Попечитель отправился съ Его Сіятельствомъ на ревизію учебныхъ заведеній Вятской губерніи (гдѣ министръ всѣмъ остался вполнѣ доволенъ. На пути, въ каютѣ попечитель докладывалъ министру массу дѣлъ по университету и по округу. Въ томъ числѣ онъ докладывалъ и мой отзывъ по вопросу о транскрипціи и наконецъ министръ согласился оставить дѣло statu quo. При этомъ былъ у нихъ долгій разговоръ, во время котораго графъ о Кунѣ выразился, что онъ „болтунъ“, этимъ давая знать, вѣроятно, или его многорѣчіе, или пусторѣчіе, или и то и другое вмѣстѣ.—Это мнѣ сказалъ попечитель при Радловѣ, и я намоталъ себѣ на усъ, на всякій случай.—Что же теперь дѣлать? Пусть Кунъ, какъ человѣкъ ходкій, выхлопатываетъ Миропіева на службу по учебному вѣдомству Туркестанскаго края. Какъ я вамъ доселѣ ничего не писалъ по той глупой и несчастной причинѣ, что вообще лѣнивъ писать и наконецъ совершенно лишился одушевленія, такъ я

не писалъ о Вашихъ дѣлахъ и къ графу. Прямо писать ему о Кунѣ я опасался, не прослыть бы сплетникомъ и не лишиться бы довѣрія, а главное, чтобы не навлечь на Васъ же подозрѣнія со стороны графа въ подкапызаніи подъ Куна. Теперь послѣ вышеприписаннаго словца графа, я могу смѣлѣе писать, и я собираюсь писать, но поноровлю поаккуратнѣе, чтобы рѣзкими выраженіями не оттолкнуть высокаго и деликатнаго слуха, который вообще не терпитъ рѣзкостей, а деликатнымъ образомъ выставить дѣло. Впрочемъ стану изображать Васъ и Вашихъ казанскихъ учениковъ—студентовъ академіи со стороны умственнаго развитія, знанія дѣла азіатскаго и патріотизма, и буду просить, чтобы, какъ можно, больше туда напустить изъ воспитанниковъ Казанской академіи. Это вѣдь и есть главная цѣль и суть дѣла. Графъ теперь въ своемъ Рязанскомъ имѣніи—Лѣсицахъ, и туда ему я и буду писать, чтобы прочиталъ на досугѣ.

Разсуждая о дѣлахъ Вашихъ, я какъ бы забылъ о своихъ. Вамъ уже вѣрно извѣстно, что мы схоронили Ив. П. Сердобольскаго. Онъ своими непрерывными трудами по преподаванію и по мастерскимъ, разными нескладностями въ семинаріи, которыя его всегда глубоко трогали, надорвалъ уже давно свои силы. Потомъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ онъ простудилъ горло. Въ ноябрѣ-то онъ сошелъ изъ семинаріи на квартиру и долженъ былъ являться въ семинарію на первые часы, по росписанію. Онъ отъ этого и простудилъ себѣ горло-то. Сначала не обратилъ на то особеннаго вниманія,—хрипитъ и ничего. Дальше хуже. Съ половины февраля онъ засѣлъ безвыходно въ квартирѣ. Но преподаваніе велъ посредствомъ письменныхъ задачъ. Среди поста ему велѣно было брать ванны, онъ и переѣхалъ въ семинарію и помѣстился въ ту комнатку, гдѣ прежде была канцелярія, а рядомъ съ ней комнатка для ваннъ съ кубомъ. Въ это время переплетались для Васъ Алкораны, онъ самъ распорядился, какъ что сдѣлать. Онъ ужъ говорилъ чуть слышнымъ шопотомъ, голосъ пропалъ совсѣмъ: у него отъ простуды-то явились язвинки на голосовыхъ связкахъ. Недѣли двѣ онъ прожилъ въ семинаріи, потомъ уѣхалъ опять на квартару. Пасху былъ чуть-чуть,—совсѣмъ высохъ, аппетиту никакого, даже чай опротивѣлъ. Но онъ постоянно сильно работалъ головой. По ночамъ ему особенно бывало трудно. Разъ вечеромъ сидимъ мы съ нимъ на диванчикѣ, онъ и го-

воритъ: какъ бы теперь съѣздилъ я, посмотрѣлъ бы на семинарію, хоть бы на минуточку. Но (вдругъ прибавилъ одушевясь) 9-го мая, ужъ во что ни станетъ, а я къ Вамъ непремѣнно пріѣду. Я пошелъ отъ него и думаю, что это значитъ. Такъ и случилось: 7-го мая въ $2^1/_2$ ч. утра онъ скончался, и 9-го мая мы при печальной процессіи принесли его въ семинарію—отпѣвать; похоронили рядомъ съ матерью—Вѣрой Ивановной. Такъ не стало нашего знамѣнитаго дѣятеля—столпа семинаріи, безъ него осиротѣли и мастерскія. Въ болѣзни, когда онъ не думалъ, что болѣзнь его такая рѣшительная и умъ его былъ чистъ и дѣятеленъ, онъ писалъ по ариѳметикѣ, вотъ эти статьи я сбираюсь напечатать. Я отупѣлъ съ его кончины. Александръ Павловичъ, повидимому крѣпившійся, былъ, разумѣется, убитъ горемъ. Александръ Павловичъ теперь на водахъ въ Старой Руссѣ, онъ и предъ отъѣздомъ мнѣ говорилъ, а потомъ изъ Руссы писалъ, чтобы ему похлопотать у попечителя мѣста инспекторскаго,—въ Казанской губерніи открывается съ новаго 1879 года еще одно инспекторское мѣсто. Я не прочь отъ этого. Видимо Ал. Павловичъ утомился въ семинаріи; быть можетъ подвижная и разъѣздная инспекторская служба оживитъ его здоровье. Онъ конечно вездѣ будетъ полезенъ, но семинарія-то потеряетъ въ немъ очень много, чтобы не сказать все. Да, Николай Петровичъ, я имѣлъ глупость проводить Васъ, это было начало болѣзнемъ для семинаріи. Я оставленъ еще на 5 лѣтъ въ семинаріи съ 16 іюля 1877 года; какъ-то я проведу остальные четыре года? Читая и представляя Ваши печали, я даже подъ часъ завидую Вамъ: Вы страдаете отъ другихъ, а я страдаю самъ отъ себя; я уложилъ въ могилу отличнѣйшаго человѣка; я не умѣю добрыхъ людей ни направить, ни сдержать, ни одушевить,—о горе, горе мнѣ окаянному! Эта мысль о моей безполезности для семинаріи, о моемъ рѣшительномъ безсиліи меня окончательно убиваетъ; я опѣшилъ, осовѣлъ, сталъ совсѣмъ тряпкой.—Въ добавокъ къ моему горю теперь какъ-то со всѣхъ сторонъ нападки на инородческое дѣло: вездѣ отрицаютъ инородческіе языки, и въ Казани, и въ Симбирскѣ, и въ Вяткѣ, и повсюду. У насъ все такъ идетъ: ни одна идея не продержится у насъ не толъко до конца, по даже нѣсколько лѣтъ. Сейчасъ все забывается, все измѣняется. У насъ въ братствѣ все стало на точкѣ замерзанія. Теперь

предсѣдателемъ Гавр. Ив. Горталовъ, пріѣхалъ новый Викарій Павелъ,—говорятъ, хорошій человѣкъ, говорунъ, живой. Авось при немъ дѣло пойдетъ получше, но едвали. Ну, вотъ однакожъ я своей-то хандры напоролъ Вамъ короба три, а у Васъ конечно своего горя и затрудненій не оберешься. Итакъ я съ своей хандрой оканчиваю и ставлю точку.

Частію Кунъ мнѣ передавалъ на словахъ, а теперь ужъ и въ газетахъ пишутъ, что у Васъ составляется походъ къ Афганистанской границѣ. Вчера въ газетахъ вычиталъ я, что, когда конгрессъ раздѣлялъ кому и что, и Россіи доставался Батумъ, да и то безъ укрѣпленій, и частица Арменіи, Англичане заключили секретно отдѣльно договоръ съ Султаномъ, условившись защищать его отъ русскихъ, а сами за это получаютъ Кипръ и протекторатъ налъ Малой Азіей. Отсюда слѣдуетъ, что мы или еще малы умомъ и слабы мозгами, но только что бы мы ни затѣяли, всегда Англичане извлекутъ выгоду, а мы останемся въ дуракахъ. Такъ и эта затѣя противъ Индіи, какъ бы не обратилась намъ же во вредъ. Мнѣ кажется, слѣдовало бы сначала хорошенько утвердить въ Средней Азіи свое вліяніе и физически и нравственно, и уже тогда приниматься за что-либо серьезное, а иначе насъ изъ Средней Азіи сдунутъ, аки паутину. Вотъ мнѣ весьма не нравится, что о Кульджѣ печатаютъ, что она-де занята Россіей временно, а послѣ должна быть возвращена китайцамъ; а область весьма богатая дарами природы. Зачѣмъ ее отдавать? А если не думаютъ отдавать, зачѣмъ такъ писать? И кого думаютъ обмануть такими писаніями? Кто повѣритъ?

Наконецъ я прибавлю, что Софійскій мнѣ тогда еще доставилъ Вашего словаря нѣсколько тетрадей, но далеко не весь; то, что мнѣ доставлено, было переписано не совсѣмъ тщательно, есть явныя ошибки, но эти ошибки или лучше описки сейчасъ видно, и онѣ могутъ быть исправлены даже въ корректурѣ. Вотъ когда рукопись будетъ вся кончена, тогда мы примемся за ея печатаніе.—Что касается матеріаловъ сартскаго языка, Вы собирайте, чтобы составилось что-нибудь цѣльное, собирайте больше народное, непосредственное, или покрайней мѣрѣ устно пересказанное простыми безграмотными сартами, чтобы по возможности не было книжной примѣси.—Письмо Ваше изъ Самарканда весьма интересно: отчетъ о школѣ тоже, но увы! какая безпомощность

наша и недостатокъ въ людяхъ!—Не найдете ли крещеныхъ татаръ? Можно бы къ Вамъ и прислать кого-нибудь, а то все магометане. Ну, пока кончу, а продолженіе впредь.

Николай Петровичъ, Вы пожалуйста простите меня, что я такъ лѣниво пишу къ Вамъ; право, я искренно сочувствую Вамъ, Вашимъ патріотическимъ идеямъ, и дай Богъ Вамъ ихъ осуществить. Казань Васъ навѣки помнитъ.

Письмо печатаю печатью съ буквами № 5, и птичка съ вѣткой оливковой въ знакъ мира и благословенія Божія, которое и да будетъ съ Вами! Какъ Вы сошлись со старцемъ Константиномъ Петровичемъ?[1]) Теперь, вѣроятно, онъ занятъ походомъ и недосугъ ему вникнуть въ Ваши дѣла.

7.

Симпатичнѣйшій труженикъ Николай Петровичъ. Получилъ я отъ А. Л. Куна письмо отъ 29 октября. Чтобы не переврать въ изложеніи его, сочелъ я лучшимъ препроводить къ Вамъ цѣликомъ. На меня оно произвело благопріятное впечатлѣніе. Вотъ я и попросилъ И. М. Софійскаго къ себѣ для совѣщаній. Но Илья Михайловичъ, по прочтеніи письма, не обнаружилъ никакого увлеченія, замѣтя, что у Куна слова слишкомъ дешевы. Видите ли, въ „Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ» было напечатано извѣстіе, „изъ вѣрнаго источника“, что будто духовныя училища будутъ преобразованы въ просеминаріи, и учителя будутъ кончившіе курсъ академій. Жалованье и рангъ службы конечно тоже повысятся. Это для замѣщенія окончившихъ курсъ академій, но коимъ не достаетъ мѣстъ въ семинаріяхъ. По мнѣнію Ильи Михайловича, Кунъ услышалъ эту повѣсть и вздумалъ заблаговременно закабалить академистовъ. Онъ еще высказалъ, что изъ нихъ четверыхъ (Софійскій, Поздневъ, Агрономовъ и Пятницкій) первые двое непремѣнно желаютъ поступить на службу въ Туркестанскій край, а Агрономовъ и Пятницкій сомнѣваются, желаютъ хорошенько и опредѣлительнѣе знать условія и положеніе службы, и чтобы жалованья было побольше. Долго мы съ Ильей Михайловичемъ толковали, какъ же мнѣ отвѣчать Куну. На другой день я ему изложилъ: 1, что нужно обезпечить академистовъ, поступающихъ въ двухклассныя училища какъ жалованьемъ, такъ и правами службы. Въ печатныхъ правилахъ (которыя онъ прислалъ ко мнѣ) сказано, что въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ жалованье въ $1^1/_2$ раза противъ жалованья соотвѣтственныхъ должностей во внутреннихъ губерніяхъ, а объ низшихъ училищахъ сказано, что въ нихъ жалованья отъ 300 до 900 руб. Я и настаиваю, чтобы для окончившихъ академическій курсъ жалованье было именно 900 руб.; а служебныя права сравняли бы съ учителями среднихъ учебныхъ заведеній, ибо они, по своему образованію, имѣютъ право занять учительскія мѣста въ сихъ послѣднихъ. Я сильно на эту статью настаивалъ. А онъ вѣдь человѣкъ настойчивый и энергичный; онъ, какъ главный инспекторъ края, можетъ оффиціально хлопотать объ этомъ. Надѣюсь, что ему удастся это и выхлопотать. О студентахъ писалъ, что Софійскій и Поздневъ безусловно согласны ѣхать на службу въ Туркестанскій край, а другіе двое еще колеблются сомнѣніями, которыя разрѣшатся, если будутъ предоставлены вышеупомянутыя мною права для нихъ. Относительно его стремленія обставить учительскую семинарію людьми вѣрой и правдой и т. д.; я ему тоже пояснилъ, что дѣйствительно директора (разсчитывая, что это будете Вы) непремѣнно слѣдуетъ обставить людьми издавна къ нему близкими по образованію и складу мыслей и направленію,—что де при отсутствіи внутренняго единомыслія между воспитывающей корпораціей въ учительской семинаріи невозможно воспитательное значеніе семинаріи, которое однако въ ней главное.

Сообщу теперь Вамъ нѣчто о нашей семинаріи, которая Васъ, безъ сомнѣнія, по прежнему интересуетъ. Схоронили мы Ивана Павловича,—потеря конечно невознаградимая. Трудно найти такую разностороннюю способность, такую точность, пытливость и силу мысли, такую самоотверженность для семинаріи и т. д. На мѣсто его поступилъ Н. А. Бобровниковъ, который кончилъ курсъ въ 1877 году въ маѣ, отбылъ военную службу, какъ вольноопредѣляющійся, состоялъ рядовымъ, портупей-юнкеромъ и достигъ чина прапорщика, но началъ харкать кровью, поэтому вышелъ за болѣзнію въ от-

[1]) Разумѣется генералъ—губернаторъ фонъ-Кауфманъ I.

ставку, полѣчился въ Старой Руссѣ. Въ половинѣ Іюля онъ опредѣленъ учителемъ математики въ Казанскую учительскую семинарію. Какъ въ военной службѣ онъ тщательно (выполнялъ) свои обязанности, такъ и въ семинаріи теперь усердно ведетъ преподаваніе, особенно ему нравится заниматься съ третьимъ классомъ. Вы помните курсъ Тихонова,—Вы ихъ учили въ 1-мъ классѣ. Курсъ остался маленькій—25 человѣкъ; изъ числа ихъ Тороповъ Владиміръ и Загибенинъ умерли чахоткой. Этотъ курсъ въ прошломъ учебномъ году былъ любимый у Ивана Павловича, и онъ ихъ сильно заправилъ. Поэтому они и ловко слѣдятъ за преподаваніемъ Бобровникова, а сей по возможности старается держаться методы покойника.—Мастерскія еще очевиднѣе осиротѣли. Сначала почти думалось прекратить ихъ; но Александръ Павловичъ сказалъ, что надо продолжать, потому что мастера все тѣ же, которыхъ нашелъ покойный и самъ ихъ приноровилъ и воспиталъ —они и будутъ продолжать въ томъ же направленіи; а что, если теперь закрыть заведеніе, отпустить этихъ мастеровъ, послѣ того новыхъ-то и не найдешь,—дѣло пропадетъ окончательно. И пошли по маленьку; теперь впрочемъ Александръ Павловичъ принялъ на себя завѣдываніе мастерскими,—хлопочетъ и своей энергіей поддерживаетъ по крайней мѣрѣ дѣятельность. Александръ Павловичъ-то нѣтъ нѣтъ, да и недомогаетъ, а лѣтомъ совсѣмъ было собрался оставить семинарію. Я окончательно палъ духомъ, но потомъ, дай Богъ ему здоровья, прежняя любовь къ семинаріи препобѣдила всѣ сомнѣнія и недуги—и опять дѣйствуетъ по старому. Крещено-татарская школа въ нынѣшнемъ году преобразована въ двухклассный составъ, съ отпускомъ изъ казны 600 руб. на жалованье двоимъ учителямъ (по 300 каждому), однакоже оставляя школу въ качествѣ заведенія частнаго.—Праздновали мы въ Братствѣ общее собраніе 19 октября. По выбытіи Преосвящ. Іоанна предсѣдателемъ былъ Гавр. Ив. Горталовъ, теперь же выбранъ преосвящ. Павелъ, новый викарій Казанскій. Онъ еще молодъ, малороссъ, живой и говорунъ. Можно надѣяться, что онъ дѣло оживитъ и подвинетъ. Но должно сознаться, что прежнее свѣжее одушевленіе къ Братству значительно остыло: такова участь у насъ всѣхъ общественныхъ предпріятій, все хорошо въ новинку, а потомъ все больше холодѣетъ и черствѣетъ.

11 Ноября 1878 года.

У насъ татары оканчиваютъ курсъ, а мѣстъ почти вовсе нѣтъ. Не пригодятся ли они Вамъ для киргизскихъ и сартскихъ училищъ, въ видѣ помощниковъ учителей хотя бы, съ содержаніемъ рублей по 300 въ годъ. Я, быть можетъ, и проводилъ бы къ Вамъ Евдокимова и подобныхъ. Напишите.

8.

Предоставляя писать въ непродолжительномъ времени особо, теперь ограничусь докукой слѣдующаго содержанія: „Сборникъ“ Александра Павловича Сердобольскаго и его „Книжка“ одобрены Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія: „Книжка“—для начальныхъ училищъ, а „Сборникъ“ для учительскихъ институтовъ, учительскихъ семинарій, для городскихъ и сельскихъ двухклассныхъ училищъ. Такъ какъ „Книжку“ (извлеченіе изъ „Сборника“ же) А. П. печаталъ всего тысячу ради Василія Тимофеевича, Иліодора Александровича и Ивана Яковлевича, и они сразу взяли у него всѣ экземпляры „Книжки“-то, то А. П. вздумалъ вновь изцать оную въ числѣ тысячъ трехъ, предполагая, что добрые люди не оставятъ его изданіе безъ вниманія. Вы, напримѣръ, сообразивъ число школъ начальныхъ Вашего вѣдомства, увѣдомьте Александра Павловича, сколько Вамъ понадобится экземпляровъ „Книжки“ и сколько „Сборника“. Теперь что-то голова у меня уставши, не знаю съ чего. Но я постараюсь скоро писать Вамъ о перепискѣ моей съ Куномъ.

Судя по газетнымъ сплетнямъ, англичане сильно вооружились противъ К. П. Фонъ Кауфмана. Мнѣ еще раньше (чѣмъ въ газетахъ писано) писалъ одинъ изъ Петербурга, что тамъ ведутъ нѣкоторые интригу противъ Вашего главнаго начальника края, подкапываются подъ него, и не знаю, говоритъ, чѣмъ это все кончится. Не дай Богъ, чтобы его отозвали отъ Васъ. Онъ такъ русское-то дѣло твердо и грозно держитъ, что едва ли кто можетъ замѣнить его. — Афганскія дѣла повернулись повидимому плохо, да и Кашкарскіе-то. Вамъ вѣроятно все это виднѣе, такъ какъ Вы ближайшіе со-

сѣди, а мы пробавляемся газетными частію недомолвками, частію измышленіями,

9.

Ваши письма, и между другими отъ 31 декабря и 1 января, получилъ, посылку Гордію Семеновичу Саблукову вручилъ какъ разъ 3 января. Дѣдушка, какъ нельзя болѣе, благодаренъ Вамъ, равно какъ и за воспоминаніе о немъ 1 января, на рубежѣ двухъ годовъ. Потомъ я получилъ обширное и интересное письмо отъ Н. А. Воскресенскаго, гдѣ онъ много распространяется о Васъ, разумѣется, съ душевнымъ къ Вамъ сочувствіемъ. Дорогой Николай Петровичъ! всѣ до одного сильно, душевно сочувствуютъ Вамъ, всѣ жалѣютъ Васъ отъ глубинъ сердечныхъ. Положеніе Ваше становится невыносимымъ. Вотъ на другой день, въ пятницу, т. е. вчера, я по своимъ дѣламъ явился утромъ къ попечителю, онъ былъ одинъ и никто не мѣшалъ намъ. Доложивши ему о своихъ семинарскихъ дѣлахъ, я началъ говорить о Васъ и Вашихъ отношеніяхъ къ Куну; онъ слушалъ съ очевиднымъ участіемъ. Когда я въ видѣ совѣта спросилъ его, не написать ли мнѣ графу, онъ сказалъ, что ни ни. Графъ, говоритъ, особенно терпѣть не можетъ, когда вступаются не въ свое дѣло, потомъ, графъ-де пойметъ, что я (Ильминскій) эти факты сообщаю съ Вашихъ же (Остроумова) словъ и почтетъ меня по меньшей мѣрѣ простофилей, можетъ заподозрить Васъ интриганомъ, подкапывающимся подъ Куна, чтобы занять его мѣсто; наконецъ-де графу неловко дѣлать какія-либо распоряженія помимо или вопреки генералъ-губернатору. Словомъ Петръ Дмитріевичъ положительно находитъ писаніе къ графу нетолько безполезнымъ, но и вреднымъ. Я сказалъ, что не писалъ доселѣ, все не могъ рѣшиться, чтобы дѣло не испортить. Но, сказалъ я, если Николай Петровичъ будетъ вынужденъ удалиться изъ Ташкента, можно ли разсчитывать на мѣсто въ Казанскомъ округѣ?—Онъ отвѣтилъ, что дастъ Вамъ мѣсто съ полнымъ удовольствіемъ, и что онъ и тогда жалѣлъ о Вашемъ отъѣздѣ, думалъ дать Вамъ мѣсто въ своемъ округѣ.

Тутъ я вставилъ такое замѣчаніе, что-де нѣтъ худа безъ добра, —Н. П. за то теперь получилъ о магометанствѣ и магометанскихъ народахъ понятіе основательное, полнѣе и глубже. Это—говоритъ—такъ. Въ концѣ концовъ онъ сказалъ такое соображеніе: за полученные усиленные прогоны и денежныя пособія Вы должны прослужить извѣстное число лѣтъ, и если раньше оставите тамошнюю службу, то должны будете заплатить. Поэтому слѣдовало бы дотянуть назначенный срокъ. Но-де имѣть дѣло съ начальникомъ, котораго нельзя уважать, хуже каторги для искренняго человѣка,—поэтому быть можетъ Н. П. окончательно невозможно жить тамъ, то ему (т. е. Вамъ) всегда будетъ въ округѣ мѣсто. А кстати, мнѣ въ отвѣтѣ на письмо мое съ заявленіями Софійскаго, Позднева и Агрономова (я писалъ отъ 30 Декабря, по полученіи Вашего письма, чтобы они просились въ Край) Кунъ отъ 21 января, увѣдомляя меня, что сдѣлаетъ представленіе графу, и просилъ, нѣтъ ли еще желающихъ изъ числа академистовъ, между прочимъ упомянулъ, что онъ останется въ Петербургѣ до 1 апрѣля, а потомъ отправится въ Ташкентъ. Такъ Вы, Николай Петровичъ, мужайтесь, имѣя на крайній случай заручку въ Казани.—Но, Николай Петровичъ, я вотъ что соображаю. К. П. Кауфманъ къ Вамъ видимо расположенъ, а Вашъ Н. А. Воскресенскій такое произвелъ на генералъ-губернатора впечатлѣніе своимъ киргизомъ, и К. П. 2 то января продержалъ его у себя весьма любезно около $2^1/_2$ часовъ. Это вѣдь что-нибудь значитъ. Очевидно, К. П. долженъ понять, что Вы вполнѣ подходите подъ его идеи патріотическихъ понятій и направленій, да и Ваши воспитанные и вызванные изъ Казани дѣятели похожи на Васъ: слѣдовательно въ случаѣ нападенія на Васъ со стороны Купа К. П. долженъ оказать Вамъ всякую поддержку; для Купа схватка съ Вами будетъ неудобна. А К. П. имѣетъ сильныя полномочія въ краѣ и по части учебной. Если ему придется выбирать между Вами и Куномъ, ужели онъ затруднится въ выборѣ? Иное дѣло, если здоровье Ваше и дорогого семейства не найдетъ должныхъ условій въ томъ краѣ. Но если смотрѣть на дѣло самое, тогда очевидно перевѣсъ долженъ быть на сторонѣ правой, т. е. на Вашей. Я еще имѣю въ виду слѣдующее обстоятельство. Вотъ уже двое Вашихъ учениковъ подвизаются въ Азіи —Н. А. Воскресенскій, который дѣло началъ и повелъ пре-

красно, и Миропіевъ, который пишетъ, что онъ привыкъ уже и вполнѣ доволенъ Самаркандомъ, ознакомился съ тамошними людьми и приводитъ училище въ порядокъ и начинается уже толкъ въ его школѣ. Къ августу или, по крайней мѣрѣ, къ сентябрю пріѣдутъ еще трое новыхъ молодцовъ—Софійскій съ братіей; въ теперешнемъ третьемъ курсѣ есть нѣсколько людей серьезныхъ и преданныхъ дѣлу,—они черезъ годъ тоже вѣроятно поѣдутъ къ Вамъ. Такимъ образомъ учебное вѣдомство Туркестанскаго управленія будетъ все болѣе съ каждымъ годомъ пополняться новыми, знающими и усердными дѣятелями. Вѣдь они собственно идутъ туда ради Васъ, но если укоренятся они, тогда и сами встанутъ на свои ноги, и Вы съ спокойной мыслію и полной надеждой можете оставить ихъ;—дѣло не потерпитъ по крайней мѣрѣ совершеннаго разрушенія.—Но если правду сказать, что у меня-то на душѣ, то какъ въ 1870 году Вы заступили меня и малые начатки привели по академіи-то въ развитіе и полноту, такъ я воображаю, что Казанская учительская семинарія отъ Васъ получила бы развитіе, которое требуетъ энергіи и практической зоркости и хозяйственности, и знанія съ одной стороны магометанскаго духа, а съ другой стороны чисто русскаго одушевленія, т. е. Вашихъ качествъ, а я уже становлюсь вялымъ и охладѣлымъ. Я бы и сейчасъ сдалъ оружіе подобному Вамъ человѣку, а любезнѣе всего Вамъ.—Итакъ, Николай Петровичъ, если вѣра въ сочувствіе казанцевъ можетъ Васъ поддержать нравственно на чужбинѣ, то вполнѣ вѣрьте, что казанскіе всѣ къ Вамъ относятся сочувственно, какъ нельзя больше—Мои семейные и семинарія съ Александромъ Павловичемъ во главѣ, всѣ Вамъ отъ души кланяются и семейнымъ Вашимъ.

Прочитавши въ концѣ моего письма разныя горестныя извѣстія не падайте духомъ, но помириться нужно съ особыми судьбами Промысла Божія.

10 Февраля 1879 года.

10.

Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!

Вчера я получилъ письма: Ваше отъ 8 Марта и Куново отъ 28 марта. Вотъ истинно необыкновенный случай: два письма съ двухъ противоположныхъ сторонъ свѣта и отъ личностей довольно несовмѣстимыхъ, да и содержанія почти противоположнаго.—Вы изложили свои чувства къ нему, Вамъ извѣстныя, а онъ Васъ чуть не до небесъ превозноситъ и пылаетъ къ Вамъ нѣжной страстью. Должно Вамъ сказать, что въ трехъ послѣднихъ письмахъ ко мнѣ онъ все Васъ задѣвалъ понемножку; то напишетъ: странный человѣкъ Н. П. О., и подчеркнетъ, то другое что-нибудь въ этомъ родѣ и тоже подчеркнетъ, а разъ онъ высказался пояснѣе. Дѣло случилось вотъ какъ: писалъ онъ мнѣ, что надѣется выхлопотать учительскую-то семинарію, въ директоры коей предназначается-де Н. П. О. Я ему и пишу, что-де, по моему убѣжденію, было бы крайне необходимо обставить Васъ людьми вполнѣ единомысленными, словомъ—Вашими учениками—Казанскими академистами, ибо—де самъ знаю по опыту, что только долгимъ сожитіемъ и продолжительнымъ обмѣномъ мыслей и понятій можетъ устанавливаться прочное единомысліе, которое въ свою очередь необходимо для воспитательнаго дѣла. (Ну, приблизительно въ этомъ родѣ). И что-же? А. Л. на это мнѣ изволилъ написать, что было бы рискованно заводить единомысліе и солидарность наставниковъ съ директоромъ, въ которомъ онъ не можетъ быть увѣренъ, потому (изволите видѣть), что онъ (А. Л.) только и знаетъ Васъ по моей рекомендаціи. Это меня весьма огорчило и раздражило, и я было написалъ ему кое-что, но пріостановился, побоялся сдѣлать разрывъ въ виду Софійскаго съ братіею. Однако въ письмѣ отъ 18 марта, послѣ рекомендаціи о. Андрея Свѣтлакова въ законоучители Ташкентской прогимназіи (Онъ самъ просилъ меня рекомендовать ему законоучителя), въ заключніи я присовокупилъ, что вотъ-де я Вамъ рекомендую, усиливаюсь, но на поверку выходитъ, что рекомендуемые мною оказываются неблагонадежными и сомнительными. Такъ, наприм. Вы о Н. П. О. отзываетесь, что на него не можете положиться, зная о немъ только по моей рекомендаціи. И пошелъ—пошелъ я ворчать. Я, говорю, давно сбирался на-

писать Вамъ-де объ этомъ, но по первому впечатлѣнію боялся вклеить слова рѣзкія и жолчныя. Наконецъ рѣшился, успокоившись немного, высказать Вамъ свою грусть, чтобы не питать затаенной злобы. Теперь онъ и пишетъ мнѣ письмо въ тонѣ жалобномъ и смиренномъ, распространяясь, что Николая Петровича-де очень любитъ, даже хлопочетъ ему награду, и вотъ отчетъ его (т. е. Вашъ) будетъ напечатанъ въ Журн. М. Н. Пр. и въ приказѣ г. министра благодарность за обозрѣніе школъ, и проситъ мировую. Я полагаю послать ему въ Оренбургъ мировую-то.

Но, Николай Петровичъ, мнѣ знаете ли что въ голову пришло? Вы не обманывайтесь шустрымъ тономъ нѣжнѣйшаго Александра Людвиговича. Если въ министерствѣ найденъ Вашъ отчетъ достойнымъ печати и Вамъ даже въ приказахъ г. министра будетъ отдана благодарность или одобреніе, значитъ—въ министерствѣ о Васъ и о Вашей дѣятельности понятіе вполнѣ доброе и желаемое. Съ другой стороны тонъ письма его ко мнѣ—заискивающій—показываетъ, какъ будто онъ самъ мало-мало труситъ.—Если потомъ Купъ застанетъ К. П. Кауфмана въ Ташкентѣ, и Генералъ оттуда не поѣдетъ въ Петербургъ, то онъ для Васъ крѣпкая защита и въ обиду Васъ не дастъ. Только вотъ что имѣйте въ виду. Константинъ Петровичъ (достойнѣйшій по своимъ патріотическимъ чувствамъ и своимъ военнымъ доблестямъ самаго глубокаго уваженія и сердечнѣйшаго сочувствія) видимо скорбитъ и болитъ душою и тѣломъ,—то Вы не могите тревожить его своими съ Купомъ дрязгами. Т. е. (не обидьтесь) пусть Кунъ, если вздумаетъ по своему глубокомыслію, докладываетъ генералу свои на Васъ претензіи, но Вы съ отвѣтными или встрѣчными противъ него протестами, самыми справедливыми не заявляйтесь къ генералу. Ему и безъ того больно, а Вы еще больше его встревожите. А кто встревожитъ его, тотъ естественно навлечетъ на себя и нерасположеніе генерала. Такъ пусть же этимъ (т. е. нерасположеніемъ-то) воспользуется г. Кунъ,—ему и подѣломъ. Будьте спокойны, генералъ не можетъ не сличить Вашей скромной сдержанности, Вашей дѣловитости и прямого, здороваго взгляда на вещи, а другой-то, Вашъ соперникъ, какъ разъ своими рѣзкими и велерѣчивыми выходками поразитъ ухо генерала, отвыкшаго уже отъ его звуковыхъ органовъ.—По моему убѣжденію, Вы должны

встрѣтиться съ Куномъ, какъ ни въ чемъ не бывало, а если онъ заикнется о Вашихъ распоряженіяхъ несогласныхъ съ его мыслями, то Вы можете объяснить это или разностію взгляда или обстоятельствами и т. под., т. е. что тутъ есть только дѣло, а не личность, по пословицѣ: amicus Plato, sed veritas magis amica. Доселѣ пока довольно.

Отецъ Свѣтлаковъ сначала увлекся было моимъ письмомъ, а я признаться его ладилъ въ Ташкентъ собственно для Васъ, т. е. чтобы Вамъ составилъ пріятное и любимое общество. Но скоро онъ одумался и рѣшительно отказался, именно ссылаясь на сына, котораго нужно воспитывать и учить на Руси. Отъ чего бы не выписать изъ Катакургана о. Зеленецкаго?

Мнѣ представляется теперь затруднительнымъ перемѣнить назначеніе студентовъ, которое я изложилъ Куну согласно съ прежними Вашими мыслями. Я писалъ назначить И. М. Софійскаго въ Кульджу, Позднева въ Андижанъ и Агрономова къ Вамъ поближе. Пока такъ и ладно.

Кунъ предполагаетъ выѣхать изъ Петербурга около 10 апрѣля, къ 15 быть въ Оренбургѣ, а тамъ онъ помчится быстрѣе почты. Чтобы взять нѣсколько переда, я и спѣшу послать это письмо скорѣе и кончаю его теперь же. Собственно мнѣ хочется, чтобъ Кунъ не засталъ Васъ врасплохъ и не будете знать, какъ Вамъ держать себя. Я совѣтую держать себя, какъ ни въ чемъ не бывало, а впрочемъ Вы какъ сами найдете, по размышленію, а не по вспышкѣ. Посылаю и письмо, которое Вы можете мнѣ при случаѣ возвратить, даже непремѣнно возвратите. Теперь какъ-то въ головѣ сильно засѣла эта страшная новость—покушеніе на жизнь Государя Императора. По телеграммѣ этотъ извергъ—сельскій учитель. Бѣда! Какія времена настали! Но наши ребята сильно возбуждены и именно въ чисто-патріотическомъ духѣ. Дай Господи намъ сохраниться отъ язвы вѣка. Читали ли Вы проповѣди о. Ключарева, нынѣ Амвросія епископа Дмитровскаго (ихъ печатаютъ въ Московскихъ вѣдомостяхъ а) на панихидѣ по Мезенцовѣ, в) 19 февраля, г) на похоронахъ князя Крапоткина. Думаю, что Преос. Амвросій гремѣлъ сильно послѣ 2-го апрѣля. Дай ему Богъ силу Иліину, да дастъ ему здоровье и поддержку.—У насъ пронесся слухъ, будто Митрополитъ Московскій Иннокентій скончался въ Петербургѣ, въ ночи съ страстной пятницы на субботу. Едва ли

преосвященнаго Амвросія произведутъ въ Московскіе владыки, молодъ дескать, но если назначатъ митрополитомъ другого и съ другимъ направленіемъ или взглядами, то наши казанскія отношенія измѣнятся, - что жаль и вредно. Но впереди да будетъ, что Богу угодно.—Мы всѣ живы и отчасти здоровы.

Пока до свиданія. У насъ, преосвященный Антоній ослабъ и не можетъ ходить на ногахъ и не служитъ; сильно отощалъ, хотя смертной опасности повидимому нѣтъ. Вашъ пріятель Ив. Мих. Николичъ умеръ въ началѣ марта. Померъ отъ желтухи. Всѣ Вамъ и Вашимъ дѣткамъ кланяемся.

На поляхъ приписано:

Вполнѣ сочувствую горю (не разобрано) и трудамъ и успѣхамъ Н. А. Воскресенскаго.

Если на найдете неудобнымъ и неумѣстнымъ, передайте отъ меня Константину Петровичу душевное и благоговѣйное уваженіе и совершеннѣйшую преданность мою.—Если что еще надумаю для Васъ полезнаго или интереснаго, напишу скоро. А теперь, чтобы почту не проворонить. Вашихъ эмигрантовъ частичку примѣстили въ мартовскую книжку „Православнаго Собесѣдника“, а остальное все въ апрѣлѣ будетъ, сначала Гордій Семеновичъ просмотрѣлъ рукопись, а я просилъ третью корректуру.

4 апрѣля 1879 г.

11.

Кончающіе курсъ академіи гг. Софійскій, Поздневъ и Агрономовъ, согласно письму А. Л. Куна, написали ему заявленіе, чтобы имъ, кромѣ прогоновъ и годового оклада не въ зачетъ, было еще выдано $^1/_3$ год. жалованья въ зачетъ. Они принесли свои заявленія ко мнѣ, а я при письмѣ своемъ это сегодня же препровождаю по назначенію А. Л. въ Оренбургъ, гдѣ онъ предполагаетъ быть около 15 сего апрѣля.

Г. Софійскій вычиталъ въ Московскихъ и другихъ вѣдомостяхъ, что идутъ переговоры между китайскимъ посланникомъ и русскимъ министерствомъ иностр. дѣлъ въ Петербургѣ о возвращеніи Кульджи китайцамъ. Хотя наши повидимому крѣпятся, но Богъ знаетъ, что будетъ. Чего Боже избави, пожалуй наши найдутъ себя вынужденными сдѣлать еще и еще уступки англійской политикѣ, чтобы спасти Болгарію и славянскіе интересы. Во всякомъ случаѣ это дѣло можетъ затянуться и едвали можно будетъ назначить туда учителей. Въ виду этого г. Софійскій и сдѣлалъ въ своемъ заявленіи приписку, что-де въ виду этого онъ просилъ бы опредѣлить его въ Ташкентъ, если тамъ окажется вакансія. Что я вполнѣ одобряю.

Сейчасъ мнѣ пришли на память назидательныя и успокоительныя слова апост. Павла. Вы конечно знаете, ап. Павлу были великія откровенія и вознесенъ онъ былъ до третьяго неба, слышалъ тамъ непзреченные глаголы. Такъ онъ и говоритъ: „и за премногія откровенія да не превозношуся, дадеся ми накостникъ плоти, да ми накости дѣетъ, да не превозношуся. И трикраты молихъ Господа, да отженетъ отъ мене, и рече Господь: довлѣетъ тебѣ благодать Моя, сила бо Моя въ немощехъ совершается“. Это для меня весьма назидательно,—пути Промысла неисповѣдимы.

6 апрѣля 1879 г.

12.

Ваша телеграмма запоздала въ дорогѣ, за какими-то поврежденіями, болѣе двухъ сутокъ (53 часа). Я ее не понялъ и подумалъ сначала, что въ ней есть искаженіе. Потомъ пригласилъ Илью Михайловича, и онъ довольно правдоподобно объяснилъ ее въ отношеніи инспекторскаго мѣста въ Букеевской Ордѣ. Если это правильно, то во 1-хъ я не согласенъ поднимать руку на Ваши интересы и симпатіи; во 2-хъ въ Букеевской Ордѣ киргизы такъ отатарены, что едва ли съ ними можно что-нибудь сдѣлать, по крайней мѣрѣ въ скоромъ времени; въ 3-хъ любознательности Софійскаго въ пескахъ Ханской Ставки и вообще у букеевцевъ, не будетъ никакой пищи, тогда какъ въ средней Азіи ему предстоитъ обширный и любопытный матеріалъ; въ 4-хъ мы уже обсуживали этотъ вопросъ по отношенію къ Софійскому и его

общимъ голосомъ (т. е. я, С., Позд. и Агрономовъ) отклонили. Затѣмъ до полученія Вашей телеграммы я уже написалъ П. А. Лавровскому, рекомендуя Н. А. Муравьева [1]), который согласенъ даже въ нынѣшнемъ году поступить на должность, или, если можно, отложить на годъ, то онъ охотнѣе бы кончилъ въ академіи полный 4-хъ годичный курсъ. Мнѣ очень понравился,—онъ у меня былъ съ Ильей Михайловичемъ. Говоритъ основательно, а наружность его и высокій, богатырскій ростъ способны поразить киргизовъ.

Я писалъ вамъ одно письмецо не заказное, тамъ я поспѣшилъ Васъ увѣдомить, что И. М. Софійскій въ своемъ заявленіи о выдачѣ ему, кромѣ узаконенныхъ прогоновъ и годового оклада, еще трети жалованья въ зачотъ,—тамъ въ этомъ заявленіи присовокупилъ просьбу объ опредѣленіи его въ училищѣ Ташкентскомъ, если окажется праздное мѣсто, на томъ основаніи, что де по газетамъ теперь идутъ переговоры съ Китаемъ о возвращеніи ему Кульджи. Поэтому-де, быть можетъ, наше правительство не найдетъ удобнымъ назначить въ оную учителя.

Вы конечно по телеграфу узнали о страшномъ происшествіи 2 апрѣля. Раннимъ утромъ, въ 2 часа 45 минутъ пополуночи, въ великую субботу, скончался въ Москвѣ Преосвященный Иннокентій, оставивъ миссіонерство сиротствующимъ. Неизвѣстно еще, кто будетъ назначенъ на его мѣсто, —отъ этого лица зависѣть будетъ судьба миссіонерства русскаго и въ частности казанскаго.

Владыка нашъ Антоній очень слабѣетъ, почти не можетъ ходить и весь изсохъ. Но кажется опасности нѣтъ.

11 апрѣля 1879 г.

18.

Вашу милую телеграмму отъ 30 числа [2]) я получилъ раннимъ утромъ 1 сентября,—гдѣ-то застряла немного. Но

[1]) Студентъ каз. академіи XXI курса.

[2]) Т. е. отъ 30 августа 1879 г., день открытія Ташкентской уч. семин.

не въ томъ дѣло. Какъ Вы душевно привѣтствуете старшую сестру и желаете ей отъ имени младшей новорожденной сестры процвѣтанія (память о Казанской учительской семинаріи у Васъ такъ постоянна и благожелательна, что Вы первымъ дѣломъ своего директорства поставили привѣтствовать Казанскую семинарію). Я тоже отъ полной глубины души радъ этому событію. Итакъ сбылись Ваши желанія и цѣль Вашего переселенія въ страну далечу. Авраама Богъ послалъ въ далекую Палестину, чтобы быть ему отцомъ вѣрующихъ,—а Вы въ отдаленной Азіи будете отцомъ всѣхъ по русски образованныхъ и просвѣщенныхъ; Вы начнете новую эру духовно умственной жизни для Средней Азіи. Дѣло великое, но и силы Вамъ отъ Бога даны не малыя, а недостающее, если что есть, то благодать Божія восполнитъ. И Ваше долгое и скорбное инспекторствованіе было по истинѣ дѣломъ Божіей премудрости: Вы осмотрѣли лично всѣ мѣстности, всѣ разноплеменныя населенія, всѣ школы и всѣхъ учителей, при своей наблюдательности и вдумчивости поняли и узнали, воочію видѣли нужды и условія школьнаго дѣла по всей территоріи, для коей будетъ Ваша семинарія работать. Стало быть, Вы знаете, къ чему стремиться и что давать краю, какихъ учителей. Желаю, чтобъ инспекторы народныхъ училищъ съ Вами сходились во взглядахъ на дѣло народнаго инородческаго и русскаго образованія, дабы оцѣнка учителей и руководство ихъ были единомысленныя, какъ у Васъ въ семинаріи, такъ и на службѣ.

Посмотрю я на Васъ, сердце радуется; посмотрю на себя,.. но о себѣ послѣ. Мои поступки предъ Вами могутъ показаться странными. Наприм., прощаясь съ Ильей Михайловичемъ, я былъ какъ-то вялъ и сухъ, и ничего путно ему не сказалъ для Васъ, а написать и не могъ (NB. Ваша телеграмма не застала его въ Казани). Да притомъ онъ зашелъ ко мнѣ какъ-то врасплохъ, я не собрался съ духомъ, не настроился. У насъ тогда была пріемка новыхъ учениковъ —время для меня болѣзное, особенно теперь. Теперь Александръ Павловичъ,—единственная оставшаяся у меня опора, —еще не вернулся съ Кавказа, куда онъ поѣхалъ лечиться. Безъ него я окончательно какъ въ потьмахъ. Бывало Вы трое (съ Ал. Павловичемъ и Ив. Павловичемъ) какъ испытываете юношей, любо смотрѣть,—оцѣните все: и отвѣтъ, и

говоръ, и взглядъ, и всю внѣшность, и оцѣните вѣрно, подробно и глубоко. А теперь только и есть цифры; вотъ по нимъ и цѣнимъ простымъ сложеніемъ и сравненіемъ цифръ. Въ другое время я какъ-то забываюсь, иногда и одушевляюсь какими-либо идеями или чувствами, а тогда и даже теперь отчасти—падаю духомъ. Такимъ образомъ я доселѣ не собрался высказать Вамъ всю свою радость объ открытіи семинаріи подъ Вашимъ именно руководствомъ и начальствомъ. Дай Богъ Вамъ единодушныхъ и разумныхъ сотрудниковъ. Напишите, кто у Васъ учители. Н. А. Воскресенскій въ какіе это попалъ законоучители? Къ Вамъ или въ гимназію? А Миропіевъ, повидимому выбывшій изъ Самарканда, попалъ на Ваше мѣсто въ инспекторы или въ учительской семинаріи? Ужели же всѣ-то Ваши сотрудники будутъ все чужіе для Васъ люди?!

Скажу нѣчто о Вашихъ ученикахъ, которые теперь къ Вамъ сбирались и поѣхали. Они поколебались изъ-за женскаго пола. Только Софійскій герой и невѣста попалась неустрашимая, согласилась идти съ нимъ въ огонь—въ воду. Петра Александровича (Позднева) невѣста или ея родители струсили, насилу онъ ихъ уговорилъ, а то и самъ напопятную. А Александръ Ивановичъ Агрономовъ, по милости своей невѣсты, да еще болѣе своихъ родителей, совсѣмъ палъ духомъ—струсилъ, не поѣхалъ къ Вамъ. И какъ же онъ мучился,—совѣстно ему и передъ Вами-то, и товарищамъ завидно. Онъ и на словахъ пытался мнѣ высказать свою исповѣдь, самобичеваніе,—жаль было видѣть и слушать его, да и доселѣ въ письмахъ ко мнѣ, къ Ефиму Александровичу (Малову) непремѣнно припоминаетъ о своемъ поступкѣ съ Вами. Я было хотѣлъ его пригласить къ себѣ въ законоучители, на мѣсто о. Никифора, котораго выбрали въ ректоры Казанской духовной семинаріи, но доселѣ еще не приходитъ утвержденіе. Агрономовъ, повидимому, и непрочь въ законоучители, но его обуреваютъ страсти и сомнѣніе,—какъ это вдругъ надѣть рясу, да какъ онъ станетъ руководить и религіозно-духовною жизнью учениковъ своихъ. Вотъ и пишетъ и пишетъ, излагая свои недоумѣнія до жалости. Онъ остановился на томъ, что поступаетъ въ Касимовское духовное училище преподавателемъ греческаго языка подъ команду Н.

Ѳ. Глѣбова—человѣка, по его же словамъ, не симпатичнаго.—Господь его да подкрѣпитъ и да устроитъ!

У насъ владыка Антоній совсѣмъ разстраивается. Онъ на прошлыхъ годахъ сильно хворалъ, соборовался уже; а въ прошломъ году тоже хворалъ, нынѣ около Пасхи и послѣ Пасхи тоже былъ весьма труденъ и опасенъ,—поднялся. Но, видимо, его движитъ крайнее напряженіе нервовъ: можно опасаться, какъ бы излишняя психическая—то дѣятельность не подорвала его тѣлесныя силы. Такъ у насъ все шатко и волнисто. Здѣсь на основаніи нѣкоторыхъ частныхъ намековъ идутъ толки, что Кульджу отдаютъ будто бы китайцамъ, что Константинъ Петровичъ будто бы не вернется въ Ташкентъ. Все это, если сбудется, очень и весьма печально.

Но оканчиваю пока печальными мотивами, за неимѣніемъ теперь болѣе веселаго матеріала, ни расположенія духа.

8 сентября 1879 г.

14.

Многострадальный Николай Петровичъ. Много Вы пережили тревогъ за это время. По телеграммамъ можно было судить, какіе громадные размахи дѣлала мысль Ваша изъ края въ край! Нынѣшняя телеграмма повидимому все покрываетъ и умиряетъ. Дай Богъ! Николая Андреевича (Воскресенскаго) попечитель П. Д. (Шестаковъ) принялъ весьма привѣтливо и съ полнымъ вниманіемъ къ Вамъ и Вашимъ дѣламъ и обстоятельствамъ, и обѣщалъ ему даже мѣсто, т. е. подумаю-де. Но послѣ, когда въ половинѣ іюля-то Н. А. явился къ нему же, то попечитель высказалъ ему совѣтъ держаться въ Туркестанскомъ краѣ до послѣдней крайности, въ случаѣ чего обѣщалъ впредь ему, ему и Вамъ, дать мѣсто въ округѣ Казанскомъ. Но теперь пока еще терпѣть можно, я-де боюсь огорчить К. П. Кауфмана. Съ другой стороны вотъ и мои соображенія. Киргизы могутъ стать, какъ ихъ и поставилъ Н. Андр. и какъ безъ сомнѣнія ставитъ И. М. Софійскій, сочувственно къ Россіи, а могутъ стать и враждебно. Стало быть, все зависитъ отъ дѣятелей, и поэтому уже если русскому дѣлу служить, то безъ оглядокъ. Русское повѣрье, что плотину мельничную нельзя укрѣпить иначе, какъ зарывши

живого человѣка, весьма знаменательно: всякое великое и трудное дѣло требуетъ жертвъ. Нынче жертвы деликатны, т. е. болѣе въ духовномъ, чѣмъ въ матеріальномъ смыслѣ: Васъ не станутъ рѣзать и голову рубить, а будутъ Васъ мучить нравственно. Придется положить труда больше, чѣмъ сколько требуется цифрой получаемаго жалованья, испытать огорченій безъ счета. Эта жертва въ духѣ нынѣшняго *нервнаго* вѣка. Иное дѣло татаринъ, который несетъ на хребтѣ девятипудовой куль муки, иное дѣло—несчастный горбунъ: первый сейчасъ сложитъ свою ношу, а второй фатально къ ней прикованъ. Такъ я какъ будто прикованъ къ семинаріи и она ко мнѣ, къ взаимному бѣдствію. Наше бѣдствіе однакоже разное: я хандрю, а семинарія валится, т. е. облупливается и т. под. Послушавши Н. А-ча, какъ Вы хозяйничаете и трудитесь, я сначала позавидовалъ Вамъ, смирился духомъ и только пожелалъ въ душѣ, чтобы Господь послалъ на мое мѣсто подобнаго человѣка. Я не разъ говорилъ какъ-то, намекомъ впрочемъ кажется, попечителю округа о переводѣ Васъ въ директоры Каз. уч. семинаріи, но онъ [1]) не вникаетъ, какъ бы не слышитъ. Чувствую, что каждый на этомъ мѣстѣ былъ бы лучше меня во сто разъ, а все хотѣлось бы имѣть вполнѣ подходящаго, именно Васъ, и будьте увѣрены, что если бы это зависѣло отъ меня, я полминуты бы не остановился, такъ я бременюсь своимъ мѣстомъ, такъ ослабѣлъ духомъ; но на эту тему я могу писать безъ конца.

Н. А. вчера вечеромъ выѣхалъ въ Москву за книгами. А въ концѣ августа пустится въ Ташкентъ. Ваша послѣдняя телеграмма должна его воодушевить; онъ сдалъ Александра Касьянова въ реальное училище во 2-й классъ.

9 августа 1880 г.

15.

Христосъ воскресе! Любезнѣйшій и незабвенный мой Николай Петровичъ. Хотя письмо мое дойдетъ до Васъ уже послѣ отданія Пасхи, когда это привѣтствіе отлагается, но

[1]) Попечитель округа П. Д. Шестаковъ.

вѣдь Христосъ воскресъ, къ тому не умираетъ, смерть Имъ къ тому не обладаетъ. И такъ да будетъ это привѣтствіе вѣчнымъ и непрестаннымъ словомъ побѣды жизни надъ смертью, добра надъ зломъ, свѣта надъ тьмою.

В. В. Катаринскій писалъ мнѣ отъ 5 апрѣля между прочимъ слѣдующее: „на дняхъ я получилъ письмо отъ Н. П. Остроумова. Онъ пишетъ, что здоровъ, но *весьма палъ духомъ* (подчеркнуто у Катаринскаго), предвидитъ лѣтомъ *необходимость убраться изъ Ташкента* (это подчеркнулъ я Ильминскій). Дѣло кажется въ томъ, что Кунъ все хлопочетъ въ Петербургѣ о своемъ возвращеніи въ Ташкентъ“.

А я думаю, что это очень даже возможно. Купъ до такой степени умѣетъ разыграть роль русскаго патріота и притомъ рьянаго и энергичнаго, что, напримѣръ, Вас. Васил. Григорьевъ ему завѣщалъ свою прекрасную библіотеку; Вас. Дмит. Смирновъ мнѣ писалъ, что многіе, знающіе Куна, даже ахнули. Такое предсмертное дѣяніе Григорьева для многихъ покажется можетъ наилучшею рекомендаціей для Куна. Если (какъ пишутъ въ нѣкоторыхъ газетахъ) на мѣсто Кон. Петр. Кауфмана будетъ Черняевъ, то, пожалуй, Кунъ и къ нему подобьется. Все это, повторяю, возможно и Ваше желаніе убраться изъ Ташкента не безъосновательно. Засимъ я справился въ памятной книжкѣ учебнаго управленія Туркестанскаго Края за $187^{8}/_{9}$ годъ. Тамъ отмѣчено на стр. 5, что Вы въ Туркестанской службѣ числитесь съ 14 мая 1877 года; значитъ, это мое письмо застанетъ Васъ уже исполнившимъ пятилѣтнее служеніе въ Туркестанскомъ краѣ, а потомъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 22 октября 1876 года литера а, пунктъ б, можете получить прогоны до мѣста новаго назначенія и проч. — Все это отлично.

А вотъ другая здѣшняя сторона дѣла. 22 сего апрѣля я, бывши у попечителя нашего П. Д. Шестакова, доложилъ ему о полученномъ о Васъ чрезъ Катаринскаго выше приведенномъ свѣдѣніи и напомнилъ ему его обѣщаніе дать Вамъ мѣсто въ округѣ. Онъ и на этотъ разъ высказалъ, что онъ Васъ понимаетъ съ самой лучшей стороны; а кстати онъ уже раньше получилъ отъ Васъ чрезъ меня и отчетъ о семинаріи и еще что-то, что ему давало понятіе точное и подробное о Вашей дѣятельности и о Вашихъ взглядахъ на дѣло. Стало

быть, ему сочувственны Ваши дѣла и взгляды. Но до чего мы договорились съ нимъ, о томъ ниже.

Теперь еще одна сторона, тоже здѣшняя. 23 того же апрѣля 1882 года мнѣ исполнилось ровно шесть десятковъ лѣтъ жизни, а 16 числа будущаго іюля исполнится совершеніе второго пятилѣтія (т. е. ровно десятилѣтія) моего въ Казанской учительской семинаріи директорства. Первое пятилѣтіе служили мы съ Вами вмѣстѣ. Теперешніе учителя почти всѣ тѣже; прибавился Н. Ал. Бобровниковъ, но Вы его знаете; о. Михаила [1]) тоже знаете; одного только не знаете, вѣроятно,—это математика Рожанскаго. Онъ поступилъ къ намъ въ 1877 году, но послѣ уже Вашего отъѣзда изъ Казани. Человѣкъ тоже отличный и замѣчательно, служа у насъ учителемъ, онъ въ то же время слушалъ въ университетѣ полные курсы медицинскаго факультета, и нынче держалъ экзаменъ вмѣстѣ съ кончалыми медиками. Стало быть, у насъ за кабаномъ преобладаетъ любознательность.

Откровенно скажу, что извѣстіе Катаринскаго о Вашемъ желаніи удрать изъ Ташкента мнѣ пришлось весьма кстати и какъ разъ въ точку попало на мои давнишнія мысли и чувства. За послѣдніе годы я сильно одрихлѣлъ и исхандрился. И какъ ни бьются мои милые и самоотверженно-дѣятельные и мнѣ не по заслугамъ радѣющіе сослуживцы, но я вижу и чувствую, что я сильно ихъ только торможу,—я разумѣю особенно свою администрацію и хозяйственную часть. Все это меня просто сокрушаетъ. И я давно помышляю удалиться отъ директорства. Одно только меня озабочивало и смущало:—какъ бы мой случайный преемникъ не постарался уничтожить то самородное и душевное, хорошее, что въ Казанской семинаріи заложили и выработали несравненные наставники семинаріи; а я имѣлъ благоразуміе не мѣшать ихъ дѣлу, я былъ тѣмъ нулемъ, который хотя самъ не имѣетъ никакого значенія, но занимая мѣсто, возвышаетъ значимыя—то цифры въ десять разъ. Можетъ случиться, что новый директоръ все истребитъ. Кстати: нашелся же директоръ Д. Д. Семеновъ, извѣстный въ педагогической литературѣ и заслуженный педагогъ, который раскритиковалъ нашу семинарію. Вы другое дѣло: Вы единственный человѣкъ, который, по моему убѣжденію, можете и то, что есть въ семинаріи добраго и хорошаго, поддержать, недостающее восполнить и душевно запяться ея дальнѣйшимъ движеніемъ впередъ къ улучшенію и возрастанію. Я радъ, что попечитель П. Д. такъ именно понялъ Васъ. На мое желаніе оставить службу съ исполненіемъ второго пятилѣтія, онъ только замѣтилъ, что онъ и самъ, пожалуй, не прочь въ отставку, что нынче вообще служить весьма трудно, и потому моя эта мысль его не изумила. Но онъ мнѣ посовѣтовалъ подумать еще и тогда рѣшиться окончательно, именно онъ обратилъ мое вниманіе на рѣзкое уменьшеніе матеріальныхъ средствъ. Я еще не говорилъ женѣ своей объ этомъ, но я самъ то внутренно рѣшился, ибо лучше Васъ (говорю по душѣ и по сердцу) мнѣ преемника не нажить.

[1]) О. Михаилъ Троицкій законоучитель семинаріи.

Да и прежде бывало, что Вы замѣщали меня къ полной и даже вящей пользѣ дѣла и службы. По киргизски подобное выражается именемъ избасаръ, замѣститель, собственно ступающій на слѣдъ или по слѣду.

Писано доселѣ 24 апрѣля, потомъ за разными недосугами пріостановился. Наконецъ нынѣ 29 числа рѣшился пустить свое письмо въ дальній путь. Дай ему Богъ дойти безъ задержекъ, и дай ему Богъ послужить для Васъ выраженіемъ полнаго моего къ Вамъ сочувствія и уваженія. Опять повторю, Вы представляетесь единственнымъ способнымъ и благонадежнымъ двигателемъ, устроителемъ и возглавителемъ Каз. уч. сем., какъ инородческой и русско-народной. Отвѣтьте мнѣ.—Но во всякомъ случаѣ, если только Ваше желаніе оставить Ташкентъ не остыло, немедленно шлите прошеніе г. попечителю Каз. учеб. округа, проситесь вообще въ округъ по части народнаго образованія. Попечитель уже знаетъ, какъ поступить. Лучше, если сами пріѣдете въ Казанъ, тогда общими силами осмотритесь, и повѣрьте, Пет. Дм. Шестаковъ всегда приметъ Васъ съ удовольствіемъ, а я-то съ величайшею радостью свалю съ своихъ плечъ на Ваши рамена неудобоносимую для меня ношу—Каз. уч. семинарію.

29 апрѣля 1882 г.

16.

И благослови Господь послѣдняя Іовля паче, неже прежняя.
Іова, гл. 42, ст. 12.

Приближается день Вашего Ангела, и я заблаговременно поздравляю Васъ. Вашъ Святитель Николай спасалъ отъ потопленія, и Васъ Онъ долженъ и можетъ спасти отъ глубины морской. По полученіи письма Вашего о переводѣ Васъ изъ семинаріи въ гимназію я написалъ Константину Петровичу Побѣдоносцеву, чтобы Васъ перевести на мое мѣсто, т. е. директоромъ Казан. учительской семинаріи. Разумѣется, я не преминулъ довольно подробно изобразить Вашу личность и судьбу. Вчера получаю отъ него большой отвѣтъ; пишетъ, что мой отзывъ совершенно противорѣчитъ тому мнѣнію, какое онъ составилъ о Васъ на основаніи отзывовъ преосвященнаго Александра и одного священника изъ Вѣрнаго. Я сейчасъ же на это пустилъ разныя доказательства и факты: во 1-хъ препроводилъ Ваши брошуры и 2 отчета о семинаріи, правила для учениковъ и Вашу статью о прежнихъ школахъ для киргизовъ,—больше не нашелъ у себя, хотя и было немало Вашихъ статей и статеекъ. Это я послалъ вчера утромъ; сегодня посылаю обширное письмо съ приложеніемъ 38 № Туркестан. газеты, который я частью изложилъ въ письмѣ-то своемъ. Но къ чести К. П. Побѣдоносцева нужно сказать, что онъ въ своемъ письмѣ упомянулъ и о томъ, что онъ снова пересмотритъ и передумаетъ тѣ о Васъ отзывы. Съ Божьей помощью надѣюсь возстановить Ваше честное и доброе имя, но убѣдительнѣйше и настоятельнѣйше совѣтую Вамъ, по возможности быть хладнокровнѣе и не давать поводовъ къ сплетнямъ, а главное, сколько можно, сойдитесь съ нынѣшнимъ преосвященнымъ, и когда въ бесѣдѣ съ нимъ коснется дѣло Вашихъ отношеній къ его предшественнику, не дозволяйте себѣ выраженій рѣзкихъ, а сошлитесь на недоразумѣніе и на сплетниковъ.

Пожалуйста, не осердитесь на мой совѣтъ практическій и постарайтесь его исполнить, ибо иначе Вы дадите поводъ людямъ не добрымъ уничтожить Васъ,—при чемъ же останется дѣло-то миссіонерское?

Читаю я Вашу газету, которая, на мой взглядъ, съ каждымъ номеромъ хорошѣетъ и становится складнѣй по языку и богаче по содержанію. Любопытно впрочемъ, есть-ли изъ числа средне-азіатскихъ туземцевъ люди, которые съ интересомъ читаютъ газету и заимствуютъ изъ нея свѣдѣнія и новости.

29 ноября 1883 г.

17.

Цѣлый мѣсяцъ, даже больше велась горячая полемика между мной и К. П. Побѣдоносцевымъ изъ за Васъ, Николай Петровичъ. Дѣло вышло вотъ какъ. Когда Вы мнѣ написали о своемъ переводѣ въ директоры гимназіи, то я написалъ Константину Петровичу, изложивъ довольно подробно Вашу жизнь казанскую и ташкентскую, и слегка намекнулъ на нѣкоторыя недоразумѣнія, и въ концѣ концовъ я просилъ его посодѣйствовать исполненію моей давнишней мечты, чтобы на мое мѣсто директоромъ казанской учительской семинаріи были предложены Вы. Константинъ Петровичъ на это отвѣтилъ, что онъ о Васъ составилъ самое дурное понятіе, какъ о человѣкѣ вредномъ, о Ташкентской учительской семинаріи, какъ о заведеніи поэтому вредномъ.

Отъ одного очень серьезнаго священника, служившаго въ Вѣрномъ и потомъ пріѣхавшаго въ Петербургъ, Константинъ Петровичъ услышалъ такіе, послѣ подтвержденные преосвященнымъ Александромъ, возмутительные случаи явнаго неуваженія Остроумова къ архіерейскому сану, къ церкви и духовности, что я (т. е. Конст. Петр) не могъ оставаться равнодушнымъ и скорбѣлъ, что такому человѣку ввѣрено воспитаніе юношества для учительскаго званія. Константинъ Петровичъ свой такой взглядъ на Васъ сообщилъ Делянову, Черняеву и Забѣлину. Мой отзывъ его повергъ въ недоумѣніе: неужели Остроумовъ въ томъ краѣ такъ измѣнилъ свое духовное настроеніе, и обѣщалъ перевѣрить свои о Васъ данныя. Это онъ писалъ отъ 18 ноября. Онъ обѣщалъ въ концѣ того письма: „и еще напишу Вамъ“.

На это его письмо я послалъ Ваши два отчета о семинаріи, правила для воспитанниковъ учит. семинаріи и брошуру о прежнихъ школахъ въ степи,—словомъ все, что на-

скоро могъ найти, и потомъ письмо довольно обширное, къ которому присовокупилъ нумеръ Туркестанской газеты, которой я кратко изложилъ содержаніе.—Послѣ отправки всего этого получилъ другое письмо Константина Петровича отъ 23 ноября. Онъ вытребовалъ отъ того священника письменное изложеніе Вашихъ винъ,—родъ обвинительнаго акта, и прислалъ его ко мнѣ.

Всѣ обвинительные пункты я опровергъ сильно и жестоко, одинъ за другимъ по порядку. Это опроверженіе излагалось на трехъ листахъ. Только что я его отправилъ, получаю письмо отъ Конст. Петровича отъ 5 декабря; пишетъ помягче: „Вы (пишетъ онъ мнѣ) пишете, не получивъ еще другого моего письма, содержащаго въ себѣ corpus delicti: я знаю, что можно иногда набросить тѣнь на человѣка и ненамѣренно, вслѣдствіе недоразумѣній. Согласитесь однакожъ, что есть надъ чѣмъ призадуматься. Буду еще ждать, что Вы мнѣ напишете“. Это его слова. Вотъ послѣ этого письма я и послалъ ему Ваши брошуры съ разъясненіемъ, что-такое гг. Дивлетъ-Кильдеевъ, Гаспринскій и Мурза-Алимъ, противъ которыхъ Вы вооружаетесь.

На мое опроверженіе (въ три-то листа) получилъ я отвѣтъ отъ 15 декабря, пишетъ: „сейчасъ получилъ Ваше письмо и прочелъ его. Для сего время всегда должно быть, ибо не малое дѣло—возстановленіе нравственной репутаціи человѣка, о коемъ имѣлись дурныя показанія: и Вы не напрасно потрудились для той же цѣли. Для меня, конечно, всего важнѣе Ваше сужденіе о человѣкѣ, коего Вы знаете во внутренней его храминѣ А затѣмъ во 1-хъ я по опыту знаю, какъ бываютъ обманчивы сужденія со стороны, исходящія отъ лицъ, кои относились къ человѣку внѣшнимъ образомъ; во 2-хъ и то знаю, что люди, подобные Остроумову, какъ Вы его описываете, т. е. идеалисты извѣстнаго типа, склонны погрѣшить неосмотрительностью или рѣзкостью въ рѣчахъ при столкновеніи съ людьми, коихъ они считаютъ неспособными понять себя. Согласитесь однако, что не имѣвъ никакого понятія объ Остроумовѣ и зная по опыту, какихъ молодцевъ ставятъ у насъ иногда во главу педагогической дѣятельности... могъ по разсказамъ прибывшаго оттуда человѣка, толковаго и разумнаго, составить объ Остроумовѣ понятіе весьма не выгодное. Напишу нѣсколько словъ и Забѣлину, что прежнее

мое сужденіе, какъ я вижу теперь, было основано на непрочныхъ данныхъ“.

Вотъ буквально переписалъ я Вамъ, Николай Петровичъ, письмо К. П. Побѣдоносцева. Повидимому онъ получилъ на Васъ взглядъ теперь болѣе правильный. Такъ какъ теперь дѣло разъяснилось, то я и не жду на эту же тему дальнѣйшихъ писемъ отъ Константина Петровича. Нужно отдать справедливость, что онъ человѣкъ безпристрастный и способенъ отказаться отъ своихъ предубѣжденій, особенно когда дѣло идетъ о нравственной репутаціи очерненнаго человѣка. Говорятъ, что К. П. Побѣдоносцевъ занятъ и заваленъ дѣлами до нельзя, и надо дивиться, какъ у него достаетъ времени и силъ душевныхъ, чтобы еще отвѣчать на мои письма, нерѣдко докучливыя. А у него, говорятъ, и переписка обширнѣйшая!

Ну, слава Богу, хоть одно затрудненіе на Вашемъ пути устранено съ Божьей помощью. Какъ же Вы познакомились съ новымъ Владыкой? Я слышалъ, что онъ посѣтилъ учительскую семинарію и повидимому остался ею доволенъ. Если Вы находите полезнымъ, чтобы семинарія продолжала свое существованіе, чтобы Вы опять были ея директоромъ, то преосвященный могъ бы частью содѣйствовать этому дѣлу, чрезъ того-же Константина Петровича. А впрочемъ, не лучше ли Вамъ на Кабанъ?

27 декабря 1883 г.

18.

Когда дѣло совсѣмъ наладилось, вдругъ опять изъ Петербурга повѣяло неладно. Вчера я получилъ извѣстіе, что въ министерствѣ ваши доброжелатели наплели короба три. Я уже опять примусь и принимаюсь за перо, чтобы отстаивать своихъ дорогихъ казанцевъ, и не положу оружія дотолѣ, пока хоть одна тѣнь останется на Вашей дорогой личности и на Казанской чести.

Ваши всѣ документы я послалъ на Вашей же скалочкѣ въ Питеръ къ моему покровителю. Онъ писалъ мнѣ, что Черняевъ ему Васъ расхваливалъ отлично и всѣ нарѣканія уничтожилъ.—А Вы на всякій случай мнѣ шлите факты. По-

жалуйста крѣпитесь духомъ.—Нашъ благодѣтель Константинъ Петровичъ не здоровъ; совсѣмъ было слегъ, но теперь бродитъ.

Вашъ неизмѣнно сочувственный и преданный Вамъ слуга. Академики къ Вамъ всѣ отмѣнно расположены.

12 марта 1884 года.

19.

. . . . . .

....Николай Петровичъ, Вы меня простите за наставленіе. Оставьте Вы манеру рѣзкаго и настойчиваго дѣйствованія. Посмотрите въ природѣ: кислородъ, самое живительное вещество, сильно разбавлено, а чистое оно убьетъ все живое. Винный спиртъ тоже разбавляютъ водою. Правда и истина тоже въ чистомъ видѣ невыносима для слабыхъ человѣковъ. Ну, Вы хотите сдѣлать исключеніе,—это не удастся. Это мое наставленіе примите къ руководству и исполненію.—Во вторыхъ никому, даже хорошимъ людямъ и добрымъ знакомымъ, друзьямъ не высказывайте своихъ сужденій о людяхъ, ибо Fama crescit eundo,—и раздуютъ и изукрасятъ, и Вы явитесь клеветникомъ. И вонъ куда достигаютъ перетолкованныя и искаженныя извѣстія о Вашихъ словахъ, дѣлахъ, и обратили Васъ въ интригана,—за что же?!

Зло на землѣ не истребите; этимъ плевеламъ самъ Господь судилъ расти купно съ пшеницей до жатвы. Вотъ и теперь Вы, повидимому, готовы сильно подтягивать неусердныхъ учителей, они могутъ сдѣлать такой оборотъ (это конечно моя фантазія): стапутъ нарочно Васъ бѣсить, т. е. не грубо, а тонко и кляузно, но легально; Вы будете съ ними горячиться, они подадутъ на Васъ жалобу, жалобѣ будетъ данъ ходъ, и что думаете? Будутъ судить, и осудятъ, найдутъ придирки. Зачѣмъ же увеличивать, теперь нужно заживить раны, уже нанесенныя Вамъ добрыми пріятелями.—Но этимъ и оканчиваю свою мораль.

А вотъ дѣло въ чемъ: Вы разъ мнѣ пеняли, что я не сдѣлалъ никакого отзыва о киргизской хрестоматіи и словарѣ. Во первыхъ я вообще не мастеръ оцѣнивать и разбирать книги, а во вторыхъ Вы не удостоили меня показать

этотъ словарь, я даже и не зналъ о его существованіи. Но это опять ничего не значитъ, а вотъ что: отправьте этого словаря экземпляра три, четыре, ну, хоть одинъ даже къ начальнику Алтайской духовной миссіи, Макарію епископу Бійскому и викарію Томской епархіи, въ Бійскъ Томской губерніи. Этотъ Макарій нашъ знакомый 1868—9 года, котораго Вы, конечно, встрѣчали въ татарской-то школѣ. Онъ 12 февраля 1884 года рукоположенъ въ Томскѣ во епископа Бійскаго. Человѣкъ онъ какъ былъ ангелъ, такъ и остался. Такъ Вы ему отправьте словарь киргизскій и христоматію. У нихъ открыто киргизское отдѣленіе съ пребываніемъ миссіонера, священника Филарета Синьковскаго, въ Семипалатинскѣ. Языка они не знаютъ, а онъ имъ необходимъ, Вы имъ окажете большую услугу. Теперь, кажется, уже можно поздравить Васъ съ великимъ праздникомъ Воскресенія Христова.

17 марта 1884 года.

20

Незабвенный и многотерпѣливый Николай Петровичъ! Я ѣздилъ въ Уфу и тамъ прогостилъ не мало; и не давно возвратился. Ваше письмо получилъ и всѣ порученія исполнилъ, т. е. книгу въ Академію доставилъ и по рукамъ роздалъ; Васъ благодарятъ.—Въ Академіи на противо-мусульманскомъ отдѣленіи Евѳимій Александровичъ занялъ мѣсто экстраординарнаго профессора, а Машановъ—доцента. Въ округѣ теперь попечитель новый, который ждетъ вѣяній изъ Петербурга, но вѣдь вакансіи всѣ на перечетъ, а порядочныхъ нѣтъ. Поэтому Вамъ необходимо держаться въ Ташкентѣ. Ваша телеграмма и Вашъ докладъ о редакціонныхъ дѣлахъ съ резолюціей генер.-губернатора, повидимому, обѣщаютъ расположеніе генерала Розенбаха [1]).

---

[1]) Разумѣется докладъ вновь назначенному генералъ-губернатору Розенбаху о направленіи туземной газеты, поданный генералу по его приказанію.

Здѣсь люди, знающіе Крачковскаго, отличнаго о немъ мнѣнія. Онъ несомнѣнно будетъ черезъ годъ главнымъ инспекторомъ, его кредитъ въ Петербургѣ прочный. Я совѣтую Вамъ съ нимъ сойтись.—

Посылаю Вамъ новое изданное сочиненіе Гордія Семеновича и двѣ книжки мордовскія.

20 іюля 1884 года.

21.

Дорогой и незабвенный другъ мой Николай Петровичъ. Вотъ я въ Петербургѣ, и наконецъ, при свѣтѣ утренней зари, собрался написать Вамъ. Чувствую глубоко вину свою,—что я очень долго не писалъ Вамъ и многократныя Ваши письма оставлялъ безъ отвѣта. Но, по совѣсти говорю,—всегда Вы были у меня въ сердцѣ и въ памяти, всегда я душевно любилъ и уважалъ Васъ. Одной изъ причинъ, почему я не писалъ Вамъ такъ упорно въ послѣдній годъ, было то, что у меня на рукахъ были два—одно послѣ другого—дѣла, относящіяся до Туркестанской учительской семинаріи: 1) о введеніи туземныхъ нарѣчій и арабскаго языка, 2) о преобразованіи въ системѣ начальнаго народнаго образованія въ Турк. краѣ. Перваго я совсѣмъ не могъ переварить, второе, сочувственное мнѣ въ основной мысли, не представлялось мнѣ вѣрнымъ и справедливымъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. А Вы знаете, что я не люблю спорить и пререкать.

Поэтому, отлагая день за день, я продержалъ первое съ годъ, а второе съ полгода. Чувствуя свою по такому важному дѣлу неисправность, я затруднялся писать въ Ташкентъ, разумѣется, къ Вамъ; но къ Вамъ писать я и потому не хотѣлъ, дабы не возбудить подозрѣнія чьего либо, якобы я заимствуюсь отъ Васъ возраженіями противъ разсматриваемыхъ проектовъ. Какія были у меня памятныя книжки и отчеты, во время оно еще мнѣ отъ Васъ присланные, тѣми я и пользовался. И хотя поздно, но все таки я изложилъ, съ возможными доказательствами, свои возраженія, оговорившись, что я на нихъ не настаиваю, но предлагаю, какъ поводъ къ разсмотрѣнію даннаго вопроса съ новой точки зрѣнія. И какъ

только я кончилъ свои мнѣнія и отправилъ ихъ въ министерство, словно гора съ плечъ свалилась—сильно полегчало.

Я приглашенъ въ Петербургъ по случаю пересмотра устава и инструкціи учительскихъ семинарій вообще. Было при мнѣ одно засѣданіе, въ которомъ перечитывались уже обсужденныя прежде и выработанныя статьи, положенія и инструкціи.—Теперь же дѣло шло болѣе о редакціи. На бумагѣ все складно, но я вѣдь во первыхъ мнителенъ, а во вторыхъ всегда я былъ врагъ регламентаціи. Итакъ въ прошлое то засѣданіе, какъ то къ слову г. директоръ департамента сказалъ, что Вы ходатайствуете о перемѣщеніи инородцевъ изъ гимназіи въ учит. семинарію вмѣстѣ съ ученической квартирой и, повидимому, Ваша мысль имѣла сочувствіе у высшаго начальства. Я въ своемъ мнѣніи тоже высказался о ненадобности научнаго классическаго образованія для азіатовъ, киргизъ, сартовъ и т. п. Не сговариваясь, мы сошлись въ мысляхъ: значитъ, далеки мы разстояніемъ, но близки сердцами.

12 октября 1885 года.

22.

Ваши телеграммы и письма всѣ получилъ, въ томъ числѣ и послѣднее письмо изъ Ташкента. Очень радъ, что положеніе Ваше въ обществѣ и служебной обстановкѣ стало крѣпко. Но въ газетахъ сообщаютъ, что почва-то Ташкентская заволновалась и у Васъ многіе домы дали трещины. Этой участи не подверглась ли и Ваша гимназія? Защити Васъ Царь небесный. Газету Вашу читаю съ интересомъ не менѣе людей, непосредственно въ ней заинтересованныхъ.

Теперь я по дѣлу. Преосвященный Макарій Алтайскій недавно писалъ мнѣ отвѣтъ на мое письмо о киргизскихъ переволахъ, которые напечатаны: Житіе Евстафія Плакиды и Начальное наставленіе крещающемуся киргизу. Я слышалъ отъ киргизовъ, что они изложены складно и правильно по-киргизски. Я настаивалъ на томъ, чтобы эти переводы соображались по возможности и съ говорами другихъ киргизъ, а они дѣлаются въ Букони. У преосвященнаго Макарія завяза-

лась переписка съ Вашимъ преосвящ. Неофитомъ. Въ одномъ (послѣднемъ) письмѣ преосв. Неофитъ излагаетъ свой взглядъ на миссіонерство. Молитвы—де нужно заучивать по-русски, а, чтобы лучше и чище произносили крещаемые киргизы эти молитвы, ихъ учить русскому языку съ дѣтства. Эту идею возымѣлъ Преосвящ. Неофитъ по тому случаю, что одинъ киргизъ съ женой, пожилые и бѣднѣйшіе, заявились къ Владыкѣ съ просьбой о крещеніи. Онъ ихъ поручилъ оглашать начальнику киргизскаго пансіона, а монахамъ своимъ велѣлъ обучать ихъ молитвамъ по-славянски. Когда все было кончено въ два-три мѣсяца, Преосвященный пожелалъ самъ выслушать и попытать знаніе киргизовъ. Но онъ ни слова не понялъ и не разобралъ, даже не угадалъ, когда они ему читали Символъ вѣры,—такъ они переломали славянскія слова. Владыка заключилъ, что для сего нужно киргизъ учить русскому языку съ малолѣтства. Интересно, какъ онъ не дошелъ до болѣе логическаго и близкаго вывода, что молитвы слѣдуетъ изучать на родномъ языкѣ, т. е. на киргизскомъ? Шлю Вамъ экземпляра по 3—4 двухъ киргизскихъ книжекъ, дабы въ нихъ вникли, т. е. получили-бъ объ нихъ нѣкоторое наглядное понятіе, и присовѣтуйте (пожалуйста) Преосвящ Неофиту, чтобы онъ дозволилъ и даже приказалъ учить киргизъ молитвамъ-то по-киргизски. Въ одной книжкѣ есть главнѣйшія молитвы и Символъ вѣры. Подскажите Преосвященному идею, до которой онъ, пожалуй, не скоро додумается. Припомните, что вонъ въ Петербургѣ на него смотрятъ плохо. Эта его странность можетъ ему еще повредить, ну, его пошлютъ на покой, а пришлютъ въ десять разъ хуже, что тогда будетъ?—

26 ноября 1886 года.

23.

Ваше душевнѣйшее и многосодержательное письмо съ воспоминаніемъ дѣдушки Гордія Семеновича блаженной памяти расколыхало и мою зачерствѣлую или лучше одряблѣвшую натуру.—По Вашему указанію прочиталъ я въ декабрьской книжкѣ „Странника“ Вашу статью объ отношеніяхъ между христіанствомъ и магометанствомъ. Странно мнѣ показалось, что редакція самовольно нарушила Ваше инкогнито, подписавши Ваше имя и фамилію—Н. Остроумовъ. Знаете-ли что? Я замѣчаю, что редакція „Странника“—(имѣетъ направленіе) немного слишкомъ западническое и абсолютное,—съ нею едвали хорошо связываться-то. Она едвали не изъ первыхъ способна сочувствовать quasi либеральнымъ и раціоналистическимъ выходкамъ Гаспринскихъ. Но конечно, если негдѣ напечатать свои статьи—плоды думъ серьезныхъ, заботливыхъ и тяжкихъ, то по неволѣ станете печатать у нихъ; впрочемъ Вы попросите редакцію, чтобы она не подписывала Вашего имени, когда Вы сами свою статью не подпишете своимъ именемъ. Въ татарахъ замѣчается подъемъ разсчитанный, соображенный и дружный; у нихъ есть выдержка и солидность въ умѣньи держать себя и свой тонъ. Они теперь повели такую политику, что масса народа съ приходскими муллами во главѣ продолжаютъ держать ортодоксальное ученіе, а интеллигенція своимъ напускнымъ раціонализмомъ и либерализмомъ пускаетъ пыль въ глаза русскихъ чиновъ и интеллигентовъ. Недавно въ Уфимской гимназіи введено преподаваніе магометанскаго вѣроученія; преподавателемъ избранъ Касимовскій татаринъ, обучавшійся въ гимназіи, потомъ усовершенствованный въ дѣлѣ ислама въ одной изъ Казанскихъ медрессъ. Онъ дебютировалъ рѣчью въ присутствіи начальства гимназіи и высказалъ, что разумъ и наука суть главное, чего требуютъ Коранъ и пророкъ, внушалъ своимъ татарчатамъ, чтобы они учились прилежно и свѣтскимъ наукамъ, и исламу, повиновались всѣмъ своимъ учителямъ, и въ заключеніе совершилъ торжественное моленіе о здравіи и благоденствіи Государя и всего царствующаго Дома. Вотъ они какіе, эти татары. Послѣ сего что же должны думать наша интеллигенція и администрація; я даже въ духовенствѣ въ попахъ уфимскихъ замѣтилъ преклоненіе предъ татарскими муллами. Преосвященный Никаноръ поддержалъ и раздулъ это поклоненіе, постоянно чествовавши татаръ—муфтія и муллъ. Поэтому Ваши статьи весьма кстати и благовременны,—пишите и пишите. Чтобы показать Вамъ, какъ у насъ интеллигенція безумствуетъ, я вмѣстѣ съ симъ посылаю за бандеролью брошуру о киргизахъ нѣкоего Балкашина, консула въ Чугучакѣ. Эта брошура въ публику и въ продажу не пущена, она относится къ разряду оффиціальныхъ брошуръ, которыя не-

чатаются для сообщенія къ свѣдѣнію лицъ начальствующихъ и правительственныхъ на случай новыхъ мѣропріятій и законоположеній. Мнѣ ее прислалъ Константинъ Петровичъ, коему я и аттестовалъ ее достаточно энергично. Посему и Вы примите ее къ свѣдѣнію, и при случаѣ къ устному ея опроверженію, если паче чаянія окажется, что въ ея духѣ разсуждаютъ иной военный или гражданскій чинъ Туркестанскаго управленія, а можетъ быть придется Вамъ что писать, наприм. кашгарскому консулу, который, можетъ быть, не получилъ въ свое назиданіе экземпляра отъ своего коллеги чугучакскаго. Я впрочемъ слышалъ, что онъ умеръ, т. е. Балкашинъ. Много сдѣлалъ поблажки татарамъ своими неосторожными и либеральными распоряженіями,—знаете ли кто?—Графъ Игнатьевъ, въ бытность свою министромъ внутр. дѣлъ. Человѣкъ онъ самолюбивый, а татары умѣли и подладиться къ нему и улучить минуту. Для насъ убійственно вѣренъ Евангел. Матѳ. главы XIII, ст. 25: *„намъ спящимъ“*. Наприм. онъ позволилъ браки магометанъ съ языческими и еврейскими дѣвицами въ 1881 году (NB. Этотъ фатальный годъ 1881-й—министерство Игнатьева). Теперь муфтій далъ указъ всѣмъ муллamъ его вѣдомства циркулярно, что они должны вѣнчать такіе браки, ничтоже сумняся, а распубликовали—то наши волостныя правленія. Но одинъ волостной писарь въ Мамадышскомъ уѣздѣ этотъ документъ, печатный, на татарскомъ языкѣ представилъ по начальству,—мнѣ его прислали для перевода. Слышалъ я, что Казанскій губернаторъ представилъ его въ министерство. Не хорошъ онъ и самъ по себѣ, но скверно его толкуютъ татары же въ смыслѣ общаго разрѣшенія всякому держать, какую кто хочетъ, вѣру. Того и гляди, начнется опять отступническое движеніе. По всему сему Ваши статьи къ раскрытію зловредности и ехидности ислама, какъ нельзя болѣе, полезны и благопотребны.

Ваши порученія я исполнилъ менѣе чѣмъ на половину, но постепенно постараюсь ихъ исполнить всѣ, сколько смогу. 1) Въ Совѣтъ Братства я представилъ 20 экз. Вашей статьи, присланной мнѣ въ числѣ 30 экз. Но вручилъ я предсѣдателю преосв. Кириллу, дѣло было предъ засѣданіемъ, когда еще членовъ-то почти никого не было. Преосвященный послѣ роздалъ многимъ членамъ саморучно. Но поелику онъ Васъ не видалъ и не знаетъ—вѣроятно и не слыхалъ, то его раздача

вышла немножко вяловата. Но уже тутъ надежда лично на любознательность каждаго. Иліодора Александровича (Износкова) я еще не видалъ. Онъ все странствуетъ по школамъ разныхъ уѣздовъ; да къ тому же и я почти совсѣмъ нигдѣ не бываю. Но, кромѣ того, теперь въ Археологическомъ обществѣ предсѣдателемъ не Износковъ, а Буличъ Николай Никитичъ, человѣкъ крайне скрупулезный, съ которымъ дѣла трудно вести. Посему и проч. Но я киргизскую поэму старался прочитать. Разучился ли я разбирать татарскую грамоту, только я даже слова не свободно читаю. Надѣюсь, что мало-по-малу вчитаюсь и разберу все до слова, хотя не все съ увѣренностію. Но дѣло въ томъ, что въ ней пропасть названій мѣстъ и племенъ людей среднеазіатскихъ. Все это мнѣ неизвѣстно. Если Археол. Общество приметъ на себя издать этотъ документъ, все же корректура будетъ предоставлена мнѣ, за неимѣніемъ другого корректора; вотъ я и затрудняюсь и навру много. Я бы такъ полагалъ: если эту вещь печатать, то ее нужно напечатать съ переводомъ и съ сопоставленіемъ съ нашими русскими документами, какіе частію напечатаны, а болѣе должны храниться въ архивѣ военнаго министерства. Изложенное здѣсь движеніе магометанскихъ войскъ, конечно, докажутъ, дополнятъ или поправятъ русскія донесенія, но и сами въ свою очередь могутъ найти поправку въ русскихъ свѣдѣніяхъ; а во всякомъ случаѣ авторъ очевидно сочувствуетъ своимъ, и это сочувствіе отразилось въ поэмѣ. Пускать ее въ оборотъ между туземцами не стоитъ, а нужно ее издать для русскихъ или для европейцевъ, а для сего и требуется русскій комментарій. Перевести ее на русскій языкъ и назвать вѣрно всѣ мѣстности и всѣ лица могутъ очевидно въ Ташкентѣ и лишь подъ Вашимъ руководствомъ. Послѣ Вашего перевода, я и могу безопасно приступить къ печатанію. А то такъ нельзя ли,—я стану печатать, наберемъ здѣсь всю статью и пошлемъ къ Вамъ для окончательнаго просмотра, а Вы велите написать поправки-то какъ можно четче. Сообщите мнѣ на сей предметъ свое заключеніе.

Съ Васильемъ Васильевичемъ Радловымъ я разошелся, т. е. не поссорился и не имѣлъ къ тому повода, но не бываю у него и не пишу ему, а у Осипа Ѳедоровича Готвальда не былъ уже болѣе года. Я вообще сталъ домосѣдомъ. Наприм. у Александра Поликарповича (ректора Академіи) тоже давно

не бывалъ; у Ивана Яковлевича (Порфирьева) и другихъ давнымъ-давно не былъ. Поэтому я и не слыхалъ ничего о судьбѣ Вашего сартовскаго перевода Евангелія. Когда я былъ въ Петербургѣ съ начала октября 1885 года до половины мая 1886 года, Радловъ нѣсколько разъ встрѣчалъ меня на улицѣ, зазывалъ къ себѣ, но я такъ у него и не былъ. Но вотъ недавно я получилъ отъ него письмо и бандероль,— приступилъ онъ печатать свой словарь всѣхъ татарско-турецкихъ нарѣчій съ переводомъ русскимъ и нѣмецкимъ. Онъ и просилъ меня прочитывать послѣднюю корректуру. Я согласился. Вчера прочиталъ вторую партію. Посылаетъ гранками, по 16 гранокъ въ каждый разъ. Вчера-то прочиталъ я 17—32 гранки. Начавши съ нимъ нѣкоторое сношеніе, я, пожалуй, спрошу его, не знастъ ли онъ судьбы сартовскаго Евангелія, и что онъ напишетъ мнѣ, я сообщу Вамъ. Но лучше Вы сами мнѣ укажите, въ какомъ тонѣ я долженъ его запросить.

У насъ новый архіепископъ—Павелъ, экзархъ Грузіи. Тамъ его не возлюбили за его русское стремленіе, которое онъ не хотѣлъ скрывать. На его мѣсто послали преосв. Палладія умиротворить край. Павелъ изъ себя весьма видный, открытаго характера, отличный импровизаторъ и проповѣдникъ,—за каждой обѣднёй выходитъ съ жезломъ и говоритъ съ полчаса совершенно свободно, связно и плавно. Пріѣхалъ онъ числа 20 октября предъ Казанской. Во время общаго собранія Братства онъ высказалъ полнѣйшее сочувствіе къ Братству. 20 декабря служилъ въ Крещено-татарской школѣ.

3 февраля 1888 г.

24.

И письмо Ваше отъ 5 октября получилъ я, и все прежде посланное, получилъ. Весьма благодаренъ за Вашу всегдашнюю, добрую обо мнѣ память. Отъ 26 августа до 4 сентября былъ въ Казани Иванъ Давыдовичъ (Делянов.—министръ). Четвертаго-то онъ собственно выѣхалъ изъ Казани утромъ на Самолетѣ въ Нижній. 28-го въ воскресенье былъ у обѣдни въ университетѣ. Кстати: землякъ Вашъ, М. М. Зефировъ уже въ отставкѣ и, бѣдный, все недомогаетъ, а на

его мѣстѣ въ университетѣ товарищъ Вашъ Н. К. Миловидовъ, который прославился на всю Казань, какъ краснорѣчивый проповѣдникъ. 29-го Иванъ Давыдовичъ изволилъ присутствовать за обѣдней въ нашей семинаріи, которая прославилась на всю Казань своимъ пѣніемъ. Иванъ Давыдовичъ отстоялъ всю обѣдню съ часовъ и до конца, потомъ прошелъ по классамъ, поднялся вверхъ въ спальни, спустился въ столовую, на завтракъ воспитанниковъ, и наконецъ посѣтилъ мое помѣщеніе. Съ нимъ былъ управляющій учебнымъ округомъ Николай Гавриловичъ Потаповъ, окружный инспекторъ С. П. Б. учебнаго округа Гельбке и молодой чиновникъ департамента Н. Пр. Министръ попилъ чайку и побесѣдовалъ; коснулся и Ташкентскихъ дѣлъ; о генералѣ Розенбахѣ отозвался съ похвалой. Я вставилъ, что Розенбахъ размножилъ русско-туземныя школы и самъ постоянно поддерживаетъ ихъ своимъ вниманіемъ. На это Иванъ Давыдовичъ прибавилъ: онъ, должно быть, отличный администраторъ; прежде него въ Ташкентѣ постоянно были прерѣканія, то Кунъ или Забѣлинъ на Остроумова, то Остроумовъ на нихъ; а при Розенбахѣ всѣ эти дрязги затихли,—значитъ генералъ-губернаторъ умѣлъ ихъ примирить и связать.

Отсюда выводъ тотъ, что начальство прерѣканія не любитъ, ибо прерѣканія размножаютъ переписку, портятъ душевное расположеніе. Я что думаю? Васъ, разумѣется, всѣ знаютъ какъ дѣлового и точнаго въ службѣ чиновника, знающаго дѣло и усерднѣйшаго; одно можетъ попрепятствовать окончательно остановиться на Васъ,—если вспомянетъ прежнія прерѣканія... Однако Ваше долговременное пребываніе въ Ташкентѣ и знакомство съ тамошними дѣлами и условіями, бытомъ и понятіями туземцевъ, конечно, дадутъ вѣсъ въ Вашу сторону; нужно лишь Вамъ выдержать настоящее временное Ваше испытаніе, т. е. исправленіе должности. Если Вы станете писать отчетъ по учебной части въ области, то не могите черкнуть что—либо неодобрительное или набрасывающее тѣнь на Забѣлина,—все хорошо, гладко и благородно.

Если Забѣлину удастся выхлопотать въ Туркестанскій край особаго инспектора мусульманскихъ школъ, то Вы на это мѣсто опредѣлите или порекомендуйте Николая Андреевича; онъ костьми ляжетъ, а постарается и чего-нибудь достигнетъ. И теперь его бы нужно сдѣлать инспекторомъ учи-

лищъ Сыръ-Дарьинскаго района, а сдѣланный-то ни слова не знаетъ по сартски, ни по киргизски, что же онъ можетъ подѣлать, кромѣ развѣ формальной отписки? Я впрочемъ сомнѣваюсь, чтобы удалось выхлопотать штатъ инспектора мусульманскихъ школъ,—министръ финансовъ весьма скупъ на деньги.

А теперь разскажу случай. Разъ, давно, получаю изъ департ. Нар. Пр. порученіе—нѣсколько №№ киргизско-русской газеты изъ Омска, съ мнѣніемъ попечителя Томскаго университета В. М. Флоринскаго, что газеты мусульманскія вообще вредны,—у меня требовали заключенія. Я газету вообще защитилъ, но въ этихъ №№ нашелъ нѣкоторую нескладицу; дѣйствительно странныя встрѣтились непониманія довольно обыкновенныхъ русскихъ словъ. Объ этомъ я послалъ конфиденціальное сообщеніе Г. А. Колпаковскому, т. е. я ему не сказалъ, что противъ его распоряженія издавать киргизскую газету нашлось возраженіе, но якобы случайно попались мнѣ №№ газеты. Я ему указалъ на Вашу газету, какъ на образецъ по содержанію и направленію. Вы, повидимому, получаете ее, ибо иногда цитуете.

NB. А интересно знать, кто же заступитъ генерала Розенбаха. Унего была политика ясная и опредѣленная; неловко, если его преемникъ круто измѣнитъ политику. А можетъ, онъ еще вернется въ край.—А замѣстителемъ Забѣлина, я, говоря по душѣ и по искренности, желалъ бы видѣть Васъ, какъ уже опытнаго и основательнаго знатока культурныхъ потребностей края. Кланяемся Вамъ и семьѣ Вашей.

27 октября 1888 г.

25.

На этихъ самыхъ дняхъ я услышалъ, что въ главные инспектора къ Вамъ назначается будто бы Керенскій, директоръ Симбирской гимназіи. Не знаю, засталъ-ли онъ въ Петербургѣ Розенбаха, но во всякомъ случаѣ не безъ вѣдома же генералъ-губернатора назначаютъ къ нему въ край такого важнаго чиновника, какъ главный инспекторъ. Назначеніе Керенскаго, Ѳедора Михайловича, повидимому, окончательное.

Онъ при Васъ въ Казани былъ инспекторомъ 1-й гимназіи... Розенбахъ теперь уже не въ Ташкентѣ ли? Я читалъ въ газетѣ, что онъ проѣхалъ въ Закаспійскую область, а оттуда поѣдетъ прямо домой. Закаспійская область соединяется-де съ Туркестанскою областью, а что станется съ Комаровымъ? Онъ вѣрно останется губернаторомъ мѣстнымъ, подъ главенствомъ генерала Розенбаха...

У насъ много случилось печальныхъ событій. Умеръ Мих. Мих. Зефировъ. У него болѣзнь была внутренняя, въ родѣ какъ будто рака въ желудкѣ или въ печени. Долго лежалъ, мѣсяца 4, къ концу ничего не могъ ѣсть и пить и такъ и истаялъ. Скончался въ 2 часа ночи на субботу 4-го числа, хоронили въ понедѣльникъ 6-го числа, сегодня девятый ему день. А еще раньше померъ В. А. Снегиревъ, [1]) тоже ракомъ предъ желудкомъ. Долго онъ страдалъ этимъ, ѣздилъ на Кавказъ и въ Крымъ, былъ все на ногахъ. Предъ обѣдомъ прогулялся по улицѣ и пошелъ по комнатѣ,—вдругъ ему сдѣлалось дурно, повалился, и открылось у него кровотеченіе. Это ракъ-то прободилъ кровеносный сосудъ. Такъ и умеръ. Хоронили въ субботу сырной недѣли.

Если позволительно мнѣ присоединить нѣкоторое размышленіе къ назначенію главнаго инспектора, то я, по своему крайнему разумѣнію, находилъ бы для васъ лучше, хотя для дѣла, быть можетъ, и хуже, нежели если бы Вы заняли этотъ постъ. Вы уже и край знаете основательно и съ мусульманствомъ и съ азіятствомъ (знакомы): но Вы слишкомъ горячо принимаете къ сердцу всякое дѣло, что гдѣ недостаточно или плохо. А людей не исправишь, и круто, скоро ничего не дѣлается. И будете Вы истиннымъ страдальцемъ изъ за людей! Однѣ только русско-туземныя школы—сколько Вамъ надѣлали бы печали, а онѣ любимое дѣтище генерала Розенбаха. Пусть же другой инспекторъ съ этими училищами и возится. Изъ объявленія, напечатаннаго въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, я узналъ, что въ январской книжкѣ Странника за 1889 г. напечатана Ваша статья о Суданскомъ Махди. Но доселѣ еще не удалось добыть книжку журнала, но безъ сомнѣнія должна быть весьма интересна.

---

[1]) Профессоръ Академіи.

Отъ Васъ попутчикъ, путешествовавшій въ Москву и Кіевъ на юбилей крещенія Руси, передалъ мнѣ корректурные листы сартскаго перевода Евангелія отъ Матѳея, печатаннаго въ Лейпцигѣ. Передалъ-то онъ, когда я совсѣмъ собрался въ дорогу на лѣтній отдыхъ, въ Ставрополь Самарской губерніи. Я положилъ эту тетрадку въ Библію, самъ поѣхалъ, но я не зналъ прямого Вашего намѣренія и съ какой цѣлью Вы мнѣ прислали это. Мнѣ представилось, что Вы мнѣ ради любопытства сообщили свою работу. Я ее почиталъ не всю, а довольно много и, признаюсь откровенно, она мнѣ очень понравилась въ отношеніи склада языка. Теперь, почитавши отчетъ британскаго Библейскаго общества, я посмотрѣлъ, тамъ о сартскомъ переводѣ ничего я не нашелъ, въ отчетѣ-то. Сейчасъ, далеко заднимъ числомъ, я придумалъ: постараюсь переговорить съ Ос. Ѳед. Готвальдомъ, чтобъ онъ принялъ участіе въ Вашемъ переводѣ. Онъ можетъ прочитать его и оцѣнить его достоинства; можетъ узнать навѣрное, что по сему сдѣлано и напечатанъ-ли этотъ переводъ. Если онъ еще не напечатанъ, то бы Вашъ-то переводъ напечатали набѣло.

Что это за кляузу придумалъ Авганскій Абдурахманъ, придвинувшись къ Русской границѣ? Его, кажется, какъ чествовалъ покойный Кауфманъ, и за что онъ это интригуетъ Россію? Видно, на азіатовъ никогда нельзя полагаться, а всегда быть отъ нихъ насторожѣ. Любопытно, что и какія новости и новыя распоряженія привезъ Вамъ Вашъ попечительный и дѣйствительно хорошій начальникъ—усердный устроитель края.

13 марта 1889 года.

26.

Я получилъ Ваше письмо отъ 28 марта. Оно исполнено глубокой грусти. Конечно, трудно не загрустить, въ виду тягостныхъ обстоятельствъ. Но Вы должны и себя беречь, беречь, какъ единственнаго въ краѣ человѣка, ясно и вѣрно понимающаго серьезность положенія. Ваши туркестанскіе мусульмане уже послѣ всѣхъ русскихъ своихъ собратій отозвались на призывъ къ обособленности и самостоятельности. Живущіе въ Россіи татары видимо сплачиваются и подъ водительствомъ „Переводчика“ стараются упрочить исламъ на раціональныхъ и интеллигентныхъ основаніяхъ, притомъ независимо отъ русскаго образованія и отъ русскаго языка. Теперь въ Казанской губерніи началась оппозиція татаръ—прихожанъ противъ распоряженія правительства объ изученіи русскаго языка муллами. Въ Тетюшскомъ уѣздѣ одинъ мулла принялъ въ свою медресу учителя русскаго языка изъ воспитанниковъ Раллова; такъ на него обозлился весь приходъ, изгнали съ ругательствами и толчками изъ мечети, не даютъ пастись его скоту, отстранили его отъ требъ и доходовъ,—хоть со свѣта бѣлаго бѣги. Въ Казани написали на Высочайшее имя прошеніе, въ которомъ интригуютъ даже Миссіонерскій противомусульманскій Сборникъ и Казанскія Епархіальныя Извѣстія. Составили депутацію и послали въ Петербургъ. Все это шевелитъ и волнуетъ народъ, но кажется, это ихъ броженіе не должно повести къ серьезнымъ послѣдствіямъ.

Вы пишете, что казанскіе миссіонеры не читаютъ „Переводчика“,—но Е. А. (Маловъ) выписывалъ его на свое имя и не получалъ; нынѣче впрочемъ онъ уже умудрился выписать на чужое имя. Татары хитры—не всякому даютъ свои секреты.

Я, кажется, послалъ Вамъ свою брошурку о Дальтонѣ. Нѣтъ худа безъ добра: Дальтонъ обратилъ вниманіе на татарскія книги, которыя кстати стали вновь составляться съ тенденціями. Нашъ цензоръ В. Дм. Смирновъ, Петербургскій профессоръ-то, теперь сталъ неумолимъ, чуть книга мѣтитъ, куда не слѣдуетъ, онъ просто ее запрещаетъ, и много уложилъ въ цензурный архивъ на всегдашнее лежаніе. Онъ иногда пишетъ мнѣ; ему изъ Питера-то виднѣе. У передовыхъ татаръ появляются статьи литературныя, въ родѣ нашихъ повѣстей и романовъ,—но какъ-то странно звучатъ эти пріемы и мысли въ татарской оболочкѣ. Одинъ написалъ *драму*, въ которой женихъ стараго закала присватался было къ красавицѣ Зюлейхѣ, но у него отбилъ невѣсту цивилизованный юноша. Это на четырехъ листахъ, со вздохами и восклицаніями. Извольте видѣть,—переводить на другіе языки и на театрѣ представить эту драму безъ согласія автора воспре-

щается. Совсѣмъ Европа; они на Европу-то и бьютъ.—В. Д. Смирновъ пишетъ, что теперь много является разныхъ тенденціозныхъ татарскихъ произведеній, такъ что гляди въ оба, ибо нерѣдко ядовитые-то намеки укрыты между строками, надо ихъ раскапывать. Благодаря В. Д.—чу-то, прекращено печатаніе въ особомъ приложеніи къ Акмолинскимъ областнымъ вѣдомостямъ Исторіи Вамбери; не появится въ „Переводчикѣ“ обѣщанная Энциклопедія. Гаспринскій грозится протестовать на цензурный комитетъ въ Прав. Сенатъ. Вотъ татарскіе интеллигенты, съ Гаспринскимъ во главѣ, и добиваются, чтобы духовная мусульманская цензура предоставлена была духовному лицу муфтію или духовному собранію Уфимскому. Это тоже не состоялось, все благодаря отпору В. Д-ча. Слава Богу, человѣкъ еще борется, держится, крѣпится.—Въ Ростовѣ на Дону случилось въ прошломъ году вотъ какое дѣло. Въ Екатеринославской губерніи распространились штундизмъ и баптизмъ, и епархіальное начальство учредило нѣсколько маленькихъ комитетовъ для увѣщанія заблуждающихся изъ духовныхъ и частію мірянъ. Протопопъ Ростова на Дону и вздумалъ открыть собесѣдованіе съ баптистами въ городской думѣ ростовской,—громадная зала съ хорами. Въ назначенный и опубликованный день собралась масса народа, и зала и хоры биткомъ набились. А въ Ростовѣ множество евреевъ, армянъ, русскихъ нигилистовъ и татары цивилизованные. Вотъ этого рода публика набралась слушать состязаніе священника съ баптистами. Завели разговоръ о приснодѣвствѣ Св. Дѣвы Маріи, противъ котораго баптисты кощунственно отзываются. Вдругъ, откуда ни возьмись, приплелся мулла Бигеевъ; онъ отлично владѣетъ русскимъ языкомъ, а татарской догматикѣ учился въ Казанскихъ медресахъ. Отвлекши на себя вниманіе миссіонеровъ, онъ забросалъ возраженіями противъ божества Господа Іисуса Христа,—и пошелъ писать. Бились нѣсколько часовъ; разумѣется, отцы не могли убѣдить муллу и не понравились публикѣ, которая сочувствовала все муллѣ. Вотъ этотъ мулла и написалъ романъ, гдѣ изображаетъ свой споръ, но В. Д. забастовалъ это литературное произведеніе; мулла переписалъ, опустивши и о спорѣ, на что намекнулъ въ предисловіи. Я о спорѣ-то читалъ въ Екатеринославскихъ Епархіальныхъ вѣдомостяхъ и навелъ нѣкоторую критику на самонадѣянный поступокъ

нашихъ духовныхъ, которые все лѣзутъ въ большую публику, бьютъ на славу, на знаменитость, а вмѣсто того только срамятся и унижаютъ съ собой вѣру Православную.

Крѣпитесь, берегите себя до лучшихъ дней, на день нужды, какъ старый мечъ заброшенный ржавѣетъ, но придетъ нужда, его вынутъ, отшлифуютъ, и заблеститъ онъ въ рукахъ истиннаго героя. Аминь.

20 апрѣля 1890 года.

27.

Нашъ незабвенный другъ и соработникъ Александръ Павловичъ скончался. Онъ захворалъ еще въ семинаріи и, затрудняясь вести ежедневное по нѣскольку часовъ преподаваніе, предпочелъ службу разъѣздную инспекторскую. Кстати подвернулся уѣздъ Ставропольскій, Самарской губерніи, сравнительно меньшаго размѣра и не особенно значительнаго числа училищъ. Въ Ставрополѣ онъ особенно расхворался, очутился въ одиночествѣ. Его мы привезли, уже сильно больного, въ Казань, въ деревянный домъ крещено-татарской школы, гдѣ была спальня нашихъ семинаристовъ. Лечилъ В. М. Рожанскій, докторъ медицины. Но, значитъ, сила болѣзни и судьбы Божіи сильнѣе человѣческихъ усилій и знаній У насъ попечитель Порфирій Николаевичъ Масленниковъ померъ въ Астрахани на ревизіи, и потомъ на одной съ нимъ недѣлѣ столько послѣдовало въ Казани смертей, иногда внезапныхъ.

Я недавно получилъ Ваше письмо, гдѣ Вы запрашиваете о сартскомъ переводѣ Евангелія. Я напишу скоро Василію Дмитріевичу Смирнову, а Осипъ Ѳедоровичъ Готвальдъ уже по старости забываетъ, что прежде говорилъ. Но я думаю такъ объяснить все это дѣло. У Никольсона библейскихъ денегъ громадныя тысячи, не знаетъ, куда дѣвать; а тутъ примазались охотники до поживы и заявили, что дескать такое серьезное и новое дѣло, какъ сартскій переводъ, нужно обставить всѣми обезпеченіями. Ваша честь—основной переводъ, а ихъ трудъ будетъ состоять въ исправленіи. Ваши деньги Вамъ принадлежатъ, а они получатъ свою долю. А что Никольсонъ Васъ именуетъ профессоромъ, то это есть обычный почетный титулъ заграницей, а не должность, какъ

у насъ. А что превосходительствомъ называетъ, то это по чувству конечно уваженія, а вѣдь гдѣ же ему наводить точныя справки; онъ говоритъ по глазомѣру, видѣвши Васъ въ Петербургѣ.

Пока довольно. Напишу, если узнаю что о Никольсоновомъ отношеніи къ Вашему переводу.

мая (?) 1890 г.

28.

Пріѣхалъ Вашъ ученикъ Михаилъ Николаевичъ Делюсто и разсказалъ многое о Васъ и семьѣ Вашей, изъ чего видно, что Вы живете здраво и благополучно. Разумѣется, онъ судитъ по Вашему внѣшнему проявленію; но все-таки слава Богу. У насъ здѣсь новостей нѣтъ, кромѣ смѣны начальства путемъ естественнаго вымиранія. Въ текущемъ году смѣнились такимъ образомъ попечители Казанскій и Оренбургскій. У насъ попечителемъ бывшій помощникъ попечителя Н. Гавр. Потаповъ, а помощникомъ пріѣхалъ изъ Петербурга извѣстный классикъ В. В. Латышовъ.

Наши добрые сосѣди—татары весь годъ волновались разными затѣями, чтобы отклонить Высочайшее повелѣніе объ изученіи муллами русскаго языка. Писали коллективное прошеніе, посылали въ Петербургъ депутацію, которая была возвращена чуть не этапнымъ порядкомъ, а прошеніе отвергнуто. Замѣтно было, что татары въ Высокоторжественные дни не выставляли флаговъ—мстили слезой. Теперь, кажется, немножко успокоились. Началась культурная война между татарами и цензоромъ, В. Дм. Смирновымъ. Помните, что Дальтонъ въ своемъ Offenes Sendchreiben коснулся съ попрекомъ татарской печати и выставилъ три книжки фанатичнаго и антихристіанскаго содержанія, а онѣ де разрѣшены правительственной цензурой. Вѣроятно это отчасти отразилось на В. Д. Смирновѣ, и вотъ онъ началъ черкать въ татарскихъ книгахъ слова кяфиръ и т. п. Татары этимъ смущены и огорчены. Изъ афтіека онъ вычеркнулъ суру كافرين, вообще не стѣсняясь черкаетъ, чуть что не ладно. Но дѣло въ томъ, что у насъ и редакціи иныя, и даже лица оффиціальнаго міра смотрятъ на вещи слишкомъ абсолютно,—какъ

бы такіе чины, подбитые татарствомъ, не опрокинули нашего храбраго и стойкаго Василія Дмитріевича,—это будетъ очень жаль. Газеты, подъ камертонъ „Переводчика“, возвѣщали объ особенномъ благоволеніи въ Вашихъ мѣстахъ къ татарамъ, которые будто бы сдѣлали великую услугу Россіи при завоеваніи края. Недавно наши Казанскіе татары, 17 октября, учинили молебствіе въ домѣ городской думы и просили губернатора чрезъ г. министра внутреннихъ дѣлъ повергнуть къ стопамъ Его Величества, что вотъ—де молились за Государя и проч. Умѣютъ показать товаръ лицомъ.

Октября (?) 1890 г.

II.

Записка Н. И. Ильминскаго о преподаваніи языковъ въ Ташкентской учительской семинаріи

по поводу отношенія Г. Туркестанскаго генералъ-губернатора 26 декабря 1885 года за № 2175.

Въ этомъ отношеніи, разобравъ изложенныя въ отношеніи г. министра народнаго просвѣщенія отъ 26 сентября 1885 года возраженія противъ введенія въ Туркестанской учительской семинаріи преподаванія туземныхъ нарѣчій сартовскаго и персидскаго и языка арабскаго, генералъ-адъютантъ фонъ-Розенбахъ снова ходатайствуетъ о разрѣшеніи ввести въ семинарію преподаваніе арабскаго языка, съ назначеніемъ для сего особаго преподавателя-спеціалиста, съ производствомъ ему ежегоднаго содержанія по 2500 р., объ утвержденіи сдѣланнаго имъ распоряженія о преподаваніи въ семинаріи сартовскаго и персидскаго нарѣчій, въ замѣнъ преподававшагося киргизскаго, и объ утвержденіи распоряженія о порученіи особому практиканту изъ туземцевъ практическихъ занятій съ воспитанниками семинаріи персидскимъ и сартовскимъ нарѣчіями, съ назначеніемъ ему постояннаго вознагражденія по 600 р. въ годъ. Послѣ возобновленнаго настоянія на вышеизложенномъ ходатайствѣ г. туркестанскаго генералъ-губернатора я полагалъ бы неудобнымъ отклонять введеніе въ Туркестанской учительской семинаріи преподаванія арабскаго языка и туземныхъ нарѣчій персидскаго и сартовскаго, особенно послѣднихъ двухъ, которыя уже преподаются въ семинаріи теоретически и практически по распоряженію г. генералъ-губернатора. Главному начальнику отдаленнаго края должны быть виднѣе и ближе къ сердцу мѣстныя потребности и условія.

Но положенныя въ основу сего ходатайства свѣдѣнія и разсужденія о туземныхъ нарѣчіяхъ и арабскомъ языкѣ столь сбивчивы и не точны, что они не могутъ ручаться за правильную и цѣлесообразную постановку преподаванія названныхъ языковъ въ семинаріи. Ради содѣйствія именно правильной постановкѣ дѣла считаю обязательнымъ откровенно указать находящіяся въ разсматриваемомъ отношеніи неправильныя и неточныя воззрѣнія на предметъ нѣкоторымъ образомъ моей спеціальности.

Разсужденіе объ относительной надобности преподаванія туземныхъ языковъ начинается заявленіемъ о неудовлетворительности, зависѣвшей отъ неуспѣшности и частой перемѣны преподавателей онаго. Вина преподавателей, конечно, не должна падать на самый предметъ и отвергать его пользу и надобность. Для дѣла существеннѣе слѣдующія затѣмъ соображенія о киргизскомъ языкѣ, изъ которыхъ выводится неуспѣшность преподаванія его въ семинаріи.

Киргизскій языкъ изображенъ слѣдующими чертами: „киргизскій языкъ, какъ нисколько не установившійся, не даетъ для школы опредѣленнаго матеріала для изученія. Такъ какъ языки киргизъ и кара-киргизъ заключаютъ въ себѣ столько особенностей, что представители ихъ взаимно могутъ не понимать себя, если они не ознакомлены съ этими особенностями". На это замѣчу, что киргизы и кара-киргизы суть два разныхъ племени, случайно сошедшіяся только въ этомъ названіи (Киргизъ), данномъ имъ русскими, а туземцы называютъ ихъ: казакъ и киргизъ.

„Потомъ (продолжается въ отношеніи) всѣ киргизы большой, малой и средней орды говорятъ однимъ и тѣмже языкомъ, но произношеніе ихъ до того различно, что непривычному и неопытному уху бываетъ почти не возможно разобраться въ этомъ различіи". Напротивъ, киргизскій языкъ представляетъ рѣдкую и почти безпримѣрную одинаковость въ звукахъ и формахъ при той обширной площади, которую

киргизы занимаютъ. Я наблюдалъ киргизскій языкъ въ западной части киргизскаго населенія бывшаго Оренбургскаго вѣдомства на параллеляхъ отъ Илецкаго городка до Уральска и собранные матеріалы записалъ русскими буквами съ возможною опредѣлительностью звуковъ. Эти матеріалы были напечатаны въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета въ 1861 г. В. В. Радловъ изслѣдовалъ киргизскій языкъ на восточной окраинѣ степи Сибирскаго вѣдомства и составилъ обширное и богатое собраніе произведеній народной киргизской словесности. Онъ нашелъ совершенное сходство въ звуковомъ отношеніи своихъ наблюденій съ моими.

„Не сразу, полагаю, можно догадаться, что въ словахъ киргизъ крайняго запада: *сыу*, *ауыл*, *айыу*, заключаются обыкновенныя слова: су (вода) аулъ (деревня), аю (медвѣдь), которыя въ употребленіи у киргизъ туркестанцевъ и всѣхъ сартовъ“. Представленные сейчасъ примѣры различаются собственно по написанію, а вовсе не по произношенію, между тѣмъ они явно приведены въ доказательство различнаго будто бы произношенія киргизовъ разнымъ мѣстностей. Поясню кстати, что написаніе *сыу*, *ауыл*, *айыу* и т. п. принято мною въ орѳографіи крещено-татарскихъ переводовъ по уваженіямъ грамматическимъ.

Далѣе читаемъ: „по наблюденіямъ нѣкоторыхъ оріенталистовъ, на пути отъ Оренбурга до Ташкента, киргизы говорятъ татарскимъ языкомъ съ примѣсью своихъ собственныхъ словъ, которыя тоже, быть можетъ, были когда то общеупотребительны и у другихъ родственныхъ имъ народовъ, но вышли уже изъ употребленія.“ Въ 1859—1861 годахъ, лично знакомясь съ киргизами и киргизскимъ языкомъ, я замѣтилъ, что на западной границѣ киргизы поддаются вліянію татарской грамотности и магометанства и усваиваютъ какъ нѣкоторыя принадлежности татарскаго костюма, такъ и нѣкоторыя черты татарскаго языка. Поэтому я полагаю, что нѣкоторымъ оріенталистамъ на пути отъ Оренбурга до Ташкента попадались говорящіе татарскимъ языкомъ отдѣльныя обтатарившіяся личности изъ киргизовъ, а не то, чтобы все сплошь населеніе названныхъ мѣстностей говорило татарскимъ языкомъ. Я имѣю знакомыхъ въ Орскѣ, Туркестанѣ и Иргизѣ, имѣющихъ основательное понятіе о татарскомъ языкѣ и киргизскомъ, которые мнѣ ничего не сообщили о существованіи

татарскаго языка у киргизовъ своихъ мѣстностей. Что же касается до собственныхъ киргизскихъ словъ, вышедшихъ уже изъ употребленія у другихъ родственныхъ народовъ (разумѣю сартовъ и татаръ) древняго тюркскаго языка, такъ наименѣе цивилизованные и затронутые магометанствомъ народы тюркскаго семейства, каковы напримѣръ киргизы, наиболѣе сохранили древнѣйшій матеріалъ языка, тогда какъ народы, болѣе или менѣе глубоко проникнутые ученіемъ Корана и Иранской культурой, приняли въ свой языкъ много персидской и арабской примѣси. Въ разсматриваемомъ отношеніи сказано, что въ сартовскомъ языкѣ около трети персидскихъ словъ и арабскихъ. Такимъ образомъ киргизскій языкъ есть изъ наиболѣе сохранившихся представителей тюркскаго семейства.

„Они (киргизы), кромѣ того, ужасно искажаютъ слова произношеніемъ, замѣняя однѣ буквы другими. Многія слова, даже фразы сокращаются и почти пропадаютъ въ разговорѣ“. Это возраженіе есть собственно своеобразное выраженіе свойственнаго многимъ языкамъ фонетическаго закона, по которому чужія слова принимаются болѣе или менѣе въ переработанномъ видѣ, ассимилируются. Французскій языкъ почти весь составился изъ искаженныхъ такимъ образомъ латинскихъ словъ. Наши русскія слова: фартукъ, слесарь, ярмонка, также довольно удалены отъ своихъ нѣмецкихъ первообразовъ. Въ киргизскомъ языкѣ этотъ законъ имѣетъ значительное примѣненіе; въ этомъ, слѣдовательно, нѣтъ ничего предосудительнаго и ужаснаго. Что касается до сокращенія и почти совершеннаго пропаданія въ киргизскомъ разговорѣ многихъ словъ и даже фразъ, то я не вполнѣ понимаю, что это значитъ. Быть можетъ, сжатый и энергическій складъ киргизской рѣчи рѣзко отличается отъ разплывчатаго и педантичнаго изложенія сартовскихъ краснобаевъ. Такимъ образомъ киргизскій языкъ напрасно называется здѣсь не установившимся и переходнымъ, который будто бы очень трудно изучать. Онъ напротивъ имѣетъ вполнѣ опредѣленныя черты, звуковыя и грамматическія. Равнымъ образомъ не совсѣмъ вѣрно и то, будто его можно изучать только на мѣстѣ, и то въ живой рѣчи. Не мало уже напечатано подлинныхъ народныхъ киргизскихъ произведеній: въ Ташкентѣ г. Лютшемъ, въ Оренбургѣ—инспекторомъ киргизскихъ школъ тургайской

области Алтынсаринымъ и особенно въ третьемъ томѣ извѣстнаго сборника В. В. Радлова. Пособіемъ къ изученію киргизскаго языка могутъ также служить напечатанный въ Ташкентѣ киргизскій словарь Букина и матеріалы къ изученію киргизскаго нарѣчія въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета за 1861 годъ.

Я разобралъ подрядъ все разсужденіе о киргизскомъ языкѣ; безпристрастному читателю предоставляется судить, насколько въ немъ находится вѣрныхъ мыслей.

Вслѣдъ за киргизскимъ идетъ разсужденіе объ языкѣ сартовскомъ, который представляется не только важнымъ самъ по себѣ, но даже „самымъ скорымъ и надежнымъ путемъ, чтобы подойти къ киргизскому языку и народу“.... „Будучи одного корня съ киргизскимъ, сартовскій языкъ ко всѣмъ вообще группамъ киргизскаго языка находится въ такомъ же отношеніи, а къ нѣкоторымъ и ближе, въ какомъ эти группы находятся взаимно между собою“.

Выше я показалъ, что собственно киргизскій языкъ не имѣетъ никакихъ группъ. Вблизи магометанскихъ странъ и городовъ могутъ быть только нѣкоторыя черты вліянія сосѣдей по языку, понятіямъ и быту, какъ это имѣется на западной приуральской окраинѣ киргизскаго населенія.—Сартовскаго языка самъ я не изучалъ и на мѣстѣ не наблюдалъ, но могу судить о немъ по нѣкоторымъ печатнымъ сочиненіямъ мѣстныхъ изслѣдователей. Г. Наливкинъ составилъ русско-сартовскій и сартовско-русскій словарь *по нарѣчіямъ Наманганскаго уѣзда*“, и въ приложеніи къ этому словарю грамматику „сартовскаго языка *Андижанскаго нарѣчія*“. З. А. Алексѣевъ въ своемъ самоучителѣ сартовскаго языка (Ташкентъ 1884) на стр. 70 приводитъ для одного и того же значенія въ разговорномъ сартовскомъ языкѣ двѣ очень различныя формы Коканскую и Ташкентскую, а обѣ эти формы сильно отличаются отъ книжной или письменной, литературной. Кромѣ того, въ томъ и другомъ сочиненіи есть ясные намеки на отступленіе разговорной рѣчи отъ книжнаго языка у сартовъ. Могу судить по аналогіи казанскихъ татаръ. Татары пренебрегаютъ своимъ роднымъ нарѣчіемъ и примѣшиваютъ къ нему не только въ сочиненіяхъ, но и въ частной перепискѣ болѣе или менѣе арабскихъ и персидскихъ словъ и оборотовъ, турецкихъ и джагатайскихъ формъ и выраженій, сообразно вкусу и об-

разованію каждаго. Въ Средней Азіи были въ старину писатели знаменитые, напр. поэтъ Миръ Алиширъ-Неваи, которыхъ сочиненія съ удовольствіемъ читаются и теперь въ Средней Азіи. Нынѣшнія писанія сартовъ туркестанскаго края должны (полагаю) составлять нѣкую колеблющуюся средину между формами и складомъ языка тѣхъ древнихъ писателей и нынѣшнихъ мѣстныхъ нарѣчій. Слѣдовательно, въ сартовскомъ языкѣ нужно отличать языкъ книжный или письменный и нѣсколько мѣстныхъ нарѣчій или говоровъ. Такимъ образомъ въ теоретическомъ и практическомъ преподаваніи воспитанникамъ Туркестанской учительской семинаріи сартовскаго языка предстоитъ гораздо большая, чѣмъ прежде, затруднительность отъ разнообразія и сбивчивости грамматическихъ формъ книжныхъ и разговорныхъ.

„Каждый сартъ (читаемъ далѣе въ разсматриваемомъ отношеніи) совершенно свободно объясняется со всѣми срединными киргизами; понимая киргизскій языкъ, онъ всегда съумѣетъ приноровить и сдѣлать понятнымъ киргизу свой отвѣтъ. Только при такомъ пониманіи киргизами сартовскаго языка, возможна обширная со стороны сартовъ пропаганда ислама между киргизами. Владѣющій сартовскимъ языкомъ можетъ свободно объясняться со всѣми туземцами не только туркестанскаго края, но и всей средней Азіи“. Мнѣ представляется нѣсколько преувеличеннымъ, чтобы *каждый* сартъ *совершенно свободно* объяснялся со *всѣми* срединными киргизами. Бойко и свободно объясняются съ киргизами по всей вѣроятности только торговые сарты, которые имѣютъ дѣла въ киргизскихъ кочевьяхъ и практически знакомятся съ киргизскимъ языкомъ. Умѣнье сарта „всегда приноровить и сдѣлать понятнымъ свой отвѣтъ киргизу“ должно приписать собственно находчивости и свойственной вообще торговому люду смѣтливости сартовъ, а не самому сартовскому языку. А потому трудно повѣрить, чтобы, напр. русскій человѣкъ, овладѣвши только сартовскимъ языкомъ, могъ свободно объясняться со всѣми туземцами всей Средней Азіи, если только предварительно не ознакомился съ мѣстными нарѣчіями и говорами. Или же надо представить дѣло подобно тому, какъ напр. русскій, урожденецъ внутреннихъ губерній, можетъ кое-какъ объясниться въ Малороссіи и даже въ Польшѣ и др. славянскихъ земляхъ.

„Сартовскій языкъ, какъ языкъ осѣдлаго населенія, торговаго и интеллигентнаго гораздо богаче киргизскаго, значительно болѣе его разработанъ, имѣетъ уже свою грамматику и нѣкоторую литературу". Что значитъ, что сартовскій языкъ имѣетъ свою грамматику? Если подъ грамматикой разумѣть законы языка, то каждый языкъ имѣетъ свою грамматику. Если же разумѣть письменное изложеніе грамматическихъ правилъ, то почти всѣ магометанскія народы знаютъ и изучаютъ только арабскую грамматику, а грамматику своихъ языковъ не только не изслѣдуютъ, но даже не подозрѣваютъ ея существованія. Вѣроятно, здѣсь разумѣются вышеупомянутыя сочиненія о сартовскомъ языкѣ Наливкина и Алексѣева. Само сартовское населеніе, конечно въ противоположность киргизскому народу, названо осѣдлымъ, торговымъ и интеллигентнымъ. Послѣдній эпитетъ едвали заслуженно приписанъ сартамъ. Я полагаю, что киргизы, и по своей природной даровитости и воспріимчивости, и по меньшей пропитанности магометанствомъ, гораздо способнѣе къ русскому и гуманному образованію, нежели сарты; очень много киргизскихъ дѣтей получаютъ образованіе въ Омскомъ кадетскомъ и Оренбургскомъ Неплюевскомъ корпусѣ и въ бывшей въ Оренбургѣ киргизской школѣ. Я зналъ нѣсколько очень дѣльныхъ и развитыхъ киргизовъ, какъ напр. Чукина, Вытханова, двоихъ Сейдалиныхъ, Джантюрина, Алтынсарина и др. Воспитанникъ Туркестанской учительской семинаріи Букинъ, судя по его сочиненіямъ, также представляетъ несомнѣнные задатки хорошаго умственнаго развитія. Поэтому то и жалко, что русское образованіе предположено привить къ киргизскому народу не прямо и непосредственно, а какимъ то обходнымъ сартовскимъ путемъ.

„Изучившій сартовскій языкъ (говорится далѣе въ разбираемомъ отношеніи) этимъ самымъ пріобрѣтаетъ уже не только значительное знаніе и киргизскаго языка, но и сознательно можетъ относиться къ тѣмъ извращеніямъ словъ и оборотовъ рѣчи, которыя, какъ сказано выше, постоянно встрѣчаются у киргизъ въ живой ихъ рѣчи". Я уже пояснилъ, что и сартовскаго языка нельзя признавать нормальнымъ, правильнымъ и послѣдовательнымъ въ грамматическомъ отношеніи. Если его сравнить съ древнимъ типомъ тюркскаго

языка, насколько послѣдній можно видѣть въ старинныхъ рукописяхъ, то и сартовскій языкъ въ своемъ родѣ не менѣе киргизскаго отошелъ отъ него и оразнообразился въ своихъ формахъ. Мысль г. туркестанскаго генералъ-губернатора, насколько я полагаю, стремится къ тому, чтобы дать воспитанникамъ Туркестанской семинаріи, нѣкоторое, такъ сказать, центральное и основное понятіе о языкѣ, ключъ ко всѣмъ мѣстнымъ нарѣчіямъ и говорамъ тюркскаго языка,—эта мысль совершенно вѣрна и, такъ сказать, экономична, но ей предназначается неправильная постановка въ исполненіи. Теоретическое преподаваніе въ семинаріи должно основываться не на киргизскомъ и не на сартовскомъ нарѣчіи, но на древнетюркскомъ или джагатайскомъ языкѣ.

Этотъ языкъ имѣетъ одинаковую и строго послѣдовательную форму склоненій и спряженій и вообще простую и не разнообразную этимологію. Его своеобразное словосочиненіе логично и послѣдовательно, а также не особенно многосложно. Нужно только ясно преподать семинаристамъ фонетическую систему, внутреннее значеніе этимологическихъ формъ, напр.: падежей, временъ и т. д., и основательнѣе и точнѣе внушить правила словосочиненія. Нарѣчія тюркскія вообще не такъ отошли отъ этого коренного языка, какъ напримѣръ новые европейскіе языки отъ своихъ древнихъ языковъ. Поэтому отъ древняго тюркскаго языка легко можно перейти ко всякому мѣстному его нарѣчію,—сартовскому, киргизскому, каракиргизскому и т. д., и всѣ эти мѣстныя нарѣчія и говоры получатъ тогда не только надлежащее освѣщеніе, но и подобающую степень и значеніе, ни сколько другъ друга не притѣсняя и не унижая.

....Перейду къ разсужденію объ изученіи между прочимъ сартовскаго языка въ семинаріи. Меня изумляетъ изображаемая здѣсь необыкновенная легкость изученія туземныхъ языковъ. Приведу для примѣра слѣдующее мѣсто: „Вокабулы, грамматическая сторона этихъ языковъ, изучаются лишь настолько, чтобы сознательно понимать грамматическій строй языка. Филологическія тонкости не входятъ въ программу изученія. Да и элементарная грамматика языковъ персидскаго и особенно сартовскаго очень не сложна. Обоснованная на терминологіи русскаго языка, она всего на всего заключаетъ въ себѣ двадцать стр. въ $^1/_8$, установляя въ то же время всѣ

данныя для правильнаго пониманія и употребленія той или другой формы языка". „Вокабулы, грамматическая сторона этихъ языковъ, изучаются лишь на столько (дается такое впечатлѣніе, что онѣ изучаются весьма мало и легко) „чтобы сознательно понимать грамматическій строй языка". Но это сознательное пониманіе строя языка и составляетъ самую существенную задачу и цѣль всего изученія языка. И такъ какъ грамматическій строй тюркскаго языка, рѣзко отличается отъ строя русскаго, родного языка воспитанниковъ семинаріи, обязательно изучающихъ туземные языки, то онъ и долженъ быть труденъ для ихъ пониманія. Странно также величиной книжки опредѣлять легкость и несложность элементарной грамматики сартовскаго языка. Она же „всего на всего заключаетъ въ себѣ двадцать стр. in. 8-⁰.—Это какъ разъ подходитъ къ грамматикѣ сартовскаго языка г. Наливкина (Казань 1884 г.). Она дѣйствительно изложена на 20 стр. со включеніемъ даже титульнаго листка, но только она не установляетъ „всѣхъ данныхъ для правильнаго пониманія и употребленія формъ языка". Напр. на стр. 3 сказано: „Винительный падежъ образуется окончаніемъ *ны*, которое въ разговорномъ языкѣ *часто* переходитъ въ *ды* или даже *ты*. На стр. 4. „Весьма часто вмѣсто винительнаго падежа употребляется именительный". Но не опредѣлено, *когда именно* и по какимъ причинамъ происходятъ упомянутыя явленія. Еще на стр. 3. „Творительный падежъ образуется двоякимъ способомъ: 1) имена существительныя, обозначающія собою названія неодушевленныхъ предметовъ или отвлеченныхъ понятій, требуютъ предлога (послѣслога) брлетъ" и 2) „Во всѣхъ случаяхъ именъ существительныхъ, означающихъ предметы одушевленные, творительный падежъ образуется не прибавкою предлога, а извѣстнымъ построеніемъ предложенія. Такъ наприм. „Дѣло сдѣланное человѣкомъ", „Это сдѣлано человѣкомъ". Въ послѣднемъ предложеніи глаголъ обращенъ въ дѣйствительный залогъ: Это человѣкъ сдѣлалъ. Предпослѣднее предложеніе переведено своеобразнымъ и для русскаго человѣка труднымъ сочиненіемъ опредѣлительнаго предложенія, которое порусски приблизительно можетъ быть передано такъ: „Дѣло, которое сдѣлалъ человѣкъ". Слѣдовательно, здѣсь въ сартовскихъ выраженіяхъ вовсе нѣтъ творительнаго падежа; въ русскомъ же выраженіи этотъ творительный

падежъ означаетъ дѣйствующее лицо при страдательномъ залогѣ. Творительный же падежъ перваго пункта есть собственно творительный орудія, который буквально соотвѣтствуетъ французскому или нѣмецкому обороту (avec un couteau). Такихъ неясныхъ и неопредѣленныхъ правилъ въ грамматикѣ г. Наливкина не мало, и я увѣренъ, что почтенный авторъ къ своему печатному руководству прилагаетъ много устныхъ объясненій, чтобы довести своихъ учениковъ до правильнаго пониманія и употребленія формъ сартовскаго языка.

Считаю не излишнимъ присовокупить, что, по моему мнѣнію, не удобно знакомить воспитанниковъ съ арабскимъ алфавитомъ при самомъ начинаніи изученія мѣстныхъ языковъ, особенно сартовскаго. Арабскій алфавитъ для языковъ тюркскаго семейства крайне не опредѣленъ; особенно онъ бѣденъ знаками гласныхъ звуковъ, а гласные то звуки между тѣмъ довольно обильны и характерны въ названныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ. Написанныя арабскимъ алфавитомъ татарскія напр. или киргизскія слова пельзя правильно прочитать, незная предварительно вѣрнаго и точнаго произношенія ихъ. Поэтому ученые оріенталисты приняли писать эти языки европейскими буквами; къ языкамъ инородцевъ въ Россіи примѣняется русская азбука, иногда съ небольшимъ приспособленіемъ буквъ для возможно опредѣленнаго обозначенія инородческихъ звуковъ. Для киргизскаго языка примѣненіе русскаго алфавита, кажется, даже постановлено обязательнымъ. Кромѣ того, арабскій алфавитъ, составляя религіозную связь съ Кораномъ, съ самаго перваго шага долженъ подчинить учениковъ магометанскому игу.

Значеніе персидскаго языка зависитъ отъ двухъ обстоятельствъ, какъ объявлено въ разсматриваемомъ отношеніи. Во первыхъ въ Заравшанскомъ округѣ и Ходжентскомъ уѣздѣ находятся поселенія таджиковъ, говорящихъ по персидски. Во вторыхъ всѣ вообще туземцы Туркестанскаго края имѣютъ уваженіе къ персидскому языку: говорить поперсидски есть даже въ глазахъ сарта признакъ человѣка интеллигентнаго, мыслящаго, развитого. Всѣ сдѣлки у туземцевъ пишутся на персидскомъ языкѣ, какъ языкѣ развитомъ съ богатою литературою". Само собою понятно, что учителю въ поселеніи таджиковъ нужно пользоваться мѣстнымъ языкомъ. Не безполезно знать этотъ языкъ и для того, чтобы читать написан-

ные на немъ документы. Но въ разсматриваемомъ отношеніи указывается еще особая точка зрѣнія на персидскій языкъ—его высшее литературное превосходство. „Въ высшей степени (сказано здѣсь) полезно учителю начальной школы, какъ дѣятелю среди туземцевъ, знать этотъ (персидскій) языкъ. Это нравственное оружіе, которому добровольно подчинятся туземныя массы". Далѣе еще большее, гораздо высшее, какъ бы магическое обаяніе приписывается языку арабскому, о которомъ сказано: и таджики и сарты, и киргизы, и вообще всѣ туземцы—мусульмане преклоняются окончательно предъ арабскимъ языкомъ, какъ священнымъ языкомъ Корана,—верхъ человѣческой мудрости, и къ какой-бы національности они ни принадлежали, они восторженно признаютъ и поклоняются одной только идеѣ святости и мудрости въ предѣлахъ Корана. Все остальное они считаютъ лишнимъ, ненужнымъ, негоднымъ. Идея культурнаго и литературнаго священнаго престижа проходитъ чрезъ все разсужденіе о туземныхъ нарѣчіяхъ и арабскомъ языкѣ и составляетъ главный нервъ доказательства. Сартовскій языкъ доминируетъ надъ киргизскимъ, какъ языкъ интеллигентнаго населенія; выше сартовскаго языка персидскій,—нравственное оружіе, которому добровольно подчиняются туземныя массы; наконецъ всѣ разноплеменные туземцы мусульмане окончательно преклоняются предъ языкомъ арабскимъ, какъ священнымъ. Такимъ образомъ постепенно выступаетъ все большая и большая надобность сказанныхъ языковъ для начальнаго учителя, какъ народнаго дѣятеля. Но это разсужденіе, принявъ такую искусственную постановку, подверглось внутреннему противорѣчію, напр.: прежде объ сартахъ говорилось, какъ о народѣ интеллигентномъ, о языкѣ ихъ, какъ развитомъ и богатомъ, о языкѣ персидскомъ, какъ объ особенно изящномъ и литературномъ, которому добровольно подчиняются туземцы, а теперь, когда рѣчь дошла до персидскаго языка, оказалось, что всѣ туземцы, къ какой бы національности ни принадлежали, восторженно поклоняются одной только святости и мудрости арабскаго Корана, считая все остальное лишнимъ, не нужнымъ, не годнымъ. Зачѣмъ же будущему учителю терять время и труды на теоретическое и практическое изученіе языковъ сартовскаго и персидскаго, когда они всѣми туземцами считаются лишними, не нужными, не годными? Если арабскому языку принадлежитъ

высшее, священное обаяніе, то на немъ исключительно и нужно бы сосредоточить все вниманіе и весь трудъ,—твердить арабскій Коранъ, чтобы впослѣдствіи, вставляя въ разговоръ свой арабскія изрѣченія и цѣлые стихи изъ Корана, привлечь къ себѣ толпу слушателей, овладѣть ею и вести ее въ желательную для насъ сторону. Такое представленіе крайне преувеличено: правда мусульмане свято чтутъ Коранъ и уважаютъ арабскій языкъ, какъ священный, молитвенный и научный, но все же не доходятъ до такого изступленія и самозабвенія.

Нельзя согласится также и съ дальнѣйшимъ изображеніемъ муллъ, какъ людей невѣжественныхъ, а ихъ туземныхъ слушателей, какъ темной массы, способной невѣжество своихъ муллъ считать великою мудростію. У мусульманъ образованіе исключительно религіозное, посему муллы сравнительно образованный классъ народа. Школы Средней Азіи изстари знамениты,—онѣ всегда привлекали къ себѣ напр. казанскихъ татаръ, окончившихъ уже многолѣтніе научные курсы въ своихъ медресахъ. Трудно повѣрить, чтобы въ Средней Азіи были такіе невѣжественные и по-арабски мало знающіе муллы. Съ другой стороны слушатели и прихожане этихъ муллъ также огульно изображаются темною массою. Гдѣ же интеллигентные сарты и литературные таджики? Въ разбираемомъ отношеніи дѣло представляется въ такомъ видѣ: учитель своимъ знаніемъ арабскаго Корана уничтожаетъ невѣжественныхъ муллъ, овладѣваетъ умами и сердцами мусульманъ,—и посредствомъ своей школы незамѣтно, но рѣшительно ведетъ туземцевъ къ твердому и надежному сліянію съ русскими, къ распространенію между ними русскаго языка, а затѣмъ русской жизни и гражданственности. Картина эта росписана слишкомъ густыми и яркими красками. Муллы и вообще мусульманскіе ученые, благодаря своей исключительно религіозной, богословской учености, лишены свѣтскаго образованія и могутъ въ глазахъ русскихъ чиновниковъ казаться невѣжами, особенно при своей уклончивости и неумѣньи говорить по русски. Но магометанскія школы (медресы), имѣя въ числѣ изучаемыхъ предметовъ арабскую грамматику, аристотелевскую логику, схоластическое богословіе, обширный и казуистичный курсъ законовѣдѣнія и много толкованій на Коранъ и преданія Магомета, сообщаютъ своимъ питомцамъ

діалектическую оборотливость и вообще силу мысли. Съ другой стороны магометанскій народъ, вообще отличающійся религіозностью, имѣетъ опредѣленно и ясно очерченный кругъ вѣро-учительныхъ понятій, въ которыя онъ вѣруетъ, а все, что внѣ этого круга, отвергаетъ и ни въ какомъ случаѣ не допускаетъ. Поэтому нельзя представить, чтобы мусульмане, даже простые и не образованные сельскіе обыватели, изъ за нѣсколькихъ только назидательныхъ и для нихъ пріятныхъ рѣчей учителя, могли отдаться ему такъ безусловно и безповоротно, чтобы идти за нимъ, „въ какую угодно сторону".

Съ такой точки зрѣнія долженъ представиться въ особомъ свѣтѣ слѣдующій случай, довольно подробно изложенный въ разсматриваемомъ отношеніи. Одинъ воспитанникъ IV класса Туркестанской учительской семинаріи, добровольно (и по всей вѣроятности самоучкой) занимающійся изученіемъ арабскаго языка и свободно читающій уже Коранъ на арабскомъ языкѣ, нынѣшнимъ лѣтомъ, на дачѣ у одного богатаго, интеллигентнаго сарта читалъ по арабски Коранъ его сосѣдямъ, которые къ нему собирались, прося его почитать имъ священную книгу. Онъ читалъ и объяснялъ. Слушатели оставались вполнѣ довольны имъ. Распрашивали его о Меккѣ, Каабѣ, и никакъ не хотѣли вѣрить тому, что онъ тамъ не былъ, а между тѣмъ такъ хорошо знаетъ и говоритъ обо всемъ этомъ. Его мудрость они считали возможною только при вдохновеніи пророка". Не мудрено, что воспитанникъ семинаріи знаетъ нѣкоторыя подробности о Меккѣ и Каабѣ: онъ могъ прочитать объ этихъ мусульманскихъ святыняхъ въ сочиненіи одного изъ своихъ учителей, М. А. Мироніева, кандидата казанской духовной Академіи, сочиненіи о хаджѣ, т. е. о путешествіи магометанъ на поклоненіе въ Мекку, гдѣ приведено много подробностей топографическихъ и обрядовыхъ. Но всетаки „мудрость" его ниодинъ мусульманинъ не могъ приписать вдохновенію пророка Магомета, по той простой причинѣ, что магометанское вѣроученіе вовсе не предоставляетъ своему пророку силы сообщать людямъ вдохновеніе. Чтеніе Корана т. е. арабскаго его текста, составляетъ у магометанъ особую науку, гдѣ строго опредѣлены звуки арабскихъ буквъ, и ведется оно особымъ напѣвомъ, для всякаго мусульманина изъ дѣтства знакомымъ, симпатичнымъ и трогательнымъ. Могло ли быть такимъ чтеніе русскаго юноши, который самоучкой и такъ не долго занимался изученіемъ Корана! Его чтеніе было безъ сомнѣнія варварское,—нашей обычной скороговоркой. И какъ онъ могъ объяснять Коранъ, чтобы слушатели оставались довольны его объясненіями? Магометане, даже ученые, не рѣшаются на самодѣльныя толкованія Корана и руководствуются въ случаѣ надобности авторитетными древними толковниками, которыхъ у нихъ нѣсколько. Притомъ магометане читаютъ Коранъ не ради пониманія его, какъ вѣроучительной и назидательной книги, а ради богоугодности и заслуги святого дѣла. Они читаютъ Коранъ не такъ, какъ протестанты читаютъ Библію, а такъ, какъ старообрядцы читаютъ Псалтирь, ни мало не заботясь понимать его. Очевидно, сарты хотѣли поощрить усердіе молодого кяфира къ ихъ Корану въ той надеждѣ, не приведетъ-ли его Аллахъ къ мусульманской вѣрѣ, потому что магометане думаютъ, что стоитъ только прочитать Коранъ, чтобы въ него увѣровать и сдѣлаться искреннимъ, хотя бы и тайнымъ мусульманиномъ. Вотъ, по моему крайнему разумѣнію, подлинный смыслъ сартовскихъ восхваленій, а вовсе не обаяніе на массу мусульманъ знанія Корана и арабскаго языка.

Послѣ того, какъ въ разсматриваемомъ отношеніи путемъ преувеличеній доказана необходимость изученія воспитанниками семинаріи языковъ сартовскаго, персидскаго и арабскаго, сдѣланъ переходъ къ изученію этихъ языковъ, которое, не безъ задней конечно мысли, представлено весьма легкимъ и скорымъ. Я выше коснулся разсужденій сего отношенія объ изученіи сартовскаго языка. Здѣсь, не входя въ подробный разборъ всѣхъ частныхъ мыслей, остановлюсь на мысляхъ объ изученіе арабскаго языка. Вотъ какъ объ этомъ изложено въ отношеніи: „Болѣе затруднительнымъ можетъ представляться изученіе воспитанниками семинаріи арабскаго языка. Съ персидскимъ и сартовскимъ они практически знакомятся въ мѣстахъ употребленія этихъ языковъ, арабскій же заключенъ по видимому въ священныя мусульманскія книги. Но и эта сторона дѣла значительно облегчается на мѣстѣ. Прежде всего изученіе арабскаго языка предполагается элементарное, чтобы воспитанники семинаріи могли выдѣлять его въ составѣ живыхъ мѣстныхъ языковъ и чтобы они могли читать и понимать Коранъ и шаріатъ. Дальнѣйшее развитіе

въ этомъ направленіи предоставляется доброй волѣ желающихъ. Но это не особенно затруднительно. Съ арабскимъ алфавитомъ воспитанники знакомятся при самомъ начинаніи изученія мѣстныхъ языковъ. Всѣ мусульмане, къ какой бы національности ни принадлежали, ввели въ свои языки массу словъ арабскихъ. Коранъ предписываетъ имъ строго держаться извѣстныхъ условій въ отношеніяхъ семейной, общественной, государственной и экономической жизни, потому въ жизнь мусульманъ вошли не только эти условія, но и самое обозначеніе ихъ заимствовано изъ Корана. Далѣе, вслѣдствіе постоянныхъ религіозныхъ и промышленныхъ сношеній мусульманъ съ арабами, въ языкъ первыхъ незамѣтно вошло много и другихъ обыденныхъ словъ. Изучая такимъ образомъ сартовскій и персидскій языки, воспитанники незамѣтно пріобрѣтаютъ достаточный запасъ лексическаго матеріала изъ области арабскаго языка; все это служитъ достаточною подготовительною почвою, на которой уже не трудно созидать и спеціальное знаніе чисто арабскаго языка въ извѣстныхъ ограниченныхъ размѣрахъ".

Считаю долгомъ указать въ приведенномъ разсужденіи нѣкое скрытное противорѣчіе. Здѣсь говорится, что изученіе арабскаго языка предполагается *элементарное* (слышится нѣчто успокоительное относительно объема и количества предстоящаго къ изученію матеріала). Затѣмъ въ поясненіи говорится: „чтобы воспитанники семинаріи могли выдѣлять его въ составѣ живыхъ мѣстныхъ языковъ". Судя по татарскому и по нѣкоторымъ другимъ магометанскимъ нарѣчіямъ, примѣсь въ нихъ арабскаго языка является отчасти въ видѣ цѣльныхъ фразъ и предложеній, а чаще въ видѣ отдѣльныхъ словъ. Слова эти относятся къ разряду именъ существительныхъ и прилагательныхъ. Къ именамъ надо присоединить и глагольные корни, къ существительнымъ—въ формѣ неопредѣленнаго наклоненія, а къ прилагательнымъ—въ формѣ причастія дѣйствительнаго и страдательнаго залога. Въ арабскомъ языкѣ особенно развитую и сложную часть рѣчи составляетъ глаголъ. Глаголъ имѣетъ десять формацій, каждая съ двумя залогами. Первая формація заключаетъ трехъбуквенный (обыкновенно) корень глагола. Чрезъ прибавку согласныхъ буквъ и перемѣну гласныхъ звуковъ въ началѣ, срединѣ и концѣ корня производятся какъ различные залоги, времена, лица, числа и другія формы первой формаціи, такъ и всѣ прочія формаціи, съ ихъ принадлежностями. Есть также способы производства отъ корня именъ существительныхъ и прилагательныхъ.—Всѣ эти производства, какъ именъ, такъ и глагольныхъ формацій извѣстнымъ опредѣленнымъ порядкомъ, въ связи съ формой, измѣняютъ и смыслъ корня, но не всегда совершенно однообразно, часто допускаются нѣкоторыя отступленія и измѣненія въ значеніи. Что касается до формальной звуковой стороны всѣхъ арабскихъ формацій и производствъ, то они дѣлаются довольно послѣдовательно одинаковыми буквами и перемѣнами. Но есть нѣсколько группъ неправильныхъ глаголовъ, въ которыхъ общее правило видоизмѣняется и замаскировывается по поводу такъ называемыхъ больныхъ буквъ. Присоединю еще, что неопредѣленное наклоненіе первой формаціи имѣетъ довольно большое число разныхъ формъ, что въ именахъ очень разнообразно дѣлается множественное число. Такимъ образомъ этимологія арабскаго языка представляетъ большую массу весьма разнообразныхъ формъ, какъ по внѣшнему составу, такъ и по внутреннему значенію, весьма интересныхъ въ своемъ составѣ и происхожденіи, но довольно трудныхъ для основательнаго усвоенія. И почти всю эту массу надобно имѣть въ виду, чтобы отчетливо и вѣрно выдѣлять арабскій матеріалъ изъ мѣстныхъ мусульманскихъ нарѣчій и правильно понимать значеніе такихъ заимствованныхъ словъ. Еще присоединю, что въ сартовскомъ языкѣ нѣкоторыя арабскія слова получили отъ народнаго употребленія неправильное значеніе, т. е. несогласное съ арабской грамматикой.

Такимъ образомъ умѣнье выдѣлять арабскія слова и обороты въ составѣ мѣстныхъ языковъ значительно разширяетъ объемъ предполагаемаго и называемаго элементарнымъ изученія арабскаго языка въ семинаріи, но его еще болѣе усложняетъ второе опредѣленіе предполагаемаго изученія: „чтобы воспитанники могли читать и понимать Коранъ и шаріатъ". Коранъ составленъ и изложенъ поэтично, сжато, отрывисто, часто по поводу случайныхъ обстоятельствъ, отъ этого понимать Коранъ очень трудно. Въ этомъ отношеніи мусульмане особенно щекотливы. Они приписываютъ Корану семь смысловъ и никакъ не рѣшаются, даже ученые, сами толковать его безъ помощи и помимо древнихъ толковниковъ. Шаріатъ есть сводъ

постановленій религіозно-обрядовыхъ и житейскихъ, мірскихъ. Шаріатъ обнимаетъ всѣ стороны жизни мусульманъ, такъ какъ мусульманскіе общества и государства имѣютъ теократическую основу. Смыслъ Корана и шаріата—это цѣлыя и притомъ научныя области, въ которыхъ масса техническихъ выраженій и гдѣ съ однимъ знаніемъ литературнаго арабскаго языка почти ничего не подѣлаешь. Такое изученіе языка далеко не элементарно, между тѣмъ разсматриваемое отношеніе имъ не довольствуется и дальнѣйшее развитіе въ этомъ направленіи предоставляетъ доброй волѣ желающихъ.

„Но это не особенно затруднительно. Съ арабскимъ алфавитомъ воспитанники знакомятся при самомъ начинаніи изученія мѣстныхъ языковъ". Къ этому присоединены и нѣкоторыя другія соображенія съ цѣлью доказать легкость изученія арабскаго языка для воспитанниковъ мѣстной семинаріи. Но всѣ эти обстоятельства не особенно много облегчаютъ трудность задаваемой работы. Мнѣ кажется, что туркестанскіе педагоги, въ глубинѣ души сами чувствовали серьезность и трудность изученія арабскаго языка. Этимъ только и можно объяснить намѣченное ими особое и предъ другими преподавателями преимущественное положеніе преподавателя арабскаго языка по его образованію и содержанію. Въ первомъ представленіи предполагалось назначить на это мѣсто природнаго араба христіанскаго исповѣданія, получившаго образованіе на восточномъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета или въ Московскомъ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ. Въ настоящее время это условіе (чтобы онъ былъ природный арабъ) повидимому оставлено, но говорится, что это долженъ быть человѣкъ широкообразованный, спеціалистъ своего дѣла. Для элементарнаго преподаванія въ семинаріи арабскаго языка никакой не было бы надобности въ особо ученомъ и образованномъ преподавателѣ. Это на мой взглядъ и выдаетъ внутреннее сознаніе трудности и серьезности преподаванія арабскаго языка. Впрочемъ этому лицу въ разсматриваемомъ отношеніи предназначается еще особая миссія, гораздо важнѣе самаго преподаванія языка, которая изображается въ слѣдующихъ словахъ. Преподаватель арабскаго языка въ семинаріи „долженъ быть человѣкомъ въ душѣ глубоко-русскимъ. Это будетъ не простой преподаватель. На него будутъ обращены взоры всѣхъ мусульманъ края и даже болѣе дальнихъ пре-

дѣловъ; его могутъ выпытывать, вопрошать, и онъ долженъ быть готовымъ дать разумный, убѣдительный отвѣтъ всякому вопрошающему. Въ глазахъ мусульманъ онъ явится представителемъ нравственной и умственной силы Россіи, представителемъ ея мудрости. Непремѣнно нужно выдвинуть въ семинаріи такую силу. Осмѣливаюсь откровенно сказать, что эти прекрасныя желанія едвали осуществимы, а для учительской семинаріи и для ея преподавателя несоразмѣрны и даже неумѣстны. Предоставить преподавателю представительство нравственной и умственной силы Россіи и ея мудрости въ глазахъ мусульманъ, по моему мнѣнію, значило бы облекать его въ роль совершенно для него непосильную. Я даже полагаю, что самый ученый арабистъ можетъ на первыхъ порахъ возбудить только любопытство и привлечь знакомство нѣкоторыхъ выдающихся мюдаррисовъ (мусульманскихъ профессоровъ) Туркестанскаго края и Бухары, а потомъ они къ нему приглядятся и оставятъ его въ покоѣ.

Но какъ бы ни былъ ученъ и образованъ этотъ преподаватель арабскаго языка и какъ бы ни сильно было его обаяніе на туземцевъ, но, по смыслу разсматриваемаго отношенія, сила его просвѣтительнаго дѣйствія на туземцевъ должна главнымъ образомъ осуществиться черезъ его учениковъ, воспитанниковъ семинаріи, которые понесутъ просвѣщеніе въ разные пункты цѣлаго Туркестанскаго края. Центръ тяжести слѣдовательно переходитъ на семинаристовъ; они должны изучить туземныя нарѣчія и арабскій языкъ, и послѣдній въ такой степени, чтобы могли парализовать значеніе и вліяніе муллъ и привлечь къ себѣ народную массу. Я уже замѣтилъ выше, что средне-азіатскіе муллы едва ли справедливо такъ огульно обозваны невѣжественными и малознающими въ арабскомъ языкѣ; по крайней мѣрѣ въ числѣ ихъ есть безъ сомненія хорошіе знатоки арабскаго языка и мусульманской науки. Я это говорю между прочимъ на основаніи слѣдующаго факта. Когда покойный академикъ Френъ, въ первомъ десяткѣ настоящаго столѣтія, поступилъ преподавателемъ арабскаго языка въ Казанскомъ университетѣ, онъ нашелъ въ числѣ казанскихъ татарскихъ муллъ сильныхъ знатоковъ арабскаго языка, о чемъ имъ и заявлено въ печати, а Казанскіе муллы свое образованіе оканчивали въ медресахъ Бухары и Самарканда. Теперь устанавливается какъ бы состязаніе въ изученіи

арабскаго языка между туземными муллами и воспитанниками семинаріи.

Рѣшаюсь прямо утверждать, что это состязаніе всегда будетъ не въ пользу русскихъ питомцевъ. Я утверждаю это на основаніи опыта: въ Казанскомъ университетѣ было въ свое время знаменитое отдѣленіе восточныхъ языковъ, но изъ него очень мало вышло такихъ знатоковъ арабскаго языка, которые бы равнялись большинству учениковъ татарскихъ школъ. Обратимся въ другую область. Кто у насъ знатоки еврейскаго языка? Это урожденные евреи, которые первое образованіе получили въ своихъ раввинскихъ школахъ. Въ школахъ еврейскихъ и магометанскихъ языки Библіи и Корана изучаются съ дѣтства, изучаются преимущественно и почти исключительно, затверживаются очень прочно и крѣпко; словомъ—матеріалъ языка вполнѣ усвоивается учащимися; магометане притомъ изучаютъ арабскій языкъ практически. Въ нашихъ же училищахъ восточные языки изучаются преимущественно теоретически, потому что ученики нашихъ школъ не могутъ имѣть столько времени для практическихъ занятій и натверживанія тѣхъ языковъ. Съ другой стороны тѣ благопріятствующія обстоятельства, какія перечислены въ разсматриваемомъ отношеніи для туркестанской семинаріи, напримѣръ множество арабскихъ словъ и выраженій, вошедшихъ въ новые туземные языки, эти обстоятельства имѣютъ перевѣсъ на сторону туземцевъ магометанъ и имъ еще болѣе должны содѣйствовать въ изученіи арабскаго языка и отнимать пальму превосходства у другихъ.

На этотъ столь рискованный путь состязанія ставитъ воспитанниковъ семинаріи именно идея *обаянія*, которое указывается, какъ вѣрнѣйшее и необходимое средство къ пріобрѣтенію русскими учителями симпатій туземнаго населенія. Но эта идея идетъ какъ разъ въ противность той серьезной и великой цѣли, какую генералъ-адъютантъ фонъ Розенбахъ въ просвѣщенной заботливости о мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ предназначаетъ Ташкентской семинаріи. Онъ хочетъ изъ ея питомцевъ создать для русско-мусульманскихъ школъ контингентъ дѣятелей надежныхъ, развитыхъ, знающихъ, могущихъ однимъ уже своимъ знаніемъ высоко держать въ чуждой странѣ Русское знамя. Но усиленное теоретическое и

особенно практическое изученіе мусульманскихъ языковъ должно препятствовать какъ воспитанію въ самихъ ученикахъ семинаріи, такъ и проявленію ими въ средѣ туземцевъ русскаго духа и русской жизни. Представляю дѣло практически. Ученики семинаріи въ учебное время практикуются съ туземнымъ преподавателемъ, а въ вакаціонное время живутъ и постоянно упражняются въ языкѣ среди населенія сартовъ или таджиковъ. Мусульмане очень усердны и исполнительны въ своей вѣрѣ; ихъ языкъ и бытъ пропитаны выраженіями и уставами мусульманскими. Живя вмѣстѣ съ магометанами и повторяя за ними обычные туземные разговоры, въ томъ числѣ много арабскихъ религіознаго содержанія выраженій, а съ другой стороны раздѣляя на этотъ разъ съ своими хозяевами всю обстановку и всѣ формы быта туземнаго, магометанскаго, молодые люди, русскіе воспитанники, непзбѣжно должны скрыть свое христіанство и даже внѣшнія черты русской жизни, иначе они навлекутъ на себя неудовольствіе или по крайней мѣрѣ несочувствіе туземцевъ. А по окончаніи семинарскаго курса, поступивъ на должность въ какую нибудь сартовскую или таджикскую трущобу, русскій молодой учитель, гоняясь за привлеченіемъ симпатіи туземнаго населенія чрезъ чтеніе Корана и арабскія назиданія, еще болѣе втянется во всю бытовую и отчасти религіозную внѣшность мусульманской жизни. Извѣстна наша неустойчивость въ своемъ русскомъ и большая податливость на все чужое.

Генералъ фонъ Розенбахъ совершенно вѣрно и притомъ въ высшей степени сочувственно характеризуетъ учительскую семинарію въ слѣдующихъ словахъ. „Централизуя все воспитаніе и обученіе около изученія главнымъ образомъ русскаго языка, русской исторіи, русской географіи, учительская семинарія высоко держитъ знамя русской народности. Русскіе учителя изъ учительской семинаріи являются, при посредствѣ школы самыми лучшими, надежнѣйшими проводниками русскихъ началъ въ краѣ, русскихъ нравовъ, обычаевъ русской жизни. Таковъ мой взглядъ на Туркестанскую учительскую семинарію; я очень дорожу этимъ учебнымъ заведеніемъ и рѣшительно не намѣренъ преобразовать его въ какое нибудь другое учрежденіе“.

И пусть Туркестанская семинарія сосредоточитъ все свое вниманіе на разработкѣ этого воспитательнаго матеріала, не развлекаясь посторонними языками и предметами.

Подписалъ: Директоръ Казанской учительской семинаріи Н. Ильминскій. С-Петербургъ 6-го декабря 1885 года.